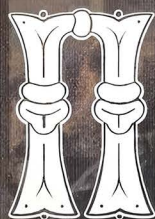

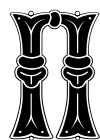
Пьер ПАСКАЛЬ

УГАЧЕВСКИЙ БҮНТ

Пьер ПАСКАЛЬ

УГАЧЕВСКИЙ БУНТ

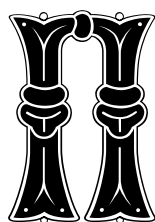
LA RÉVOLTE DE POUGATCHÈV

présentée par Pierre Pascal

Paris
JULLIARD
1971

ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ТАТАР
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Центр этнологического мониторинга

Пьер ПАСКАЛЬ

УТАЧЕВСКИЙ БУНТ

Перевод с французского
Лилии САХИБГАРЕЕВОЙ
под редакцией и с комментариями
Игоря КУЧУМОВА

Уфа
Издательство ИП Галиуллин Д.А.
2010

УДК 94(47)"1773/1775"

ББК 63.3(2)46

П19

Серия «Башкортостан в зарубежных исследованиях»

(издается с 2006 г. под общей редакцией

д-ра ист. наук *Д. М. Исхакова*)

Пер. с франц. канд. филол. наук *Л. Ф. Сахибгареевой*

Науч. ред., коммент. и вступ. ст. канд. ист. наук *И. В. Кучумова*

Рецензенты

д-р филол. наук *Ф. Г. Галиева*, канд. ист. наук *И. М. Габдрафиков*

Pascal P. La Révolte de Pougatchëv.

Paris: Julliard, 1971. 276 p.

Паскаль П.

П19

Пугачевский бунт / Пьер Паскаль; Центр этнологического мониторинга Исполн. ком. Всемирного Конгр. татар; пер. с франц. канд. филол. наук *Л. Ф. Сахибгареевой*; науч. ред., коммент. и вступ. ст. канд. ист. наук *И. В. Кучумова*. Уфа: Издательство ИП Галиуллин Д. А., 2010. 184 с. (Башкортостан в зарубежных исследованиях).

ISBN 978-2-0702888-7-8 (фр.)

ISBN 978-5-9902117-6-6 (рус.)

Исследование выдающегося французского слависта Пьера Паскаля (1890–1983) посвящено событиям 1773–1775 гг. в России. Особое внимание уделяется участию в них башкир и горнозаводского населения Урала.

УДК 94(47)"1773/1775"

ББК 63.3(2)46

ISBN 978-2-0702888-7-8 (фр.)

ISBN 978-5-9902117-6-6 (рус.)

© Gallimard, 1973

© Л. Ф. Сахибгареева, перевод на русский язык, 2010

© И. В. Кучумов, вступительная статья, комментарии, 2010

**«БЕССМЫСЛЕННЫЙ И БЕСПОЩАДНЫЙ»
(заметки о книге Пьера Паскаля
по истории пугачевского бунта)**

Как ни парадоксально, эта книга не столько о Пугачеве, «крестьянской войне» под его предводительством и восемнадцатом веке, сколько о более позднем времени. Для Пьера Паскаля – свидетеля и активного участника русской революции – пугачевщина, видимо, была лишь поводом для размышлений об исторических судьбах России и о том, что с ней произошло в первой четверти XX в. Тем не менее, мои заметки касаются именно пугачевского бунта.

П. Паскаль¹ родился в семье профессора греческого и латинского языков. Еще в лицее он заинтересовался русским языком и русской культурой. В 1910–1913 гг. и с 1916 г. П. Паскаль находился в России. С восторгом приняв русскую революцию, он участвовал в создании французской коммунистической ячейки, работал в Наркомате иностранных дел. В это же время стал собирать материалы о раннем старообрядчестве и объездил раскольнические скиты За-волжья. Разочаровавшись в революции, П. Паскаль в 1933 г. не без трудностей уехал из СССР во Францию, опубликовал там **[125]** и посвятил себя преподаванию на славянском факультете Сорбонны.

Петр Карлович (так называли его ученики и русские эмигранты) был русистом широкого профиля, круг его научных интересов охватывал проблемы истории, этнографии, религиоведения (см. описание архива ученого: **[113]**). Издаваемый нами перевод небольшой по объему работы о пугачевском бунте² характеризует еще одну сторону творчества выдающегося исследователя. Его ученик, видный французский литературовед-славист Жорж Нива назвал эту книгу оригинальным монтажом архивных документов **[46, с. 121]** – П. Паскаль действительно обильно цитирует источники. По жанру книга близка к историческому эссе.

После **[125]** это было еще одним обращением П. Паскаля к

¹ Подробнее о нем см. **[46; 93; 23; 45; 71]**.

² Книга была издана в 1971 г. парижским издательством «Julliard» и переиздана в 1973 г. крупнейшим французским издательским домом «Gallimard».

проблеме народного протеста, и автора, видимо, больше интересовал русский бунт как явление, его конкретные проявления и в конечном итоге последствия в случае победы³. В нашей стране русофил П. Паскаль видел избранницу истории, страну, христианскую в высшем смысле [25], и пугачевский бунт был для него еще одним поводом попытаться осмыслить специфику ее цивилизационного развития, понять загадку «русской души» – что обычно интересует западных интеллектуалов. Нам неизвестно, был ли знаком П. Паскалю вышедший в Румынии малоизвестный роман русского эмигранта М. Первухина «Пугачев-победитель» (1924), но результаты правления пришедших к власти в 1917 г. «пугачевцев-победителей» французскому исследователю были ведомы не из вторых рук и они его вскоре разочаровали... В «Пугачевском бунте» П. Паскаль изучил русскую «несостоявшуюся (manquée) революцию» XVIII в., к которой, как и к заблуждению своей молодости, он, видимо, также не испытывал восторга.

«Пугачевский бунт» создавался в тот период, когда увлечение русской революцией ставшего ревностным католиком автора было уже в далеком прошлом. У П. Паскаля нет характерной для марксистской историографии апологетики действий восставших, но иногда он все же сбивается на идеологемы советских историков. Так, в частности, в небольшом параграфе, посвященном Салавату Юлаеву (см. с. 150), характерная для книги объективность изложения подменяется романтической абстракцией в духе писателей-демократов⁴ и советских исследований⁵.

³ П. Паскаль не ставил своей целью ответить на советский трехтомник под редакцией В. В. Мавродина по истории Крестьянской войны 1773–1775 гг., как иногда утверждается [103, с. 144]. Естественно, автор полемизировал с советскими историками, однако эта дискуссия была не прямой [103, с. 143], а скрытой. Вряд ли уместно упрекать [103, с. 143] французского исследователя в широком использовании [18]. Как известно, наши историки после 1917 г. этот труд не любили и постоянно его третируют (см., например, [36, с. 89– 92]), но сами нередко черпали отсюда факты и даже прямо следовали его тексту (ср., например, частое эпитонство [18] в [6]).

⁴ См.: *Нефедов Ф. Д.* Движение среди башкир перед Пугачевским бунтом; Салават – башкирский батыр // Русское богатство. 1890. № 10; *Лоссиевский М. В.* Пугачевский бригадир Салават и Фариза // Волжско-Камское слово. 1882. № 221; *Игнатьев Р. Г.* Башкир Салават Юлаев – пугачевский бригадир, певец-импровизатор // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Ка-

П. Паскаль пытается дать психологический анализ бунта – подход, который уже применялся в дореволюционной русской науке (например, Н. Н. Фирсовым), но был позже отброшен⁶. Рассказывая о кровавых событиях 1773–1775 гг., он оценивал их через собственный опыт участника русской революции, хотя и признавал, что у пугачевщины и 1917 г. были разные корни и предпосылки. Для П. Паскаля русский бунт воистину «бессмысленный и беспощадный». Критерием оценки им этого феномена, видимо, был Пушкин, известное сочинение которого на эту тему он часто цитирует и в чем-то ему даже подражает. Надо отметить, что в зарубежной историографии (например, [130]) «История Пугачева» считается историографической неудачей поэта. П. Паскаль своей книгой реабилитирует этот труд, предвосхищая новейшие изыскания (например, с позиций постмодернизма [2]) и способствуя выработке объективной оценки самой пугачевщины⁷.

заны, 1893. Т. XI, вып.2; первый (1929 г.) вариант романа С. П. Злобина «Салават Юлаев».

⁵ Недавние попытки объективного анализа: [102] и более радикальные [54; 38]. В тогдашних условиях [54] не удалось напечатать в Уфе, она была запрещена, а в отношении ее автора и меня как ее рецензента возбуждены уголовные дела, мы были арестованы и помещены в следственный изолятор. Художественное воплощение образа Салавата Юлаева с позиций [54; 38] см.: Елисеева О. И. Лев любит Екатерину. М., 2009. С. 239–246, 307–310. Роман О. И. Елисей – это одно из редких еще в постсоветской беллетристике изображений пугачевщины, не скованное советской идеологией. Кроме этого произведения, мне пока известен лишь один современный исторический роман на эту тему: Куляшов П. Шальные люди. Ижевск, 2000. С. 5–292.

⁶ В последнее время его на основе, в частности, идей М. М. Бахтина, А. Я. Гуревича и др. реанимировал В. Я. Мауль [39].

⁷ В постсоветское время интерес отечественных исследователей к пугачевщине резко снизился. Недавние немногочисленные работы на эту тему (как, например, нижеупомянутые публикации Р. В. Овчинникова, ряд книг, изданных в последние годы в Башкирии [10]), написаны гораздо раньше и воспроизводят оценки советской науки. Отрадно, что в настоящее время издательство «Молодая гвардия» планирует выпуск новой биографии Е. И. Пугачева в серии «Жизнь замечательных людей». О новейших дискуссиях вокруг народных восстаний в России в XVII–XVIII вв. см. [47; 42; 104; 90; 92].

Пугачевщина продолжает изучаться за рубежом. К уже давним работам Дж. Александера, П. Авриха, М. Раева и Ф. Лонгюорта (США), Э. Доннерта (ГДР), Д. Петерс и П. Пламбек (ФРГ) в последние годы

Опираясь на Пушкина, гуманист П. Паскаль постепенно подводит читателя к мысли, что в этом грандиозном движении тесно сплелись благородное стремление простого народа освободиться от гнета системы (надо сказать, что тяжелое положение основной массы населения России в XVIII в. французским автором описано столь подробно и объективно, что иногда вступает в противоречие с его в целом негативной оценкой бунта) и кровавая, ужасающая по своей жестокости форма реализации этой мечты.

Немногочисленные и пока еще крайне противоречивые новейшие отечественные работы о пугачевском бунте (например: **[33, с. 89–202]**) также свидетельствуют, что, пройдя через его полное развенчание в XVIII и XIX вв., через апологику в XX столетии, мы, вслед за П. Паскалем, сейчас возвращаемся к пушкинским оценкам этого исторического явления⁸.

* * *

В заключение следует сказать об эдичионных принципах подготовки русского перевода настоящей книги. Поскольку французское *révolte* в русском языке имеет несколько отличающихся семантической нагрузкой значений («восстание, бунт, мятеж»), то с учетом идейной направленности книги и ее явному подражанию пушкинской «Истории Пугачева» было решено переводить это слово как «бунт».

Наши краткие комментарии⁹ и дополнения заключены в угло-

добавились публикации Э.-К. Керстен и А. Плате (ФРГ), К. Тоёкавы (Япония), Р. Тухтенхагена (ФРГ): **[94; 104; 107–109; 112; 114; 116–119; 126–129; 130; 132]**. Наконец, в Мексике вышел сборник статей, где пугачевский бунт анализируется в сравнении с освободительными движениями Латинской Америки (раздел о Е. И. Пугачеве написала российский этнолог-мезоамериканист А. А. Бородатова): **[110]**.

⁸ «Пугачев из "Истории пугачевского бунта" встает зверем, а не героем» **[100, с. 248]**. Ср.: «Новые попытки изучения пугачевского бунта не исключают реанимации пушкинских исследовательских подходов, вполне созвучных запросам современной гуманитаристики» **[39, с. 259]**. Разумеется, представления А. С. Пушкина о пугачевском бунте надо воспринимать не по одной прошедшей цензуре (хотя и неглубокую) и самоцензуру **[68]**, а с учетом анализа бесцензурных **[67]** и ряда других его произведений.

⁹ Подробные сведения см. в работах, указанных в библиографии к настоящей книге, в «Оренбургской Пушкинской энциклопедии» (Оренбург, 1997; электронная версия широко доступна во Всемирной

вые скобки: <...>. Нами были опущены воспроизведенные из доступных отечественных публикаций иллюстрации французского оригинала, представляющие интерес только для западного читателя-неспециалиста. К приложенной П. Паскалем библиографии нами добавлены (без специального выделения) наиболее важные позднейшие работы, а также труды, не попавшие в поле зрения автора. Из библиографии также исключены работы о пугачевщине, упомянутые П. Паскалем (преимущественно западных и русских эмигрантских историков), но непосредственно им в тексте книги не цитируемые.

Мы сохранили авторское оформление научного аппарата – часто без указания источников цитирования (при этом все цитаты были атрибутированы), но иногда заменяли (без оговорок) публикации документов более новыми их изданиями. Произведения А. С. Пушкина цитируются по [67–69].

На первоначальном этапе работы (до появления оцифрованных Google оригиналов части использованных П. Паскалем дореволюционных источников) помощь в подготовке русского перевода книги оказывали сотрудники Российской национальной библиотеки, Научной библиотеки Уфимского научного центра РАН и Национальной библиотеки им. А. Валиди Республики Башкортостан, которым переводчик и научный редактор выражают свою благодарность.

И. В. Кучумов, кандидат исторических наук.

Сети), энциклопедии «Салават Юлаев» (Уфа, 2004), публикациях Р. В. Овчинникова (1926–2008), в частности, в [20; 49–52], а в перспективе – в его обширном комментарии к «Истории Пугачева» в готовящемся новом Большом академическом полном собрании сочинений А. С. Пушкина [48]. Однако почти все эти работы требуют критического отношения: в российской историографии качественное осмысление исторического материала о пугачевщине с позиций современной науки пока еще отстает от его количественного накопления.

ПУГАЧЕВСКИЙ БУНТ

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

1972 г. исполнится 200 лет бунту яицких казаков (напомним, что тогда река Урал именовалась Яик) – предшественнику отчаянной авантюры Пугачева.

Этот казачий бунт перерос в мятеж всего угнетенного люда: башкир, приписных крестьян уральских заводов, народов Поволжья и крепостных соседних губерний.

Отголоски его докатились до Западной Сибири и центральных губерний Европейской России. Неграмотный казак на какое-то время создал реальную угрозу власти Екатерины II и существованию ее империи.

История пугачевского бунта до сих пор не написана

История пугачевского бунта, отвечающая требованиям современной науки, пока не написана даже в самой России¹. И я думаю, что мы еще долго не увидим такого исследования.

Проблема заключается здесь не столько в отсутствии документов – их как раз сохранилось предостаточно, поскольку пугачевский бунт затронул все стороны жизни тогдашней России, а в том, что большинство авторов анализируют лишь военную сторону пугачевского движения: коммуникации, механизмы снабжения бунтовщиков, принципы формирования их армии, ход сражений и т.д.

К сожалению, документов, исходящих из лагеря бунтовщиков, сохранилось крайне мало: во-первых, после поражения в конце марта 1774 г. под Татищевой крепостью Пугачев приказал уничтожить архив своей Военной коллегии, а во-вторых, манифесты и указы бунтовщиков истреблялись самими властями; до нашего времени дошли лишь материалы следственных дел. Авторами примерно 80 из сохранившихся повстанческих документов являются Пугачев или его Военная коллегия, а около 200 – «полковники» или другие сподвижники самозванца. Сюда же можно отнести недавно обнаруженные документы пугачевской Военной коллегии, датируемые 13 января – 3 июня 1774 г.²

Таким образом, документы бунтовщиков отложились лишь в фондах правительственных учреждений.

Архивные источники

Сегодня основной массив документов по данной теме сосредоточен в двух крупных архивохранилищах: РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив) и РГАДА (Российский государственный архив древних актов)³.

¹ <Очевидно, П. Паскаля не удовлетворяло качество советских работ по истории пугачевского бунта, в первую очередь трехтомного коллективного труда советских историков «Крестьянская война в России в 1773–1775 гг.: восстание Пугачева» (Л., 1961–1970) – самого крупного в отечественной историографии исследования этой проблемы. Сегодня см. еще [1; 43; 50; 4; 110]>.

² Все даты в книге приводятся по юлианскому стилю (в XVIII в. он на 11 дней отставал от григорианского).

³ <В русском переводе настоящей книги приводятся современные названия архиво- и книгоохранилищ>.

В РГВИА находится фонд правительственной Военной коллегии, а именно документы о подавлении бунта. Особо следует выделить фонды казачьих полков, Генерал-аудиторской экспедиции Военной коллегии (ф. 8), Секретной экспедиции Военной коллегии (ф. 20, который включает 5 огромных фолиантов материалов по «делу Пугачева») и канцелярии шефа иррегулярных (казачьих) войск генерала Г. А. Потемкина-Таврического (ф. 52) за 1774–1775 гг.

В РГАДА хранятся дела гражданских ведомств, в частности, 6-й разряд бывшего Государственного архива и Московского архива Министерства юстиции, где еще при Николае I были сосредоточены материалы о пугачевском бунте. Здесь отложились бумаги Тайной экспедиции Сената, Казанской и Оренбургской секретных комиссий (с ценными протоколами допросов бунтовщиков), манифесты и другие документы вождя бунтовщиков и его сподвижников, следственное дело Пугачева.

Централизация материалов дел о бунте, завершившаяся к концу 1920-х гг., пополнила фонды РГАДА собраниями, ранее хранившимися в провинциальных архивах. Таким образом, сегодняшнему исследователю доступны многие ранее малоизвестные документы. В Москве (РГАДА, ф. 1100) теперь хранятся бумаги оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа⁴ – важный источник по казачьему бунту 1772 г. и началу пугачевщины. Также стали более доступными документы о бунте из фондов Астраханской, Архангельской и Московской губернских, Арзамасской, Уфимской и Шацкой провинциальных канцелярий и архивов уральских заводских контор.

Несколько десятков увесистых фолиантов архива П. И. Панина, ревностно, но тщательно берегавшиеся до 1918 г. его наследниками в смоленском имении Дугино, сейчас находятся в РГАДА <(ф. 1274)> и Российской Государственной Библиотеке <(ф. Панины)>.

В Российской Национальной Библиотеке в Санкт-Петербурге хранится архив Г. Р. Державина.

Наконец, соответствующие материалы имеются в архивохранилищах Астрахани, Омска, Ульяновска (бывший Симбирск),

⁴ <Рейнсдорп Иван Андреевич (1730–1781) – генерал-поручик, оренбургский губернатор с 1768 г. Возглавил оборону Оренбурга от войск Е. И. Пугачёва, за что был награжден орденом Александра Невского. Послужил прообразом генерала Андрея Карловича Р. в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина. См. [49, с. 105–112]>.

Екатеринбурга и Челябинска.

В коллективной монографии советских ученых о пугачевском бунте дана подробная характеристика как упомянутых выше, так и иных архивных фондов по этой теме [27, с. 27–64].

Большинство источников о восстании, хранящихся в советских архивах, все еще не введено в научный оборот⁵. Многие важные документы о пугачевщине до сих пор не опубликованы, а те, что увидели свет, отличаются невысоким уровнем археографической подготовки, комментариев и анализа.

В поисках смысла трагедии

Изучение всех публикаций о пугачевском бунте, зачастую рассыпанных по провинциальным изданиям, не под силу одному человеку. Чтобы написать достоверную историю пугачевщины, научному коллективу нужно сначала выявить все источники, а затем поручить их обработку одному выдающемуся исследователю.

Я поставил перед собой задачу, привлекая имеющиеся данные и обильно цитируя источники того времени, как можно подробнее рассказать об этом эпизоде русской истории, этой «несостоявшейся революции», трагедии, в которой проявилось столько высоких и (чаще всего!) низких человеческих качеств.

Меня могут обвинить в том, что я постоянно перемещаюсь из одного лагеря в другой, от бунтовщиков к властям и наоборот, но это вполне нормально при проведении объективного исследования.

Кроме того, я полагаю, что эта небольшая книжечка позволит интересующимся не только ознакомиться с документами той эпохи, но и узнать о социально-политическом положении России в последней трети XVIII в. Надеюсь, что мои читатели получат от знакомства с моей работой столько же пользы и удовольствия, сколько получил я сам в процессе ее написания.

⁵ <См. теперь [14; 26; 28; 29; 30; 31] и др.>.

Пролог СТЕПЬ

«За тысячу верст⁶, да еще за тысячу... итого за две тысячи верст от столицы...

От дикого Приволжья до буйной реки Яика, от Прикамья до моря Каспия протянулась степь матушка, просторная, синяя, неоглядная, и тянется бесконечно во все края... Есть где разгуляться удали молодецкой, есть где вздохнуть широко, есть где рассказаться и растерять все свои печали и тяжести сердечные, есть где удало сложить буйную головушку, что не ужилась под началом и ушла на приволье пожить сама себе хозяйкою...

Сволочились сходцы-молодцы со всей Руси... Горемыка ли оголелый и голодный иль умница да ленивица, иль правый судом обойденный, иль бедный милостью людскою, бедами богатый; грешник окаянный и лютый разбойник, иль угодник Божий, иль мужик, боярин, распол⁷, солдат, профос⁸, каторжник... Все едино, всех вербует к себе в службу майор Жаворонок, что заливается звонко средь синих небес и степей. Просим милости! – поет он. – Рады товарищу! Дорога нам головушка удалая да кулак тяжелый. Закон один про всех: вольная волюшка! Подначалья нет, потому что нет ни судей с писарями, ни воевод с палачами, ни бар-господ с бурмистрами. Правда, есть атаманы, есаулы, пятидесятники... Да покажи удаль свою, и сам станешь есаулом; заткни за пояс отвагой и головорезью, и в три дня сам атаман. А в житье-бытье, на отдыхе, под небом ясным и звездами, сам себе набольший и никого не знай...» [135, р. 269].

Степная вольница

Есть что-то романтическое в этих словах, открывающих сделан-

⁶ Верста – приблизительно 1,1 км.

⁷ <Расстриженный поп>.

⁸ <Один из низших чинов в русской армии. Профосы должны были следить за чистотой и порядком в местах расположения войск, вести надзор за арестантами, исполнять телесные наказания и т. д.>.

ный Э.-М. Вогиюз⁹ пересказ для французского читателя фундаментальной «Истории Пугачевского бунта» (1834) известного русского поэта А. С. Пушкина¹⁰, но именно таковой была территория, где во времена Екатерины II разразился казачий бунт.

В середине XVIII в. четкая граница имела у России только на западе; на севере ее заменял Северный Ледовитый океан. Впрочем, можно сказать, что территория империи в районах Тихого океана, Черного и Каспийского морей еще только-только формировалась, причем в условиях нестабильности и неясности. На востоке, в недавно присоединенном Заволжье, финно-угорские и тюркские народы сохраняли, тем не менее, свою независимость; эти кочевники или полукочевники в любой момент могли восстать. Огромные южные пространства, простирающиеся от Днестра до Каспия и далее, хотя и были вроде бы поделены между Турцией и Россией, на самом деле оставались ничейными. Там обитали крымские татары во главе со своим ханом; в 1769 г. они вторглись на более чем 300 км севернее Херсона и захватили свыше 1000 пленников в Елисаветградском уезде. Крымчаки постоянно враждовали с запорожскими казаками, обосновавшимися в низовьях Днепра; последние, в свою очередь, почти не зависели от России. С Северного Приазовья совершали свои набеги ногайские татары, а расположенная на его восточном побережье турецкая крепость Азов преграждала донским казакам выход к морю. У «Войска», то есть донских казаков, не было четкой границы на юге и оно занимало Придонье, простираясь на севере до Воронежа и Тамбова, а на востоке – почти до Царицына¹¹. На восточном побережье Азовского моря Кубань и местные татары были подвластны турецкому султану, но постоянно подвергались казачьим набегам. На юго-востоке Придонья до самого Каспия простиралась обширная степь, где в Нижнем Поволжье кочевали монголоязычные калмыки, пришедшие из Джунгарии¹² пример-

⁹ <Вогиюз Эжен-Мельхиор (1848–1910) – французский политический деятель, писатель и критик. Пропагандировал русских писателей во Франции>.

¹⁰ <Приведенная П. Паскалем цитата принадлежит дореволюционному русскому писателю, автору историко-приключенческих романов, Евгению Андреевичу Салиасу-де-Турнемиру (1841–1908): *Салиас де Турнемир Е. А. Пугачевцы*. Курск, 1995. Т. 1. С. 47–48>.

¹¹ <Подробнее см. [77; 62]>.

¹² <Джунгарское (Ойратское) ханство – государство ойратов в Джунгарии (часть территории современного Северо-Западного Ки-

но за сотню лет до этого.

На этой территории имелся лишь один русский город: хорошо укрепленная и вооруженная Астрахань, контролировавшая устье Волги – крупный коммуникационный, политический и торговый узел, связывавший центр страны с южными и восточными окраинами, а также с Азией. На город постоянно нападали разбойники, казаки, калмыки и т. д., да и сами астраханцы – рыболовы, грузчики, возчики, купцы всех наций и религий – в любой момент могли взбунтоваться. Даже стрельцы занимались здесь мелким ремеслом или торговлей.

Далее, по реке Урал, которая в те времена именовалась Яиком, располагалось Яицкое казачье войско. За ним начиналась Центральная Азия – бескрайняя степь, тянувшаяся до Хивы и Бухары, откуда совершали свои набеги каракалпаки и три орды кайсак-киргизов¹³. Яицкие казаки и калмыки с одной стороны, и киргизы с другой чередовали торговлю с набегами друг на друга, во время которых угоняли людей и лошадей.

Открытая граница

Все на этих землях постоянно двигалось, смешивалось, все дышало свободой. В 1771 г. калмыки (те из них, кто смог переправиться через Волгу до паводка) вернулись в Джунгарию. Нередко казаки совершали набеги на земли султана. Запорожские казаки в основном состояли из украинцев, а также из татар. Русские доминировали в составе донских и яицких казаков, однако среди них встречались также калмыки, киргизы и украинцы¹⁴. Более того, эти три казачьих войска укрывали у себя и даже принимали в свои ряды всех гонимых властями: беглых помещичьих крестьян, солдат-дезертиров, староверов, разорившихся кредиторов и обычных преступников. Со времен Петра Великого государство неоднократно требовало от казаков прекратить эту практику, поскольку крепостных разыскивали хозяева, солдат – Военная коллегия, а казне были нужны деньги. Казаки же оправдывались тем, что «с Дону выдачи нет», и властям приходилось с этим мириться, ибо донцы охраняли государственную границу.

тая), сложившееся в 30-х гг. XVII в. В 1757–1758 гг. было завоено китайской династией Цин».

¹³ <Кайсак-киргизы, киргизы, кайсаки – современные казахи>.

¹⁴ <О происхождении донского казачества см. [8; 41; 75]>.

Казачьи бунты: Болотников

Между крепнувшим российским государством и казаками, отказывавшимися служить в русской армии, постепенно нарастала напряженность, нередко превращавшаяся в бунт¹⁵.

Именно так было в эпоху Смутного времени в начале XVII в. В 1606 г. некий Болотников¹⁶ поднял крестьян против царя Василия Шуйского. Бывший холоп, укrywшийся на Дону, будущий вождь бунтовщиков позднее попал в плен к туркам и был продан ими на галеры. Ему удалось бежать и вернуться в Россию. В своих «прелестных письмах» он призывал всех подневольных людей вооружаться, бить господ и бояр. Ему удалось взять Орел и Калугу, дойти до Москвы, но затем пришлось отступить в Тулу.

Там Болотникова поддерживали донские казаки, направлявшиеся через Астрахань на Терек (на западном побережье Каспийского моря). Их отряд вышел из Астрахани и, постепенно увеличиваясь, двинулся вверх по Волге, на Москву, против бояр. Казачий атаман переписывался с Лжедмитрием I и называл себя царевичем Петром, сыном царя Федора и внуком Ивана Грозного (хотя у Федора не было сыновей!), но на самом деле был простым дворовым из Муром, сбежавшим на Терек. Пораженные его сноровкой и умом, казаки приняли беглеца в свой круг и чтобы придать легитимность своему походу, поручили ему играть роль царевича. Но под Казанью бунтовщики, узнав о смерти Лжедмитрия, повернули обратно. Спускаясь вниз по Волге, они убивали царских чиновников и богатых купцов. Пройдя по Донцу и украинским городам, казаки внезапно повернули на север к Болотникову.

Эта грандиозная крестьянская война потрясла Россию от Каспия до Москвы. В ней проявились характерные черты всех последующих бунтов, вплоть до пугачевского: главной движущей силой было казачество¹⁷, активным участником – подневольное крестьянство, имелся «царь» (или «царевич»), которого требовалось восстановить на престоле, бунт сопровождали восстания не-

¹⁵ <См. [21]>

¹⁶ <Болотников Иван Исаевич (?–1608) – предводитель восстания 1606–1607 гг., беглый холоп. Организатор и руководитель бунтовщиков в южных районах России, под Москвой, Калугой, Тулой. В октябре 1607 г. был сослан в Каргополь, ослеплен и утоплен>.

¹⁷ <См. [63]>.

русских народов. В 1607 г. мордва и черемисы¹⁸ Среднего Поволжья осадили Нижний Новгород, и их удалось усмирить лишь в 1611 г. Болотников исчез в 1607 г. Это была первая крестьянская война в России¹⁹.

Степан Разин²⁰

Вторым и более близким по времени к пугачевщине явился бунт Степана Разина.

С. Разин был донским казаком, дважды участвовал в посольствах, периодически посылаемых Войском в Москву за жалованьем и подарками; следовательно, это был домовитый человек. В 1667 г. он возглавил разбойничий поход по Волге: грабил царские, патриаршьи и купеческие суда, убивал правительственных чиновников и принимал к себе «работников». Вскоре у него уже было 35 стругов (судов) и 1500 человек. В Астрахани его попытались задержать, но многие ее стрельцы перешли на сторону казаков. Разин взял Гурьев и там зазимовал. Восемнадцать месяцев грабил он побережье Дагестана, богатые персидские города, и, собрав огромное богатство, в августе 1669 г. решил вернуться на Дон. Это был обычный казачий набег, только более успешный, чем предыдущие. Но вскоре все изменилось.

Разинцы при поддержке голытьбы установили в Астрахани свою власть. Выйдя вновь на Волгу, они захватили царский военный обоз, часть его стрельцов перешла к бунтовщикам. В Царицыне казаки открыли двери тюрем и приняли в свои ряды беглых из России. На Дону казачья голытьба, в отличие от властной старшины, встретила разинцев с восторгом. В противовес столице Войска Донского – Черкасску – Разин основал на речном острове свою. В Черкасске он появился лишь для того, чтобы спросить у московского посланника: «От кого ты приехал доподлинно – от великого ли государя или от бояр?», после чего приказал его утопить. Так начался бунт.

¹⁸ <Дореволюционное название марийцев>.

¹⁹ Авантюра Болотникова изложена по [89] (см. еще [37]).

²⁰ <В русском переводе мы используем форму написания этого имени, принятую в современной отечественной литературе. Во французском оригинале приводится вариант «Стенька Разин» – распространенная в западных изданиях (в том числе научных) форма имени С. Т. Разина, восходящая к дореволюционным русским публикациям>.

Теперь бунтовщиков было уже 7000 человек. Жители Царицына открыли разинцам городские ворота, а воеводу утопили в Волге. Собрав казачий круг, Разин объявил, что хочет бить воевод и идти на Москву против бояр. Оставив в Царицыне десятую часть своего войска и избранного горожанами нового воеводу, он разбил два царских полка, шедших на защиту города – один с севера (1000 московских стрельцов), другой с юга (3000 астраханцев). Их командиров утопили, а остальных приняли в казаки. 23 июня 1670 г. Разин вошел в Астрахань. Еще до его прихода народ начал истреблять дворян, сотников и приказных. Таким образом, ключ от всего Нижнего Поволжья оказался в руках бунтовщиков.

Освободитель

В июле Разин вновь поднялся вверх по Волге. Из Царицына он отправил 2000 человек на Дон, чтобы поднять там голытьбу. Бунтовщики взяли Саратов и Самару, где были назначены новые атаманы. Только в Симбирске Разин на целый месяц задержался под стенами крепости, ибо его интересовали тамошние предметы. Еще находясь в Астрахани, он стал посылать на запад и северо-запад гонцов «розных сел и деревень черней русским людям и татарам и чуваше и мордве» с такими воззваниями: «Хто хочет богу да государю послужить, да и великому войску, да и Степану Тимофеевичю, и я выслал казаков, и вам бы за(о)дно измеников вывадить и мирских кравапивцев вывадить», «мы, великое войско Донское, стали за дом Пресвятыя Богородицы и за ево, великого государя и за всю чернь» «переводить и уничтожать до смерти» бояр. Атаман упоминал и умершего в январе 1670 г. царевича Алексея, который якобы остался жив, и сейчас находится у Разина, а после победы объявится всем. На самом деле роль «царевича» играл черкесский князь, которого прятали на струге, обитом красным бархатом. В эти слухи, передаваемые из уст в уста, верили многие.

В октябре бунт охватил Волго-Окское междуречье – Симбирский, Пензенский, Тамбовский, Казанский и Нижегородский уезды. Два разинских казака овладели без боя Корсунью, собрали там круг, который приговорил к смерти писаря и командира стрельцов; оттуда пошли в восставший Саранск. 100 саранцев двинулись на Пензу, к ним присоединились 600 саратовских конников; Воевода Керенска сбежал. Население – городская беднота, холопы, обманутые или угнетенные инородцы – обещало бунтовщикам свою поддержку. Для них Разин был освободителем, они поставляли ему воинов. Мо-

сковская чернь полагала, что Степан бьется за счастье и свободу народа, потому его и встречают хлебом-солью. Один иностранный наблюдатель оценивал численность разинцев в 200000 человек.

Бунтовщики, среди которых казаки составляли лишь маленькую горстку, не были настоящим войском. Когда огромная царская армия, в которую входили «полки иноземного строя», подошла к Симбирску, разинцы были вынуждены отступить на Дон. Там Разина схватили, отправили в Москву и в июне казнили. Остатки разинцев были разбиты, на земли бунтовщиков обрушился террор, однако атаман Ус удерживал Астрахань еще до конца ноября. Народ сложил об этих событиях песни и ждал удобного случая, чтобы вновь подняться на борьбу²¹.

Вера и народ

Этот случай представился при Петре I, в начале XVIII в. Государство, решив войти в состав европейских держав, усилило гнет народа: крепостное право стало всеобщим, были введены подушная подать, налог на бороды, рекрутская повинность, велись бесконечные войны, усилилось преследование староверов и началось насильственное насаждение иноземных обычаев... В 1705 г. восстали Астрахань и башкиры, в 1707 г. взбунтовались донские казаки. Возглавляемые атаманом Булавиным, казнившим верных правительству атаманов, они захватили поволжские города и разослали манифесты: «Голутьба, все идите со всех городов, конные и пешие, нагие и босые! Идите! Не опасайтесь! Будут вам кони, и ружья, и платье, и денежное жалованье, а мы стали за старую веру... и за вас, и за всю чернь...». Крестьянские бунты охватили 43 волости, вплоть до Тверского, Костромского и Смоленского уездов. Но Булавин рассредоточил свои силы, что в итоге привело его к поражению. Окруженный верными правительству казаками, он либо покончил жизнь самоубийством, либо был убит²². В 1708 г. бунт был подавлен, и по Дону поплыли плоты с повешен-

²¹ Документы по истории бунта Разина цитируются по Тхоржевскому [96<; 95>]. <Тхоржевский Сергей Иванович (1893–1942) – исследователь народных движений XVII–XVIII вв. в России. В 1930 г. репрессирован, освобожден в 1933 г., до 1940 г. работал экономистом по вольному найму в управлении Бамлага. Умер от голода во время блокады Ленинграда>. См. также [123, р. 219–234].

²² <В настоящее время установлено, что К. А. Булавин был убит при задержании>.

ными бунтовщиками²³.

Яицкие казаки

За полвека, прошедшие после смерти Петра, Российская империя, несомненно, превратилась в европейскую державу, но это было сделано за счет усиления угнетения народа. В стране росло недовольство. Как всегда, первыми взбунтовались казаки, на этот раз яицкие. Они были самыми отдаленными и наиболее независимыми из всех казаков²⁴.

Яицкие казаки ведут свою историю с конца XVI в. от выходцев с Дона. Они гордились своими привилегиями, полученными якобы от царя Михаила, первого из династии Романовых, но его жалованная грамота им была уже к тому времени утрачена. Нуждаясь в охране государственной границы, проходившей тогда по Яику, цари периодически подтверждали эти привилегии, признавая право казаков владеть долиной этой реки. Как и у всяких казаков, у яицких женатые мужчины несли службу по очереди.

В 1769 г. на Яике побывал немецкий путешественник-натуралист П. С. Паллас. И хотя в его исключительно ценном естественнонаучном сочинении упоминаются отдельные местные обычаи и нравы, оно велико по объему и хаотично. Недавно советский исследователь И. Г. Рознер ввел в научный оборот новые архивные источники по этой теме.

Оказывается, «первые яицкия казаки,... собравшись русския, пришли... с Дону и из иных городов, а татара из Крыму и с Кубани..», а затем население пополнялось за счет разного рода беглых [9, с. 272–304].

Казачья столица располагалась у поворота реки на юг, в 550 км от устья. Согласно Палласу, Яицкий городок (ныне Уральск) «построен весьма правильно наподобие полумесяца... От Яика до Чагана вокруг укреплен неправильным бруствером с фашинником, также рвом... Но с речной стороны нет никакого укрепления, потому что высокие берега Старицы, Яика и Чагана довольно защищают. Число деревянных по старинному российскому обыкновению построенных, однако хороших домов простирается до трех тысяч; напротив того улицы непорядочно и очень тесно построены... В... главной улице находится хорошая каменная церковь,... а еще далее к изрядной каменной главной

²³ Подробнее о Булавине см. [22, с. 48–56].

²⁴ О бассейне Яика см. [85].

церкви находится множество лавок под домами... Потом начинается в сей же улице Татарская слобода, в которой живут татары... Есть в городе две деревянные мало украшенные часовни, в которых козаки редко ходят, потому что они, будучи староверцы, по большей части молятся дома... Каменные церкви, которые после бывшего за 20 лет большого пожара начаты строить, еще и ныне не совершены... Кроме великого числа иностранных там находящихся купцов... считается одних козаков до 15 тысяч душ...» [55, с. 411–412]. Таким образом, Яицкий городок, в котором проживало 30000 казаков из 50000, являлся крупным населенным пунктом.

Другим городом был Гурьев²⁵, основанный в устье Яика купцом²⁶, который построил плотину (учуг) и стал ловить рыбу с последующей продажей ее соседним кочевникам, в Астрахань и Россию. Вскоре Гурьев был превращен в крепость, состоявшую «из толстой четверугольной каменной стены, на углах которой находятся бастионы». В 1752 г. учуг был ликвидирован и город присоединен к Яицкому войску.

Вдоль Яика стояли еще крепости и форпосты. Последние были меньших, чем крепости, размеров и представляли собой «фигуру... регулярного квадрата, длиною каждый бок... 23 сажень, обнесен кругом в два ряда плетнем с насыпною между оным земли, около которого небольшой ров с поставленными впереди рогатками», внутри находилась небольшая казарма, караульная «при воротах» и 16 изб.

Река Яик

Здесь земли не отличались плодородием и казаки их почти не возделывали, поскольку обширные пойменные луга были пригодны для разведения крупного рогатого скота и лошадей, а в истоках Яика имелись богатые дичью леса. Но подлинно «золотым дном с серебряной покрывкой» [9, с. 222] была все же сама река. Стерляди, шуки, леща, карпа, судака, осетра и белуги здесь хватало аж на три промысловых сезона. Белуга могла достигать 3 м в длину, весить до 400 кг и содержать 80 кг икры, продаваемой по 1,5 рубля за 1 кг. Осетр дважды в год поднимался по реке из Каспийского моря: весной на нерест, а осенью на зимовку.

²⁵ <С 1992 г. – г. Атырау (Атирау), центр Атырауской области Казахстана>.

²⁶ <Основан в 1640 г. купцом из Ярославля Гурием Назаровым>.

Чтобы рыба не снесла на своем пути плотину, казаки отпугивали ее пальбой из пушек.

Река и луга принадлежали казацкому кругу, и рыбной ловлей распоряжался выборный атаман. Промысел начинался в определенный час после выстрела из пушки; как только звучал залп, все лодки или санки срывались с места. Каждый вечер атаман отдавал приказ о переходе на другой участок, постепенно спускаясь вниз по Яику.

В основном рыбу добывали с января по март, в трех прорубях, гарпунами различной длины – в зависимости от глубины, на которой скрывались косяки белуги. Весенняя плавня проходила с апреля по июнь и велась 40–60-метровой сетью, которую забрасывали с лодки длиной 20–26 м, и вытаскивали, как только она наполнялась рыбой. Весь улов, кроме звездчатого осетра, выбрасывали обратно в воду. На месте рыбу потрошили и солили, высушивали ее спинной хребет, приготавливали из улова икру и клей.

В октябре начиналась осенняя плавня, когда ловили все подряд крупночешуйчатыми сетями, которые тянули одновременно с двух лодок.

После этого в течение трех недель рыбачили самостоятельно, собирая рыбу подо льдом во всех водоемах с помощью огромных неводов, достигавших 2500 м.

Рыба и продукты ее переработки шли в пищу и были и основным источником дохода казаков. Купцы приходили за ней издалека²⁷.

Кроме рыбы Яик экспортировал соль (ее казаки с 1752 г. должны были поставлять в Самару по 10 коп. за пуд, однако часто ее «продают по своей воле, получают от того немалую прибыль» [72, с. 68]), дичь и шкуры животных, тюленей (их жир использовался при мыловарении, а кожей на Западе обивали сундуки), крупный и мелкий рогатый скот, а также лошадей.

Хлеб и шелк

У казаков, по словам Палласа, «находятся самые нужные ремесленники, как, например, сапожники, кузнецы, плотники... и не могут терпеть, чтобы пришлые ремесленники между ими селились домами... Некоторые из козацких жен, а особливо татарки, делают

²⁷ Подробное описание этой рыбной ловли см. [32] (цит. в [68, с. 92–95]).

из некрашеной верблюжьей шерсти весьма крепкой камлот²⁸ разной доброты...» [55, с. 420]. Эти ткани продавали в основном в Ташкент и киргизам Средней Орды. На вырученные средства Яик закупал в Сызрани и Самаре хлеб. По словам Палласа, в Яицком городке «все генерально хлеб покупают», а также «шелковые и бумажные товары, шерстяные материи, сукна». Активная торговля шла с Востоком. Из списка товаров хивинского каравана (ограбленного вблизи Яика кочевниками) видно, что сюда доставляли бухарские халаты и хивинские ткани, персидские пояса, серебряное оружие, мерлушки, сафьяны, башмаки, «савровые», «выбойчатые» бумажные занавески и др. Татары Сеитовой слободы торговали даже с далекой Индией, привозя оттуда «садовой бальзамил», красители, хину и т. д. [72, с. 71–72]

Таким образом, в этом приграничном захолустье между Европой и Азией, постоянно подвергавшемся набегам кочевников, шла насыщенная и разнообразная хозяйственная жизнь. Палласа особенно удивило то, что «молодые люди почти всегда препровождают дни в забавах и многие козаки вдалились в праздность и пьянство. Женский пол также любит увеселение и кажется, что имеет склонность к щегольству и к любви» [55, с. 416]. Наличие у здешнего люда дорогой утвари подтверждается архивными документами: у одного из казаков кочевники отобрали недалеко от Тополинской крепости «арчак со всем убором, ружье ценою в 4 рубля, две сороки (женский головной убор) ценою в 7 рублей, рубахи женские александровские,... два сарафаны – кумашной, синий да крашенинной,... башмаки красные» и т. д.; в июне 1770 г. под Муромом неизвестные лица отобрали у яицкого казака Осипа Иванова «персидской серебром кушак в двадцать 20 рублей, платок тальянской в два рубля, две рубахи с портками шелковые в семь рублей, мушкетон в 4 рубля, сабля в два рубля, один пистолет в два рубля». Один из будущих военачальников Пугачева еще до начала бунта подарил ему «зипун новой зеленой з золотым позументом,... бешмет канаватной,... кушак шелковый хорошей да шапку бархатную черную». У старшин имелись и такая редкая в те времена штукавина, как карманные часы [72, с. 72–73].

В форпостах жили беднее, да и не каждому роскошь была доступна. Что же произошло к 1770 г. с равноправной и демократичной общиной казаков?

²⁸ <Камлот – плотная темная шерстяная или хлопчатобумажная ткань>.

Всеобщая ли демократия?

Донские казаки, переселившись на Яик, принесли сюда свои обычаи и нравы. Высшим органом их управления являлся круг (общее собрание), на котором все были равны. Он избирал войскового и походного атаманов и канцелярию, и мог в любой момент их отозвать. Яицкое войско обладало автономией, было освобождено от уплаты налогов, но взамен должно было защищать Яицкую «линию»; казаков часто призывали на войну. За государственную службу царь платил им деньги или выдавал зерно и водку, свинец и порох, для чего делегация с Дона дважды в год ездила в Россию. Казаки тоже дарили царю подарки: диковинные экземпляры рыбы, икру, и, пользуясь случаем, излагали свои жалобы.

Круг сохранялся и в XVIII в. «Обыкновенное к тому время назначено пред полуднем в исходе десятого часа... Собираются из всего города... козаки к... подле главной церкви находящемуся каменному строению... Естли довольно собралось народу,... то выходит он [атаман] с булавою, у которой голова серебряная и вызолочена... Потом выходят оба есаула... и прочитав молитву, кланяются сперва атаману и старшинам, а потом каждой на свою сторону около стоящему народу...: «Помолчите, атаманы молодцы и все великое войско яицкое», объявляют громким голосом народу то дело, о котором советовать должно... На приятное представление обыкновенно кричат: «Согласны, выше высокородие», а на противное: «Не согласны», и при том ропшут, напоминая о вольности своих предков» [55, с. 414–416]. О привилегиях обычно вспоминали, когда Военная коллегия в очередной раз пыталась превратить казаков в регулярную армию. Итак, у яицкого населения имелся ряд прав, за которые оно крепко держалось: не стричь по-солдатски бороду (страшный грех для стариков, коими было большинство казаков), не подвергаться рекрутчине, не выдавать укрывшихся на Яике беглых, не признавать не выдвинутых кругом атаманов.

Подлинная элита

Прямая демократия распространялась лишь на служилых казаков, которых в 1767 г. было всего 4200 человек (все Яицкое войско составляло около 50000 человек) [72, с. 74–75]. Члены их семей, дети и младенцы, немощные старики и инвалиды, а также служившие в форпостах или в других местах не имели права голосовать и ловить рыбу – таковых было примерно 15000 человек.

Остальные вообще были отстранены от политической жизни. Таким образом, яицкая элита состояла только из служилого меньшинства.

Несмотря на запрет Петербурга, беглого, если он того желал, а также приобретал обмундирование, круг мог принять в казаки. Но обычно казаками становились по наследству, после соответствующей записи в Канцелярии по достижении 16-летнего возраста. Круг избирал десятников, сотников, есаулов, старшин, войскового писаря (помощника есаула) и войскового атамана (главу правительства), назначал рыболовного атамана, утверждал состав делегации для поездки в Россию и т. д.

Однако всеобщего равенства у казаков уже не было. При избрании на высокие посты, доходные должности и при поручении выгодных дел предпочтение отдавалось элите: семейства старшин и атаманов нередко чинили препятствия простолюдином или подкупали их. Так возникла особая социальная категория – «старшина», противостоявшая остальному Войску.

С исчезновением демократии началось экономическое расслоение: у казаков появились бедные и богатые. Ряды бедноты пополняли те, кто недавно стал казаком, разорился, получил увечье или состарился. Если бедняк, например, не мог купить рыболовные снасти, он продавал богачу свое право на ловлю и нанимался к нему в работники. Он мог за плату заменить домовитого казака на службе в маленькой крепости, далеких кавказских заставах или в опасных походах, и тем самым терял право голоса на круге. Казак мог разориться, а его домовитый сосед – разбогатеть на торговле. И хотя право на землю было равным, имелись владельцы сотен голов лошадей, рогатого скота и нескольких изб, и те, кто охранял все это за какие-то 10–30 руб. в год.

Богатство и нищета на Яике сосуществовали. С помощью старшины царское правительство пыталось подчинить себе казаков. Ее легко было подкупить подарками, привилегиями и, если потребуется, защитой от выступлений гольтыбы. Казачьего атамана могли приравнять к армейскому генералу, тем самым вводя его в состав русской элиты. И как было устоять от злоупотреблений властью или расхищения войсковой казны, если никакого наказания за это не предусматривалось?

Угроза свободе

Ограничения свободы Яика начались при Петре I. Из ведения Коллегии иностранных дел казаков сначала передали Сенату.

В 1718 г. было предписано разыскивать беглых казаков, взятых на службу после 1695 г., а также беглых крепостных для возвращения их назад, для чего неоднократно проводились ревизии местного населения. В ответ казачий круг направлял в Санкт-Петербург челобитные и делегации, но так как Яик в 1721 г. подчинили Военной коллегии, столица прислала 300 драгунов, чтобы сурово наказать бунтовщиков: лишь 3195 человек были признаны казаками, нескольких атаманов кругу попросту навязали, а казачьих избранников арестовали и сослали в Астрахань.

Но самым серьезным ударом по казачеству стало создание в 1744 г., при Елизавете Петровне, Оренбургской губернии. Северной границей Яицкого войска теперь стала река Ик, а верховья Яика «вместе с лесом, санными покосами и рыбными ловлями» были у него изъяты. В 1747 г. казаков передали губернатору Неплюеву, и этот просвещенный, но ненавидимый всеми за свой нрав реформатор стал постоянно вмешиваться в их жизнь.

Кроме того, чтобы не размещать в низовьях Яика русских солдат, Войску предписали построить 7 крепостей и 11 форпостов с гарнизонами по 100 человек и пушкой. В итоге более 1000 казаков вынуждены были ежегодно отправляться из Яицкого городка в эти укрепления [72, с. 26]. В 1748 г. Неплюев решил, что суд в Яицком войске будет впредь вершиться не только по казачьим, но и по российским законам. В 1755 г. один из начальников дистанции приказал, чтобы охрана велась круглосуточно. Этот приказ был встречен «с криком и бранью». Неплюев приказал, «сыскав виновников,... на страх им и другим учинить в кругу наказание плетьюми». Поддержав старшину, он считал, что «ныне те казачьи вольности пообузданы, ибо хотя кто вопреки что атаманского и старшинского мнения в кругу и заговорил, но атаман со старшинами, не взирая на то, как надлежит, по указам исполняет...» [9, с. 300].

Неплюев разработал, а Военная коллегия в 1760 г. одобрила план преобразования с помощью старшин Яицкого войска в регулярную армию. Позднее один из сподвижников Пугачева признавался, что «...старшины, приняв учрежденной оною Коллегию штат, принуждали казаков к исполнению по оному; и некоторые из казаков повиновались тому, а другие, и большую частью, воспротивились и защищали жалованные от прежних государей привилегии и обряды, из чего после и произошел между яицкими казаками раздор и несогласие. И, разделясь на две противные стороны, назывались: принявшая означенной штат – послушною, а не принявшая – непослушною, и были между ими драки и

убийства, а напоследок и сражении с присланными на Яик военными командами» [65, с. 120].

Мир жестокости

В любом другом месте злоупотребления могли вызвать лишь ропот, но на Яике вследствие суровых нравов дело могло перерости в бунт. Произвол атаманов, частые наказания людей кнутом (хотя казнь за любой проступок уже не практиковалась), откровенное мздоимство и массовые злоупотребления напугали даже Неплюева [9, с. 297–298]. По словам Пушкина, наказание «за измену, трусость, убийство и воровство» у казаков часто было одним – «в куль да в воду» [68, с. 9]. Паллас в 1769 г. нашел, что среди казаков «есть уже люди знающие и хороших нравов,... а оное произошло от... частаго обхождения с иностранными купцами» [55, с. 416], однако Неплюев насчитал в Яицком городке лишь 26 грамотных детей из 126, и только 5 взрослых – это были атаман, трое старшин и войсковой писарь.

Старая вера

Религия в то время отличалась строгостью и поэтому не противостояла насилию. Казаки были староверами и придерживались обрядов, существовавших до реформы патриарха Никона в середине XVII в. Многих из них за это преследовали. Несмотря на опасность, староверы охотно укрывали у себя беглых. Конечно, в Яицком городке имелись и православные священники, назначенные казанским архиепископом, но они должны были утверждаться казачьим кругом. Когда архиепископ отказался назначать на эти должности лиц, крестившихся по старому – двумя пальцами, это привело к конфликту казаков с Петербургом. Обстановка резко обострилась, когда власти узнали, что на Яике скрываются сотни поборников старой веры, в том числе монах Тихон, который принимал у себя на речном острове казачьих атаманов и подстрекал их, как думали, к уходу на Кубань, к туркам. В 1753 г. было арестовано 144 казака, затем еще 243 на Иргизе; одни умерли от голода, других сослали на каторгу в Оренбург. Архиепископ хотел назначить в Яицкий городок военного протоиерея с охраной, чтобы с его помощью узнать имена тех, кто отказался от причастия, но круг его не принял. К счастью, Неплюев был осторожен: «Понеже то дело не партикулярное до одного или до двух, но до всего общества касается... дабы в таком невежественном и закоснелом народе конфузии не учинить, причины не подать к

побегу, или к такому отчаянию, как в недавних годах в Исетской провинции случилось, что сами себя жгли» [9, с. 357].

Однако среди казаков назревал бунт, но причины его не были связаны с религией.

Злоупотребления Андрея Бородина

В 1752 г. Войско за 10500 руб.²⁹ откупило у казны рыбные промыслы по Яику и побережью Каспия, а также сбор доходов с таможен, с вина и от продажи соленой рыбы. Это, а также средства, получаемые из Петербурга, составляли бюджет Войска, ответственность за использование которого круг возлагал на атамана. Однако атаман Андрей Бородин несколько лет не платил казакам жалованье и продолжал взимать с них 10500 руб.: так как он обладал властью среди старшин и имел поддержку в Петербурге, круг три года не осмеливался потребовать от него отчета.

Лишь в 1751 г. его публично обвинили в растрате, что в конечном итоге привело к бунту 1772 г.

Следственная комиссия Военной коллегии одобрила действия А. Бородина и старшин. Но Войско настояло на новом расследовании. В 1763 г. на Яик прибыл генерал Потапов³⁰, который внимательно изучил материалы и признал А. Бородина и старшин виновными. Одновременно он разрешил казакам направить 40 делегатов в Петербург для изложения своих жалоб.

Рождение бунта

В итоге Военная коллегия постановила отрешить от должности атамана и старшин, лишить их чинов, взыскать с них треть задолженности казаков и избрать на круте трех человек для выборов нового главы Войска.

Однако Петербург не сообщил об этом решении, временно назначенный атаманом драгунский командир поддержал старшин, приказал выпороть 40 казацких выборных, а приказ правительства исполнять отказался. Казаки зароптали и власти напра-

²⁹ <Точнее, за 10450 руб. 63 коп.>.

³⁰ <Потапов Иван Алексеевич (1722–1791) – генерал-поручик. В 1763 г. расследовал злоупотребления войскового атамана А. Н. Бородина, казачьих старшин и их приспешников. Позднее руководил операцией по публичному сожжению пугачевского дома в Зимовейской станице и аресту его семьи – жены Софьи Дмитриевны, сына Трофима, дочерей Аграфены и Христины, а также племянника Федота Пугачева>.

вили к ним влиятельного генерала Черепова. Он окружил собравшихся перед Канцелярией казаков драгунами и потребовал раскаться.

Послышались крики: «Помилуй, ваше превосходительство, мы не знаем за собой никакой вины!». Тогда драгуны «выпалили по ним раз, но, спасибо, пустили пули вверх». Один возмущенный драгунский урядник спросил у Черепова, на каком основании он имеет право «безвинных людей убивать». Тогда кто-то из офицеров приказал стрелять «не вверх, а в колено». Три или четыре казака были убиты, шестеро ранены. Поскольку дело было зимой, казакам пригрозили, что их не отпустят домой с площади: «Ежели-де не дадите... подписок... – помрите на морозе!». Им пришлось признать, что «мы Богу и государыне виноваты всегда» [72, с. 103]. После этого Черепов попросил оренбургского губернатора прислать еще 2000 человек, но они, потеряв умершими от холода 334 человека, были вынуждены вернуться обратно.

«Непослушные»

В 1769 г. Петербург потребовал, чтобы Яицкое войско направило 500 человек на службу в крепость Кизляр на Тереке, но «непослушные» отказались туда идти. Тогда атаман Тамбовцев бросил их в тюрьму. После начала русско-турецкой войны <1768–1774 гг.> Военная коллегия потребовала выделить 334 человека для формирования казачьего легиона. Это число совпадало с численностью солдат, замерзших в 1763 г. в пути в дни бунта яицких казаков. Поэтому казаки восприняли призыв на службу как расплату за ту трагедию. Кроме того, они опасались, что их сделают солдатами и сбреют бороды. Поэтому даже новый атаман Тамбовцев не решился посягнуть на основные привилегии казачества, но Военная коллегия пообещала, что «как в войске Яицком казаки, по их обыкновению, многие бороды не бреют, то и оную казацкую команду в том не принуждать, а оставить на их волю». После этого Тамбовцев с помощью старшины собрал отряд для отправки на службу и арестовал недовольных.

Казаки послали в Петербург 22 делегата, чтобы опротестовать это решение, но их там бросили в тюрьму. В ответ они отказались косить сено и ловить рыбу, что грозило крахом яицкой экономики, и могло ослабить границу империи. Екатерине пришлось уступить: «В таком их проступке всемилостивейшее прощаем и снисходя на их просьбу увольняем их вовсе от легионной команды, куда их и впредь не наряжать» [18, т. I, с. 45].

Однако вопрос о деньгах, в свое время присвоенных Бородиным и старшинами, все еще не был решен: бунтовщики потребовали наказать виновных и выплатить жалованье за пять лет. Они отказались преследовать калмыков, бежавших в Азию, а некоторые даже ушли с ними. Это уже был мятеж. Часть бунтовщиков, не желавших ссориться с Петербургом, пожаловалась императрице, что атаман и старшины «по ночам разъезжают и нас, казаков, из своих домов с женами и с детьми таскают и, оковав, в тюрьмы сажают и бьют нещадно», потому многие казаки бросают дома и бегут; все следственные комиссии во всем потакают старшинам и казаков «последнего иждивения... лишают», отчего те «пришли в самую нищету» и не могут продолжать службу [72, с. 110–111]. Делегация казаков во главе с сотником Кирпичниковым тайно отправилась в столицу страны и 28 июня 1771 г. вручила эту челобитную Екатерине. В декабре Военная коллегия дала ответ: «Оказавшихся во ослушании в наряде в поиск за бежавшими калмыками войска Яицкого сотников и казаков тысяча девятьсот шестьдесят пять человек наряжать в отдаленные команды... без очереди по три раза, а главных возмутителей и во всех обыкновенных кругах первых закликальщиков, сотника Кирпичникова с товарищи, которых в том указе имена прописаны, всего сорока трех человек казаков, [наказать] плетью, обрезав бороды, отправить для написания в службу в полки Второй армии (то есть на турецкий фронт. – П. П.)» [72, с. 112].

Бунт 1772 г.

Вскоре на Яик прибыл генерал фон Траубенберг, который выпорол и отправил в Оренбург семерых бунтовщиков, но казаки отбили их и увезли с собой. 9 января 1772 г. «Кирпичников с товарищ приехал,... подле самого городка встречен... был больше нежели как пятистами казаками». В последующие дни произошли стычки между сторонниками власти и бунтовщиками. Кирпичников созвал круг, где объявил, что императрица поддержала казаков, и предъявил генералу ультиматум: в течение трех дней отстранить атамана и старшин и заставить их вернуть украденное, иначе казаки будут вынуждены «поступить воинским отпором» [72, с. 115]. Одновременно бунтовщики позвали на помощь форпосты и хуторы. Траубенберг вызвал в Канцелярию верных людей, и хотя бунтовщики пытались их задержать, к нему пришли 200 человек.

13 января казаки с женами и детьми поклялись в церкви Свя-

того Петра держаться заодно и направились с иконами к войсковой канцелярии, требуя, чтобы Траубенберг «ехал из города вон». Увидев издали, что «в той улице, в которую войску входить надлежало, пушки и зажгли фитили...», они предупредили личного посланника Екатерины капитана Дурново и атамана Тамбовцева, что «доведете, помилуй Бог, до кровопролития; войско теперь не отстанет от своего предприятия». На призыв Траубенберга разойтись казаки ответили: «Воля-де его, [генерала], ведь мы идем не со злодейством каким, а... со святыми образами, для того, что авось-либо они по нас... и не станут стрелять и умиосердиться их сердце» и двинулись вперед. Артиллерия открыла огонь, было убито более 100 человек. Казаки бросились на пушки, захватили их и стали стрелять в «послушных», обратив их в бегство.

Траубенберга поймали, отрубили ему саблей голову, а тело бросили в навоз; архив Канцелярии уничтожили, офицеров перебили, а их трупы выставили «подле соборной церкви». Двоих захваченных «послушных» казаков «бывши смертельно поленьями... бросили в студеной погреб», их жилища разграбили. Вечером сотники,десятники и казаки выбрали «для управления народом» «впредь до времени» троих «поверенных».

Так в Яицком городке начался бунт. Кое-кто объяснял его причину всего лишь тем, что «никогда в их Яицком городке не только генералов, но и шляпы салдатской не было» [72, с. 122], но другие считали, что теперь нужно идти на Москву, поднимая по дороге крестьян и горожан, и принимая всех в казаки.

Появление человека, воспользовавшегося этой ситуацией, было уже не за горами.

Акт 1 ГЕРОЙ

Яик не был его родиной. Донской казак Емельян <Иванович> Пугачев происходил из той же станицы, что и Степан Разин. В 1772 г. ему исполнилось 30 лет. Впоследствии, на одном из многочисленных допросов, он так рассказывал о своей юности:

Казачья служба

На допросе 16 сентября 1774 г. Пугачев сообщал: «До семнадцатилетнего возраста жил я все при отце своем так, как и другие казаки малолетки в праздности; однакож не раскольник, как протчие донския и яицкия казаки, а православного греческаго исповедания кафолической веры, и молось богу тем крестом, как и все православныя християне, и слагаю крестное знамение первыми тремя перстами (а не последними). На осмнатцатом году своего возраста написан я в казаки в объявленную же Зимовейскую станицу на место отца своего, ибо оной пошел тогда в отставку. А на другом году казачьей службы женился Донскаго же войска Ясауловской станицы на казачьей Дмитрия Недюжева дочери Софье, и жил с нею одну неделю: наряжон был в Прусской поход... Командиром в то время был при том наряженном Донском войске полковник Илья Федоров сын Денисов, которой и взял меня за отличную проворность к себе в ординарцы... Оной корпус... состоял в дивизии графа Захара Чернышева... Ночною порою напали на передовую казачью партию прусаки и... учинили великую тревогу... В торопости от прусаков, не знаю как, упустил одну лошадь, за которую мою неосторожность объявленной Денисов наказал меня нещадно плетью... Пришло известие из Петербурга, что ея величество государыня императрица Елизавета Петровна скончалась, а всероссийский престол принял государь император Петр III. А вскоре... той дивизии, в коей я состоял, велено итти в помощь прускому королю... При возвращении ж в России, перешед Одер, пришло известие из Питербурга, что ея величество государыня Екатерина Алексеевна приняла всероссийский престол... Возвратясь из того похода в дом свой, жил я в своем доме четыре года, в которое время прижил с женою своего сына Трофима... и дочь Аграфену...» [17, с. 1–2].

Таким образом, пока он служил в армии, распались международные союзы и сменилось царствование.

Только присягнули в феврале 1762 г. царю Петру III, как в июне он умер, и пришлось давать присягу овдовевшей Екатерине. Матерью герцога Гольштейнского Петра III была дочь Петра Великого Анна, а теткой – императрица Елизавета Петровна. В Екатерине же не было ни капли русской крови, и к тому же после трех императриц престол вновь заняла баба! Многие надеялись, что Петр покончит с засильем фаворитов, а потому его свержение воспринималось как горе. Кроме того его отречение произошло неожиданно, смерть случилась не в Петербурге и якобы по причине геморроидальной колики и апоплексического удара; все это выглядело весьма неправдоподобно и не могло не заставить юного сообразительного казака призадуматься, ведь он однажды имел счастье на параде лицезреть самого императора Петра III.

В 1768 г. разразилась русско-турецкая война. Пугачева призвали на службу, и в чине хорунжего он участвовал в осаде Бендер графом Петром Паниным. Возможно, тогда он и научился артиллерийскому делу; во всяком случае, позже он не раз сам наводил орудия на неприятеля. По болезни его отправили домой, позже он откупился от дальнейшей службы, дав нанятому вместо себя человеку две лошади с седлами, зипун, бурку, саблю, двенадцать рублей и «харч всякий» – следовательно, он не принадлежал к казачьей голытьбе. Что касается несправедливого, по его мнению, наказания плетью, якобы вызвавшего у него ненависть к властям, то такое наказание было тогда обычным делом.

Так закончилась армейская служба Пугачева.

Приключения

Затем начались его приключения. В Черкасске ему отказались дать отставку. В Таганроге муж сестры Пугачева, Павлов, предложил ему вместе бежать на Терек, но затем предал его; Пугачев скрывался в степи и осенью добрался до Терека – здесь он примкнул к группе «безпаспортных» казаков и вызвался доставить в Петербург их жалобы, но сам отправился на Дон. В Моздоке его схватили, бросили в тюрьму, однако 13 февраля 1772 г. ему удалось сбежать и вернуться в родную станицу, а затем перебраться на Правобережную Украину (она тогда входила в состав Польши), где скрывались бежавшие из России староверы. Он сообщил им, что с Дона «бежал из усердия к Богу, так как в службе никак богу угодить не можно».

Лжераскольник

В начале августа 1772 г. Пугачев прибыл на пограничный Добрянский форпост. Здесь на основании указа Петра III от 29 января 1762 г., дававшего беглым право вернуться домой, получить прощение, милость и льготы, им вручались паспорта «в те места, куда кто пожелает». Получив 12 августа этот документ, Пугачев отправился на Иргиз.

В паспорте нашего героя значилось: «По указу ея величества... Объявитель сего, вышедший из Польши и явившийся собой в Добрянском форпосте, веры раскольниковской, Емельян Иванов сын Пугачев по желанию для житья определен в Казанскую губернию, в Симбирскую провинцию к реке Иргизу, которому по тракту чинить свободный пропуск, обид, налог и притеснений не чинить и давать квартиры по указам. А по прибытии явиться ему с сим паспортом Казанской губернии в Симбирскую провинци-

альную канцелярию; також следуючи, и в прочих провинциальных и городских канцеляриях являться. Праздно ж оному нигде не жить и никому не держать, кроме законной его нужды. Оной же Пугачев при Добрянском форпосте указанный карантин выдержал, в котором находится здоров и от опасной болезни, по свидетельству лекарскому, явился несумнителен. А приметами он: волосы на голове темно-русые и борода черная с сединой, от золотухи на левом виску шрам, от золотухи ж ниже правой и левой соски две ямки, росту 2 аршина 4 вершка с половиной, от роду 40 лет. При оном, кроме обыкновенного одеяния и обуви, никаких вещей не имеется». Паспорт подписали чиновник и лекарь, на его обороте сообщался предполагаемый путь Пугачева: Новгород-Северск, Глухов, Валуйки, Таблянская застава на Дону [18, т. I, с. 147, прим. 2]³¹.

Видимо, тогда, а может быть еще на Тереке, он узнал от старо-

³¹ На самом деле Пугачеву было тогда 30 лет.

веров о событиях на Яике и убийстве царского генерала...

До Пугачева, вероятно, доходили слухи о волнениях казаков. Весной волжские казаки отказались формировать армейский полк, и 30 марта у них объявился некий «Петр III», которого они в массе своей приняли. Но вскоре его арестовали вместе с «государственным секретарем», однако, находясь в царицынской тюрьме, он разработал план всеобщего бунта, одобренный донскими казаками. Народ попытался освободить его из тюрьмы, но неудачно. Самозванца отправили в Нерчинск, в Восточную Сибирь, но по дороге он умер. Этот «Петр III» на самом деле был крепостным графа Р. И. Воронцова Федором Богомолковым³².

Атаман С. Д. Ефремов пригрозил, что «я уберусь в горы и таких бед России натрясу, что она будет век помнить. Джан-Мамбет-бею одно слово сказать, так ни одной души на Дону не останется» [18, т. I, с. 112]³³. Донские казаки, вняв его призывам, отказались идти на войну с Турцией.

Итак, на Дону, как и на Волге, собиралась буря. А что было в это время на Яике?

Яицкая бунташная республика

Пугачев отправился на Иргиз. В Мечетной слободе (позже Николаевск, ныне город Пугачев) он узнал от отшельника Филарета последние новости.

После бунта в Яицком городке шли бесконечные споры между нерешительными и решительными «непослушными». Нерешительные не хотели окончательно порывать с империей и рассчитывали на милость императрицы, а вину за беспорядки возлагали на «господина генерала и солдат» и в знак примирения обещали освободить капитана Дурново. Позже, когда оренбургский губернатор Рейнсдорп потребовал выдать «зачинщиков» для их наказания, старшины нерешительных согласились было выполнить это требование, однако большинство казаков было против: «Из чего жде мы и кровь проливали, когда так вы судите [управляете]!» [72, с. 138]

Под давлением большинства круг и старшины приняли реше-

³² <Богомоллов Федот Иванович (?–1772) – самозванец, объявивший себя в 1772 г. императором Петром III>.

³³ Джан-<Мамбет-бей (ум. 1776)> – один из <пророссийских> татарских <правильнее: ногайских> вождей Кубани, с которым Ефремов сотрудничал.

ние казнить наиболее одиозных «врагов Войска». Новых старшин заставили принести клятвы верности, атамана Бородина и казака Рогова оштрафовали на 500 руб. с каждого, а одного из «послушных» владельцев питейной лавки, – аж на целых 3960 руб.!

Потом занялись теми, кто в отличие от жителей Яицкого городка не имел привилегий – то есть служили в форпостах, крепостях или в Гурьеве. Их старшин переизбрали; новые старшины – из «непослушных» – получали вознаграждение в 33 руб. [72, с. 140]

Затем – конечно, не из благородных побуждений, а для получения поддержки от населения и служилых людей – освободили крепостных и работников домовитых казаков, приняв многих из них в казаки. Аналогично поступили и с большинством недавних беглых.

Пленных киргизов и калмыков отпустили на родину, решив отныне все споры с соседними народами решать мирно, «а в ссоры и драки с ними не вступать». Захваченные казаками лошади и скот были возвращены хозяевам. Сохранилось письмо султана Айчувака от 24 марта, который сообщает «о возвращении [ему] от старшины Нефеда Мостовщикова захваченных им двухсот лошадей» [72, с. 141].

Пять месяцев (13 января – 6 июня 1772 г.) Яик был демократической республикой бунтовщиков, поэтому власти в тот период воспринимали его как бунтующий край, не различая при этом «послушных» или «непослушных».

Подавление бунта

Отряд генерала Фреймана (2519 драгун, 1112 оренбургских казаков и около 20 орудий), которому было поручено наказать «бунтовщиков», в конце апреля занял позицию чуть выше Илецкой крепости – у Рассыпной, ожидая, когда казаки отправятся на весеннюю плавню. 16 мая отряд получил приказ выступать. Одновременно Рейнсдорп попросил давнего казачьего врага, киргиза Нурали-Хана, поддержать его. В Яицком городке решили обороняться: 28 мая старшина приказала форпостам и Гурьеву отправить в столицу Войска половину своих гарнизонов и пороха; казаков, ушедших на рыбный промысел, срочно отзывали обратно; были назначены воинские командиры. 30 мая 2000 человек с дюжиной пушек вышли навстречу царскому отряду, а выбранные жребием 200 казаков остались охранять городок (факсимиле приказа о мобилизации, изданного канцелярией бунтовщиков 28 мая 1772 г., см.: [72, с. 136–137]).

Некоторые «послушные» отказались воевать или вовсе перешли на сторону властей. 3 июня, в день Святой Троицы, Фрейман атаковал казаков у р. Ембулатовка. Казаки подожгли степную траву и под прикрытием дымовой завесы стали окружать неприятеля, но из-за отсутствия артиллерии разбить его не смогли. Вечером они сообщили в городок, что «такое страшное во весь тот день с обеих сторон сражение и из пушек стрельные даже до захождения солнца происходило. Но враг через реку не прошел. У нас было двое раненых, у Фреймана до 30 убитых и 8 пленных. Все сии дни помолбствовали, что[б] господь нам помог одолеть противника нашего». В городке зазвонили колокола; женщины и дети сами побежали на круг, затем отслужили молебен и прошли с образами по всем часовням, а «женщины ж... искали по домам послушной стороны мужчин и били их» [72, с. 154].

Битва возобновилась на рассвете. Фрейман перешел реку и с холма начал расстреливать казаков из пушек. Бунтовщики были вынуждены отступить. Царские войска, изнуренные сечью, двинулись в поход лишь на следующий день. По решению круга Яицкий городок был эвакуирован: по мосту через Чаган переправили 30000 человек, 10000 повозок, лошадей и рогатый скот, пушки, порох и 800 ядер.

В ночь с 5 на 6 июня царские войска разбили лагерь в 300 верстах от городка, и Фрейман приказал казакам вернуться, обещая «чтоб не опасались ничего», ибо «их вину Бог и государыня прощает». Многие ему поверили, но 128 дворов не вняли этому призыву.

Предатели

Военным комендантом города был назначен полковник Симон, а его заместителем – войсковой старшина Мартемьян Бородин. Последний был лидером «послушных», крупным землевладельцем и крепостником, обладал железной волей и являлся опытным дипломатом. Теперь он жаждал мести: избежав в свое время народной расправы, М. Бородин все же подвергся аресту и был освобожден лишь для того, чтобы принести присягу Войску.

Следственная комиссия начала розыск «непослушных», аресты, возвраты хозяевам крепостных и т.д. Казачий круг «временно» упразднили, а «непослушным» запретили ловить рыбу, обрекая их на голод. Фрейман организовал преследование укрывшихся в степи бунтовщиков. 2 августа, решив, что достигнуто «спокойное состояние», Рейнсдорп отозвал его из Яицкого городка, поручив

оставить там «верных» агентов, но чтобы «один у другого о порученном не знал»: они должны были доносить полковнику Симонову об обстановке [72, с. 170].

Появление Пугачева

Пугачев, нарядившись богатым иноземным купцом, 22 ноября пришел в Яицкий городок вместе с торговцем зерном С. Филипповым и остановился у его друга Пьянова; последний был «непослушным», скрывался с атаманом И. Ульяновым на Волге, но потом тайно вернулся обратно. Пьянов скептически отнесся к идее «купца» увести «непослушных» к староверам на Кубань: «Ну как они согласятца, да с чем же им бежать, вить мы все люди бедные?» [72, с. 172–173]³⁴ «Старшины», к которым Пьянов, тем не менее, обратился за советом, также ссылались на свою нужду. Тогда «купец» пообещал Пьянову: «...а на выход я вам дам денег, на каждую семью по двенатцати рублей».

Во время этого разговора Пьянов упомянул царя Петра III, который, по слухам, объявился в Царицыне. Тогда Пугачев изрек: «Я-де вить не купец, а государь Петр Федорович, я та-де был и в Царицыне, та бог меня и добрыя люди сохранили, а вместо меня засеки караульного солдата, а и в Питере сохранил меня один офицер...» [72, с. 173].

Это цитата из архивного документа, обнаруженного Рознером. Однако из протокола допроса Пьянова, опубликованного в сборнике «Пугачевщина», следует, что Пугачев лишь намекнул Пьянову о своем царском происхождении [65, с. 116].

Не в те ли дни Пугачев решил назваться Петром III и поднять бунт на Яике, а затем взбунтовать всех угнетенных вплоть до Москвы? Некоторые историки положительно отвечают на этот вопрос. Один из них полагает, что деньги, которые Пугачев пообещал Пьянову, самозванец якобы получил от османского султана [122]. Но было ли это на самом деле?

Что касается планов поднять на борьбу уже клокотавший Дон, Поволжье с его бунтами староверов, инородцев, крепостных и городской бедноты, Москву, где чернь еще недавно, во время чумы 1771 г., громила дома сбежавших от эпидемии богачей и

³⁴ Таким образом, как справедливо отмечал капитан С. Дурново в своем рапорте Екатерине II, инициаторами и наиболее активными участниками бунта были казаки, «не имеющие у себя ни порядочных домов, ни промыслов».

убила митрополита Амвросия, то об этом мечтали Болотников, Разин и Булавин. И, конечно, теперь этого хотели «непослушные», еще надеявшиеся на что-то после поражения у Ембулатовки. Но скоро сказка сказывается да не скоро дело делается. Возможно, что Пугачев размышлял об этом в 1772 г. и позже, но так и не смог воплотить в жизнь.

Лже-Петры III

То, что он принял на себя имя Петра III, не было чем-то уникальным. Ведь у Болотникова тоже имелся «царевич Петр», у Разина – черкесский князь «царевич Алексей», и, наконец, незадолго до Пугачева волжский казак Богомолов уже провозглашал себя Петром III (по данным историков, в 1764–1772 гг. существовало семь «Петров III»³⁵). К ним нужно еще прибавить двух знаменитых Лжедмитриев Смутного времени, и у всех них имелись фанатичные сторонники.

Самозванцы обычно принимали имена правителей, исчезнувших при невыясненных обстоятельствах и якобы пострадавших за народ. Простые люди верили, что Петр III, освободив дворян от обязательной службы, дал бы свободу и крепостным – ибо те принадлежали дворянам – и разрешил бы им служить государству: ведь он уже передал в казну монастырских крестьян. Народ считал, что бояре свергли с престола Петра III за то, что он прекратил преследования староверов, начатые Петром I. В народе таких правителей всегда жалели, их воскрешение было чудом Божиим, люди хотели помочь им уничтожить злодеев, угнетателей, бояр, восстановить на престоле, а затем получить от них свободу. Не нужно привлекать психоанализ, чтобы понять, на что надеялись угнетенные [97, гл. II–III].

Предводитель бунта был вынужден выдавать себя за царя, чтобы сторонники клялись ему в верности. Всякий, принявший имя Петра III, оказывался в крайне выгодной ситуации: все, дававшие присягу подлинному Петру III, а потом – Екатерине, могли вновь присягнуть ему. Поэтому Пугачев всегда требовал этого.

Вожаки бунтовщиков не были наивными людьми и всё прекрасно понимали. Но поскольку самозванец был их вождем и пользовался авторитетом, они вынуждены были ему подчиняться. Некоторые из сподвижников Пугачева позже скажут, что сильно сомневались в его царском происхождении, но боялись в

³⁵ <См.: [118]>.

этом открыто признаться.

Сам Пугачев о месте и обстоятельствах принятия на себя имени императора Петра Федоровича всякий раз рассказывал по-разному. Но так или иначе, он решил тогда покинуть Яицкий городок и вернуться в него во время осенней плавни. Пугачев отправился на Иргиз и остановился в Маликовке (ныне Вольск), чтобы продать свою рыбу.

Тюрьма и скитания

Увы! Филиппов его выдал. Пугачева бросили в тюрьму за подстрекательство казаков к побегу на Кубань. На допросе он говорил, что всего лишь рассказывал о давней истории ухода Некрасова и его соратников³⁶. Пугачева отправили в Симбирск, а затем в Казань, где 4 января 1773 г. он предстал перед губернатором Я. Л. Брандтом. Из тюрьмы он передал староверам, что сидит «за крест и бороду». Благодаря их ходатайствам ему смягчили условия содержания, и он стал готовиться к побегу. 3 июня из Петербурга пришло распоряжение: Пугачеву «учинить наказание плетью и послать, как бродягу и привыкшего к праздной и продерзостной жизни в город Пелым, где употреблять его в казенную работу... давая за то ему в пропитание по три копейки на день» [27, с. 87]. Однако еще 29 мая он сбежал. Его искали, но безуспешно, о чем 18 сентября оренбургский губернатор известил Военную коллегию. Очевидно, этому событию тогда не придали большого значения.

После бегства из тюрьмы Пугачев не терял зря времени. Он прошагал много верст севернее Казани, затем повернул в Прикамье и провел пять недель в деревне Сарсазы у одного старовера, а потом вновь отправился в Яицкий городок. Прослышав, что тот хорошо охраняется, он остановился в 60 верстах от него в Таловом умете, у хозяина которого, Оболяева, по прозвищу «Еремина Курица» (это была его любимая присказка) уже бывал в 1772 г.

Наказание

Именно здесь он повстречал «непослушных» казаков, мечтавших о продолжении борьбы. Они рассказали ему о расправах, творимых новыми властями – командиром оккупационного корпуса Бюловым, комендантом городка Симоновым, старшиной

³⁶ <После поражения булавинского восстания осенью 1708 г. часть донских казаков во главе с атаманом Некрасовым ушла на Кубань – территорию, принадлежавшую в то время Крымскому ханству>.

Мартемьяном Бородиным: «У мятежников не менее двух человек в каждом доме постояльцев быть могло», Войско разделили на 10 полков по 533 человека, 10 июля по приговору императрицы 16 «первых и главнейших зачинщиков» публично выпороли и заклеямили каленым железом, вырвали ноздри и сослали на пожизненную каторгу в Нерчинские заводы, 38 человек выпороли и выслали с женами и детьми в различные места, 6 выпороли и отправили на войну с Турцией «для омытия пролитой ими крови», 25 выпороли и забрали в армию. 2461 «непослушных» помиловали, потребовав от них принести новую присягу на верность и выплатить 20107 руб. 70 коп. [72, с. 180–181]

Полковник Симонов увеличил эту сумму до 36756 руб. и самовольно оштрафовал зажиточных на 5–10 руб., а бедняков, жилища и скот которых он продал с молотка, – на 40–50 руб.

Поэтому если после поражения яицкого бунта люди были деморализованы, то теперь они рвались в бой. Пушкин пишет, что когда из Оренбурга в Яицкий городок отправляли помилованных казаков, они кричали толпе, собравшейся на площади: «То ли еще будет! Так ли мы тряхнем Москвою» [68, с. 12].

«Я вам государь...»

Пугачев прекрасно понимал, что дни его пребывания под Яицким городком могут стать для него судьбоносными. Признáют ли его казаки в качестве Петра III? Он осторожно беседовал со всеми, кто посещал его и, убедившись, что человек ему поверил, просил прислать других людей. Как правило, Пугачев пересказывал свою историю, иногда «вспоминая» свой «арест» в Петербурге боярами, спасение благодаря офицеру Маслову и последующие скитания: «...я страдаю уже двенадцать лет, и был де я у черкасов на Дону и по России во многих городах, то примечал, что везде народ разорен, и вы де также терпите много обид и налог... И всегда де так бывает: как де пастыря не станет, то всегда народ пропадает...» [65, с. 131].

Как-то парясь в бане с Ереминой Курицей и увидев, что того заинтересовали странные отметины на груди Пугачева, Емельян сказал ему: «А приметил ли ты на мне царские знаки? – Какие знаки? Я не только не видывал, но и не слыхивал, что за царские знаки такие. – Прямая ты курица! О царских знаках даже не слышал! Ведь каждый царь имеет на себе телесные знаки... – Что это, Пугачев, к чему ты это говоришь, каким быть на тебе царским знакам? – Экой ты безумный, и догадаться даже не можешь к че-

му я говорю, ведь я не донской казак, как тебе сказался, а государь Петр Федорович» [18, т. I, с. 178].

Его собеседник позже признавался, что тогда насмерть испугался: ведь у него гостит сам царь! Что касается «знаков» на груди и виске у Пугачева – две ямочки под правым и левым сосками [97, с. 138, прим. 2] – то это были последствия перенесенной им когда-то золотухи.

Чтобы убедить всех (или, по крайней мере, некоторых) своих посетителей в царственном происхождении, Пугачев требовал от них преклонять перед ним колени и лобызать руку, после чего просил: «Я буду вас жаловать так, как и прежние государи, а вы мне за то послужите верою и правдою». Позже, уже в разгар бунта, он однажды даже всплакнул перед портретом царевича Павла и только о своей «супруге», Екатерине, обычно не вспоминал [18, т. I, с. 187–189].

Тайна

Однако даже самые наивные относились к этому бородачу с явно недворянским выговором, подстриженному по-казачьи, одетому в «кафтан сермяжной, кушак верблюжей,... рубашка крестьянская холстинная, у которой ворот вышит был шолком, наподобие как у верховых мужиков, на ногах коты и чулки шерстяные, белые» [16, с. 228], с недоверием. И многие из будущих военачальников Пугачева вскоре нашли подтверждение своим подозрениям.

Как-то раз Зарубин пришел к своему другу Караваеву и попросил его: «Скажи де мне и отъкройся; пускай, вы знаете об нем, вить де и я никому не вынесу, – ныне де дело будет общее». Караваев заставил его поклясться, что тот не выдаст тайны «ни отцу, ни матере, ни жене, ни детям», а затем сообщил, что «ето де не государь, а донской казак, и вместо государя за нас заступит, – нам де все равно, лишь быть в добре». Зарубин согласился с этим. Позже, в ответ на слова Пугачева «Точной я де вам государь», Зарубин признался ему: «Вить де нас, батюшка, не сколько теперь, только двоечка; мне де вить Короваев рассказал о тебе все точно, какой ты человек». После этих слов между ними состоялся следующий диалог:

– Врешь де, дурак.

– Я де в том Короваеву дал клятву, чтоб никому о том не сказывать, так теперь и тебе де, батюшка, даю, – вит де мне в том нужды нет: хоша де ты и донской козак, только де мы уже за государя

тебя принесли, так тому де и быть.

– Ну, кали так, то смотри же, держи в тайне: я де подлинно донской козак Емельян Иванов. Не потаил де я о себе и сказывал Короваеву и Шыгаеву, также Пьянову [65, с. 130–131].

Именно этим людям было поручено огласить весть о появлении «царя». Все Яицкое войско уже полгода знало о пребывании Петра III в Царицыне, и что он «был у Пьянова в доме». Его ждали, на него надеялись. Поэтому первым его апостолам было не трудно убедить часть казаков, что Спаситель уже явился.

Читать, писать

У «царя» имелся очень большой недостаток: он был неграмотен. Один из его посетителей, попросив Пугачева что-то записать, дабы не забыть, вынудил самозванца идти за писарем к иргизским монахам, но там его не оказалось. Еремину Курицу, который был с ним, арестовали, и самого его едва не схватили. Скрываться здесь стало опасно. Полковник Семенов, узнав о появлении в этих местах «Петра III», велел его поймать. Пугачеву пришлось схорониться на уединенном хуторе братьев Кожевниковых.

Затем он переехал на небольшую речку Усиха, где продолжил принимать единомышленников. Один из них принес ему четыре знамени времен бунта 1772 г.; из них сделали семь. Другой, Яков Почиталин, подарил ему «царскую» одежду – зеленый кафтан с золотыми галунами, шелковый пояс, высокие сапоги из черного бархата, и предложил в качестве секретаря своего сына Ивана. Видимо тогда же один из соратников Пугачева, Идыр Баймеков, порекомендовал обратиться к хану Нуралы, «штобы он прислал к вам на помощь войска, а я думаю, што он пришлет человек сто», на что «Петр III» ответил: «Хорошо послать, да кто же письма та напишет?» Это сделал сын Идыра Баймекова Балтай, ставший, таким образом, писарем на татарском языке [18, т. I, с. 236–237].

Через несколько дней Усиху пришлось покинуть. Зарубин предложил перебраться на хутор Толкачева, в 40 верстах отсюда и в 100 верстах от Яицкого городка. Казаки, которым соратники Пугачева доверяли, уже собрались там.

В пути Пугачев вспомнил, что у него нет никакого документа о его царском происхождении. Тогда молодой Почиталин на основе разговоров с Пугачевым составил манифест «императора» к населению, но когда принес его на подпись, «царь» молвил: «Я не имею на это права. Только в Москве! До этих пор мой почерк не должны знать. На это есть серьезные причины... Ты подпишешь

вместо меня».

Так он поступал всегда. Когда Пугачеву подали на подпись именной указ к донским казакам, то, по словам Творогова, он, «потупя голову вниз и потом вскинув на меня глаза, сказал так: “Иван! Нельзя мне теперь подписывать, до тех пор, покуда не приму царства. Ну, вить ежели я окажу свою руку, так вить иногда и другой кто-нибудь, узнав, как я пишу, назовется царем...”». Творогов далее сообщает, что Пугачев «писывал в глазах наших как-ия-то крючки, иногда мелко, а иногда крупно, и сказывал, што пишет по-немецки; также, естли когда подашь ему в руки што-нибудь написанное, то, смотря на оное, шевелил губами и подавал вид, што он читает...» [65, с. 151–152].

Клятвы

Небольшой казачий отряд прибыл к Толкачеву в ночь с 15 на 16 сентября. Сначала в нем было 30–40 человек, потом подоспели другие. Никто не знал, зачем их вызвали с оружием, но Зарубин сообщил: «Нам свет открылся: государь, третий император Петр Федорович с нами присутствует!» На следующее утро в отряде числилось уже 80 казаков. Пугачев приказал казакам поклясться на коленях перед святым образом: «Обещаемся перед богом служить тебе, государь, во верности до последней капли крови. И хотя все войско Яицкое пропадет, а тебя живого в руки не отдадим». Затем «царь» тоже преклонил колени и поклялся «любить и жаловать яицкое войско, так, как и прежнии цари. И буду вас жаловать рекою Яиком и впадающими во оную реками и притоками, рыбными ловлями, землею, сенокосными покосами и всеми угодами безданно и безошлинно. И распространю соль на все четыре стороны – вези, кто куда хочет. И оставлю войско яицкое при прежней их вольности» [27, с. 97].

Хладнокровный человек

Так говорил «Петр III».

Описание внешности «императора» в его паспорте дополняют показания сподвижников. Ростом Пугачев был 1,62 м, лицом кругл, смугл, веснушчат; глаза имел серые или коричневые. Бороду носил короткую, она была с проседью и немного доходила до ушей. Нос у него был средний, вздернутый, острый; отличался широкими плечами и достаточно тонкой талией. Его жена на допросе вспомнила, что у мужа не было сверху переднего зуба, который он потерял в игре. По некоторым сведениям, голос у Пуга-

чева был хриплым.

К этому вполне заурядному портрету пугачевец Шигаев добавлял: «Самозванец наречие имел чистое, а иногда, прошибаясь, употреблял речи, наподобие донских казаков... отличался от прочих лехкостию походки, бодростию, отменным станом и прищуриванием одним глазом, но которым – не упомянуть» [68, с. 107; 65, с. 106].

Короче говоря, Пугачев совсем не походил на подлинного Петра III – голубоглазого блондина и упитанного увальня.

В том, что он смог убедить свое окружение в царском происхождении, большую роль сыграли его хладнокровие и храбрость, умение разбираться в ситуации и настроениях людей. Твердо заявляя всем, что он царь, и быстро приспосабливаясь к обстоятельствам, Пугачев долго сохранял свой авторитет. В сложных жизненных ситуациях он всегда находил правильное решение.

Его жена свидетельствовала, что он «веру содержал истинно православную; в церковь божию ходил, исповедался и святых тайн приобщался, на что и имел отца духовного, Зимовейской же станицы священника Федора Тихонова; а крест ко изображению совокуплял большой с двумя последними пальцами», что было характерно для староверов. Сам Пугачев сообщил на одном из допросов, что он был «не раскольник, как протчия донския и яицкия казаки, а православного греческаго исповедания кафолической веры, и молюсь богу тем крестом, как и все православныя християне, и слагаю крестное знамение первыми тремя перстами (а не последними)» [17, с. 107]. Выше уже говорилось, что он причислял себя к староверам, чтобы получать от них помощь. Падуров, один из его военачальников, полагал, что Пугачев был старовером, «потому что оныя казаки в церквах над образами, которыя были написаны живописью или на то похожим, делали великия надругательства, выкалывая глаза, а иногда и совсем раскалывали и разрубали; но самозванец, будучи о том известен, казакам ничего за то не выговаривал и, повидимому, попускал их на истребление оных икон» [65, с. 188]. На самом деле у Пугачева не замечали каких-то особых проявлений религиозности, и лишь перед казнью он искренне покаялся перед Богом и народом.

Бездушные Пугачева, его суровость к соратникам и жестокость к врагам не вызывали у людей симпатий и поэтому его власть держалась на силе и терроре. Под страхом смерти даже ближайшие сподвижники не могли сомневаться в его царском происхождении и этим они оправдывали себя на допросах. Что касается простонародья, то оно, вероятно, вслед за тестем Пугачева казаком Кузнецовым было убеждено: «Как можно простому человеку

взять на себя такое название»? [65, с. 118]

Манифест к казакам

Между тем Пугачев приказал Ивану Почиталину огласить свой косноязычный указ:

«Самодержавного амператора, нашего великаго государя Петра Федаровича всероссийскаго: и прочая, и прочая, и прочая.

Во имянном моем указе изображено яицкому войску: Как вы, други мои, прежним царям служили до капли своей до крови, дяды и оцы ваши, так и вы послужити за свое отечество мне, великому государю амператору Петру Федаравичу. Когда вы устоити за свое отечество, и ни истечет ваша слава казачья от ныне и до веку и у детей ваших. Будити мною, великим государям, жалованы: казаки и калмыки и татары. И каторые мне, государю императорскому величеству Петру Федоровичу, виньныя были, и я, государь Петр Федарович, во всех винах прощаю и жалаваю я вас: рякою реку с вершын и до усья и землею, и травами, и денежным жалованьям, и свинцом, и порохам, и хлебным правиянтам.

Я, великий государь амператор, жалую вас Петр Федаравич.

1773 году синтября 17 числа» [64, с. 25].

Манифест понравился казакам, и они похвалили Почиталина за умение составлять документы. Как писал Пушкин, «первое возмутительное воззвание Пугачева к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного»; оно резко отличалось от призывов оренбургского губернатора, кои «были написаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками с глаголами на конце периодов» (то есть тяжелым бюрократическим стилем конца XVIII в.) [67, с. 371].

Акт 2 БУНТ КАЗАКОВ

Выслушав утром 17 сентября этот указ, казаки направились к Яицкому городку. Бунт начался.

Отъезд

На следующий день к бунтовщикам прибыл мулла с подарками от хана Нуралы. Поскольку мулла утверждал, что когда-то видел в Петербурге Петра III, Пугачев спросил, узнаёт ли он его, на что тот ответил положительно. Хан, конечно, помощи не оказал, хотя Балтай просил дать 200 человек. Нуралы опасался оренбургского губернатора, и во время бунта сохранил нейтралитет, а затем принес присягу Екатерине.

В тот же день казаки захватили сержанта, посланного Симоновым для наблюдения за их передвижением; этого дворянина не повесили, а сделали помощником Почиталина. Бунтовщики взяли Бударинский форпост и продвинулись еще на 5 верст к Яицкому городку. Здесь, у Чаганского моста, они наткнулись на 500 пехотинцев, казачью конницу и пушки. Пугачев призвал их «как... прежним царям служили до капли своей до крови, дяды и отцы ваши, так и вы послужити... мне... И жаловаю я вас: рякою с вершин и до усья и землю, и травами, и денежным жалованьям...» [18, т. II, с. 6]. 50 казаков и 100 солдат перешли на сторону Пугачева. Среди них был и Максим Шигаев – в дальнейшем один из самых активных бунтовщиков. 11 «послушных» казаков на рассвете были повешены.

К утру 19 сентября у Пугачева имелось уже более 500 человек, но ни одной пушки, поэтому штурмовать Яицкий городок он не стал, а обошел его и двинулся вверх по реке. На собрании, состоявшемся на озере Белые Берега, казаки избрали атамана (им стал Андрей Овчинников), полковника и есаула, а также сотников и хорунжих. Киргизам Абулхаир-хана был направлен указ, обещающий, что «землею, водою, лесами, оружием, свинцом, провиантом... от головы до ног от нас снабжены и пожалованы будете», и запрещающий слушаться «генеральских и боярских речей», а

также просивший «с двести человек» подмоги [64, с. 26–27]³⁷. К Пугачеву присоединился гарнизон Гниловского форпоста. Также без боя были взяты форпосты Рубежный, Генварцовский, Кирсановский и Иртекский. За один день бунтовщики продвинулись на 87 верст и приобрили 3 орудия.

Благодарственный молебен

20 сентября пали форпосты Кондуровский, Студеный, Мухранов. Войско подошло к Илецкому городку. Несмотря на бревенчатые стены, 12 пушек и 300 казаков он сдался, поверив, что Пугачевым «во всех выгодах и жалованьях отказано вам не будет... пороху и свинцу всегда достаточно от меня будет» [64, с. 25–26]. 21 числа жители городка встречали «Петра III» хлебом-солью под колокольный звон. Казачий атаман сразу же был повешен. На круге вместо него избрали Ивана Творогова, а секретарем – Максима Горшкова. Во время службы благодарственного молебна, поскольку илекские казаки были землепашцами, Пугачев заявил: «А у бояр-де села и деревни отберу, а буду жаловать их деньгами» [88, с. 115]. Победу шумно праздновали три дня. Этот церемониал стал у пугачевцев традицией.

Покорение Яика

Войско, имевшее теперь 4 пушки и 300 человек, выступило к Рассыпной крепости, которую защищали 50 оренбургских казаков и рота солдат. 24 сентября Пугачев предложил им сдаться. Комендант крепости приказал открыть огонь, но бунтовщики, разбив ворота, ворвались внутрь. Коменданта, нескольких офицеров и священника повесили. Раздобыв здесь еще 3 пушки, порох и ядра, бунтовщики двинулись на север. Встретив по пути 100 казаков, шедших в Рассыпную, они разбили их, а командира повесили.

В ночь с 25 на 26 сентября пришли сдаваться казаки Нижне-Озерной крепости. Бунтовщики подошли к ней и легко взломали ее ворота. По словам Пушкина, Пугачев «ехал впереди своего войска. «Берегись, государь, – сказал ему старый казак, – неравно из пушки убьют». – «Старый ты человек, – отвечал самозванец, – разве пушки льются на царей?». Пушкин далее продолжает: комендант «Харлов бежал от одного солдата к другому и приказывал

³⁷ <См. также: [109]>.

стрелять. Никто не слушался. Он схватил фитиль, выпалил из одной пушки и кинулся к другой. В сие время бунтовщики заняли крепость, бросились на единственного ее защитника и изранили его... Между тем за крепостью уже ставили виселицу; перед нею сидел Пугачев, принимая присягу жителей и гарнизона. К нему привели Харлова, обезумленного от ран и истекающего кровью. Глаз, вышибленный копьем, висел у него на щеке. Пугачев велел его казнить и с ним прапорщиков Фигнера и Кабалерова, одного писаря и татарина Бикбая. Гарнизон стал просить за своего доброго коменданта; но яицкие казаки, предводители мятежа, были неумолимы» [68, с. 18–19].

В 28 верстах отсюда находилась Татищева – сильнейшая крепость Яицкой линии, насчитывавшая 13 орудий и 1000 человек гарнизона, который недавно пополнился отрядом бригадира Билова из примерно 350 солдат, оренбургских казаков и свыше 60 ставропольских калмыков. Билев был послан оренбургским губернатором арестовать Пугачева в Илецком городке. Но разведывательный разъезд во главе с Падуровым, посланный Биловым, примкнул к Пугачеву.

К штурму Татищевой бунтовщики готовились тщательно: «Утром 27 сентября Пугачев показался на высотах, ее окружающих. Все жители видели, как он расставил там свои пушки и сам направил их на крепость. Мятежники подъехали к стенам, уговаривая гарнизон – *не слушаться бояр* и сдаться добровольно. Им отвечали выстрелами. Они отступили. Бесполезная пальба продолжалась с полудня до вечера; в то время скирды сена, находившиеся близ крепости, загорелись, подожженные осаждающими. Пожар быстро достигнул деревянных укреплений. Солдаты бросились тушить огонь. Пугачев, пользуясь смятением, напал с другой стороны. Крепостные казаки ему передались. Раненый Елагин и сам Билев оборонялись отчаянно. Наконец мятежники ворвались в дымящиеся развалины. Начальники были захвачены. Билеву отсекали голову. С Елагина, человека тучного, содрали кожу; злодеи вынули из него сало и мазали им свои раны³⁸. Жену его изрубили. Дочь их, накануне овдовевшая Харлова, приведена была к победителю, распорядившему казнию ее родителей. Пугачев поражен был ее красотой и взял несчастную к себе в наложницы, пощадив для нее семилетнего ее брата. Вдова майора Веловского, бежавшая из Рассыпной, также находилась в Татищевой: ее удавили. Все офицеры

³⁸ <Культурологическое объяснение этого поступка см. [39, с. 387–388]>.

были повешены. Несколько солдат и башкирцев выведены в поле и расстреляны картечью. Прочие острижены по-казацки и присоединены к мятежникам» [68, с. 19].

Бессильная империя

А чем же в это время занимались власти? Менее чем за десять дней мятеж нескольких десятков казаков во главе с очередным авантюристом превратился в стремительно разрастающийся бунт. Высшей властью на Урале тогда был оренбургский губернатор. И что же он делал, этот самый генерал Рейнсдорп?

За поимку живого Пугачева он пообещал 500 руб., а за его труп – 250 руб. Большого губернатор не мог: «укрепленные» линии были таковыми лишь на словах – вместо солдат на них обычно служили отставники да к тому же некоторые офицеры были скорее помещиками, чем воинскими командирами. Могли ли эти форпосты и крепости противостоять пропаганде и натиску пугачевцев? Насильно пригнанные калмыки и башкиры были ненадежны, а регулярные войска находились в то время на турецком фронте. Именно поэтому, а также благодаря имевшимся у него преимуществам Пугачев добился молниеносного успеха.

На Оренбург!

Татищева была ключевым пунктом оборонительной линии. Западнее нее протекала Самара, от которой шла дорога на Волгу, то есть на Казань, Нижний Новгород и Москву. Пугачев и его самые отчаянные сподвижники мечтали поднять бунт в центре империи. Но власть там была сильнее, чем на Урале, ведь у мятежников было всего лишь около 30 старых пушек. Пугачевцы стояли в 50 верстах от Оренбурга, которому подчинялись Яик, Башкирия и заводы Урала. Взятие этого города привело бы к восстанию Сибири, появлению новых бунтовщиков (местных инородцев и приписных крестьян) и оружия. А оставлять у себя в тылу столь мощную крепость было опасно, ибо она угрожала независимости Яика, для казаков более важной, чем освобождение русских крепостных. Итак, Оренбург нужно было взять любой ценой!

Пугачев шел к Оренбургу вдоль Яика. 29 сентября он занял Чернореченскую. «В сей крепости оставалось несколько старых солдат при капитане Нечаеве, заступившем на место коменданта, майора Крузе, который скрылся в Оренбург. Они сдались без сопротивления. Пугачев повесил капитана по жалобе крепостной его девки».

Оренбург был крепким орешком. Поэтому Пугачев сначала послал в город двух человек на разведку. Один из них был схвачен, а второй, струсив, вернулся и сообщил, что оренбуржцы якобы готовы стоять насмерть. Пугачев поверил этому и отложил штурм. Очевидец этих событий П. И. Рычков, информации которого можно вполне доверять, позже писал, что если бы Пугачев штурмовал Оренбург сразу, то город неминуемо бы пал: «Городские валы и рвы в таком состоянии были, что во многих местах без всякого затруднения на лошадях верхом выезжать было можно» [76, с. 219].

Манифест к мусульманам

Но Пугачев, обойдя Оренбург слева, двинулся в густонаселенную татарскую Сеитову слободу (Каргалы); местные богатеи заранее сбежали. Самозванца ждал радушный прием: вероятно, там уже получили его манифесты к мусульманскому населению. Составленные в восточном стиле на русском и тюркских языках, они разошлись в многочисленных копиях далеко за пределы Урала. Содержание указов было примерно одинаковым, датируются они концом сентября – серединой октября. Приводимый ниже текст одного из них был написан по-русски и оглашен 1 октября:

«Тысячью великой и высокой и государственной владетель над цветущем селении, всем от бога сотворенным людям самодержец... император Петр Федорович, царь российской...

Время от времени пришедшим в подданство свецкому народу в городах и провинциях, також в степе и в полях повелению моему повинующимся добрым и худым людям моим с женами, с детьми и с дочерьми известно и ведомо да будет.

Сии мои указы публиковать во всех сторонах живущим в деревнях, в пути проезжающим и в деревнях по каждой улице распротроняя,... також с других стран, заблуждая и претерпевая нужду и печаль,... вспомяня меня и услыша о моем имени,... желающим быть в моем подданстве.... Каким образом и чем отцы и прадеды ваши издревле предкам отца моего и прежним дядьям и теткам служили, проливая кровь,... и ныне таким же образом... дражайшей... государыне... [так и теперь] повелениям бы моим были послушными... Точно верьте: в начале Бог, а потом, на земли я сам, властительный ваш государь... Будьте послушными и к сей моей службе преданность учините, то я вследствие первых примеров всем тем, что вы от единого бога просите, равно пожалую, ибо всемиловейший ваш государь я. О чем верно знайте и верьте: от-

ныне я вас жалую землями, водами, лесами, рыбными ловлями, жилищами, покосами и с морями, хлебом, верою и законом вашим, посевом, телом, пропитанием,... жалованьем, порохом и провиантом, словом всем тем, что вы желаете во всю жизнь вашу. И бутте подобными степным зверям... Истиной ваш государь сам идет, и с усердием и верностию вашею благословенное лицо мое видеть встречайте... А когда повелению господина скорым временем отвратите и придете на мой гнев,... прощать не буду, ей, ей.

Сей мой указ писан сентября в последних числах... в день Покрова» [64, с. 27–28].

Интересно, что Пугачев называет государыню, с которой воюет, «дражайшей», его идеалом являются дикие звери, а датируется указ к мусульманам по православному празднику!

Хлеб-соль

2 октября Пугачев с несколькими казаками отправился в Сакмарский городок. «В крепости у станичной избы посланы были ковры и поставлен стол с хлебом и солью. Поп ожидал Пугачева с крестом и с святыми иконами. Когда въехал он в крепость, начали звонить в колокола; народ снял шапки, и когда самозванец стал сходить с лошади, при помощи двух из его казаков, подхвативших его под руки, тогда все пали ниц. Он приложился ко кресту, хлеб-соль поцеловал и, сев на уготовленный стул, сказал: «Вставайте, детушки». Потом все целовали его руку... Он обратился к священнику и грозно приказал ему отыскать их, приговоря: «Ты поп, так будь и атаман; ты и все жители отвечаете мне за них своими головами». Потом поехал он к атаманову отцу, у которого был ему приготовлен обед. «Если б твой сын был здесь, – сказал он старику, – то ваш обед был бы высок и чист: но хлеб-соль твоя помрачилась. Какой он атаман, коли место свое покинул?» – После обеда, пьяный, он велел было казнить хозяина; но бывшие при нем казаки упростили его; старик был только закован и посажен на одну ночь в станичную избу под караул. На другой день сысканные казаки представлены были Пугачеву. Он обошелся с ними ласково и взял с собою... На берегу Сакмары повесил он шесть человек» («Повешены два курьера, ехавшие в Оренбург, один из Сибири, другой из Уфы, гарнизонный капрал, толмач-татарин, старый садовник, некогда бывший в Петербурге и знавший государя Петра III, да приказчик с рудников Твердышевских») [68, с. 101].

Пугачев потребовал от Рейнсдорпа сдать Оренбург и послал

Ивана Творогова в Пречистенскую крепость. После ее взятия два офицера были помилованы и приняты в войско, а один сержант оставлен для организации снабжения. Впервые от основного войска бунтовщиков смог отделиться самостоятельный отряд: пугачевцы теперь насчитывали «до трех тысяч пехоты и конницы и более двадцати пушек», а также 400 башкир, призванных Рейнсдорпом на защиту Оренбурга и перешедших на сторону бунтовщиков.

В ночь с 3 на 4 октября Пугачев перешел близ Сакмарского городка реку через мост, уцелевший вопреки распоряжениям Рейнсдорпа, и решил брать Оренбург.

Осада Оренбурга

Оренбургская крепость была окружена земляным валом шириной 12 м, высотой 4 м и такой же глубины рвом. Длина вала составляла около 6 км. Доступ в город был возможен через четверо ворот. Все это было срочно отремонтировано. Гарнизон был пополнен до 3000 человек, из которых 1100 были регулярными; имелось 70 орудий и приблизительно 100 артиллеристов, а также команда «для пожарного случая». 28 сентября было решено разоружить и отправить под охраной на Урал пленных польских конфедератов, которые якобы «согласились к содействию с злодейскими шайками Пугачева». Их арестовали, а вожakov выпоролы [27, с. 124]. Рейнсдорп распустил слух, что будто бы мнимый Петр III был «наказан кнутом с поставлением на лице его знаков...». 4 октября из Яицкого городка в Оренбург прибыли 246 пехотинцев и 420 казаков майора Наумова и генерал-майора Мартемьяна Бородина: они стали самыми активными защитниками города.

5 октября Пугачев разбил свой лагерь в 5 верстах от Оренбурга на Казачьих лугах. Не получив ответа на свой ультиматум, он в тот же день попытался штурмовать город. В ответ была открыта «страшная и сильная пушечная пальба»: 88 пушечных выстрелов и брошено 3 тридцатифунтовые бомбы. Ночью около города запылали скирды заготовленного на зиму сена, которые губернатор не успел забрать в город. Утром 1500 конных и пеших под командованием майора Наумова предприняли вылазку, встреченную орудийным огнем. После двухчасовой перестрелки Наумову пришлось отступить, так как на его левом фланге показалась конница Пугачева. Окрыленный своим успехом, Пугачев вечером применил тактику, принесшую ему победу под Татищевой: он

попытался залпами артиллерии поджечь центр города и, воспользовавшись паникой, начать его штурм. И хотя мощный ответный огонь сорвал планы Пугачева, жители Оренбурга все же испытывали «робость и страх».

На следующий день Рейнсдорп собрал военный совет, где задал его участникам вопрос: выступить ли еще против злодея или под защитой городских укреплений ожидать прибытия новых войск? Вылазку поддержал только один из присутствовавших, но когда 9 октября ударный корпус из 2000 человек был все же сформирован, офицеры доложили губернатору о «роптанье и великой робости и страхе» своих солдат. Рейнсдорп попросил Военную коллегию «как возможно поскорее учинить помощь... при-
слав войска и хороших командиров». Постоянно атакуя, бунтовщики вынуждали осажденных «стоять денно и ночью в ружье».

12 октября горожане предприняли еще одну вылазку. Пугачев, заранее предупрежденный о ней перебежчиками, расставил свои пушки в самых удобных местах. Как только отряд Наумова вышел из города, он сразу же попал под мощный огонь артиллерии, был окружен мятежной конницей и поспешно отступил, потеряв 150 убитыми, ранеными и бежавшими. Перестрелки происходили ежедневно, толпы мятежников разъезжали около городского вала и нападали на фуражиров.

Осажденный Оренбург

С началом морозов пугачевцы расположились в 5 верстах от города в шалашах, какие использовались охотниками и на зимних работах. Охрану лагеря несли башкиры. Уральские заводы прислали бунтовщикам пушки и опытных рабочих, соорудивших землянки.

22 октября под прикрытием густого тумана Пугачев подвел под крепостные стены 4 гаубицы и 4 медных пушки и открыл из них огонь. 2 ноября он лично руководил штурмом крепости, но егерям Рейнсдорпа удалось его отбить.

5 ноября Пугачев отвел свою армию в Берду, оставив у города лишь башкир и калмыков. Оренбург был полностью блокирован, царские курьеры проникали в него с оказией и с большим опозданием, а фураж и продовольствие иссякали. 9 ноября Рейнсдорп написал президенту царской Военной коллегии графу Чернышеву жалобное письмо: «Der kläglichste Zustand des Orenburgischen Gouvernements ist weit kritischer als ich ihn beschreiben kann, eine reguläre feindliche Armee von zehntausend Mann würde mich nicht in

Schrecken setzen, allein ein Verräter mit 3000. Rebellen macht ganz Orenburg zittern... Meine aus 1200 Mann bestehende Garnison ist noch das einzige Komando worauf ich mich verlasse, durch die Gnade des Höchsten haben wir 12 Spions aufgefangen etc.» [68, с. 102]³⁹.

Бердская штаб-квартира и Военная коллегия

Берда была не только штаб-квартирой войска, но и столицей пугачевцев. Насчитывавшая 200 дворов, она находилась в 7 верстах от Оренбурга, на реке Сакмаре, и была защищена крепостными стенами и рогатками.

6 ноября Пугачев создал из числа своих самых верных и опытных соратников Военную коллегия.

Максим Горшков сообщал, что в нее включили «полковника Ивана Творогова, илецкого казака Максима Шигаева, Андрея Витошнова и Данилу Скабычкина, думным дьяком – Ивана Почिताлина (все они – яицкия казаки), а меня, по рекомендации атамана Овчинникова и полковника Творогова, – секретарем... Сперва главным судьей самозванец назначил, было, быть Творогова, так, как полковника, но оной Творогов сам его просил, чтоб главным зделать Витошнова, по старости его лет, что самозванец и зделал, и Витошнов сидел выше Творогова; а Шигаев, хотя и ниже их сидел, но как он был их замысловатее и любимее больше самозванцом, то они следовали больше его советам, а равно Почिताлин и я слушивались больше его. В сей названной коллегии никаких письменных судов не производилось...; письменное же производство было в ней только такое, что даваны были из нея наставления поставленным от самозванца полковникам, старшинам и другим частным командирам, посылающимся от него в разныя места: о покорении к нему народа, о доставлении из всех мест в главной стан провианта и фуража, о разграблении господских пожитков, о отобрании в крепостях и на заводах пушек и пороху и

³⁹ «Наишладчевное состояние Оренбургской губернии много опаснее, чем я могу его описать; меня бы не устрасила регулярная вражеская армия в десять тысяч человек, а между тем один предатель с 3000 бунтовщиков приводит в трепет весь Оренбург... Мой гарнизон, состоящий из 1200 человек, – единственная к тому же военная сила, на которую я полагаюсь. По милости всевышнего мы поймали 12 шпионов...». Замечу, что многие тогдашние российские губернаторы или генералы были выходцами из Прибалтики или Германии <У П. Паскаля неточность: И. А. Рейнсдорп был датчанин>.

о присылке их в Берду...» [65, с. 113].

Творогов добавлял: «Приваживали к нам многих, не считающих злодея государем, разного звания людей, которых иногда злодей сам, а иногда и мы на словах допрашивали и по допросе представляли злодею, которых он иногда вешивал, а иногда прощал, но не иначе, как оставлял служить в своей толпе. Случалось временем и то, что во время отлучек из Берды злодея Шигаев сам собою вешивал людей, ибо хотя он по Витошнове и второй член был, но, будучи любимее всех злодею, имел преимущество пред всеми нами и делал то, что хотел... В сочинениях упражнялись Горшков и повытчики, а Почиталин редко писывал, ибо мы с ним худо знаем грамоте, а только што почти имяна свои можем подписывать» [65, с. 143–144]. Возможно, неграмотность Почиталина здесь несколько преувеличена, поскольку тексты, к которым приложил руку этот сын простого казака, отличаются хорошим стилем и ясностью.

Но у Пугачева были и более грамотные сподвижники, например, Супонин, Герасимов, Пустоханов, Григорьев (он был заводским приказчиком). В ноябре к бунтовщикам в плен попал гренадерский подпоручик Шванвич, которого помиловали и даже сделали есаулом (капитаном); зная иностранные языки, он стал переводить документы на французский и немецкий. Так, он перевел на немецкий манифест от 2 декабря. Балтай со своим отцом переводил манифесты, письма, указы с русского на арабский, персидский, турецкий и татарский, а на русский – рапорты, получаемые от баширских, киргизских, калмыцких и прочих отрядов.

Агитация бунтовщиков

Одной из задач Коллегии была агитация населения. Уже 8 ноября был издан именной указ Пугачева «в Воскресенской старой завод бывшему прикащику Петру Биспалову» об изготовлении артиллерийских орудий [64, с. 54], 17 ноября – несколько странный именной указ «нашему губернатору к Рейнздорпу»: «Только вы, ослепясь ниведениям или помрачитесь злобою, ни приходите в чюство... Однако мы, по природному нашему к верноподданному отеческому великодушию, буде хотя и ныне, возникнув от мрака ниведения и пришед в чюство, власти нашей усердно покорясь, всемилостивейшии прощаем... А будет в таком же ожесточении и суровости останитесь и данной нам от создателя высокой власти ни покоритесь, то уже ниминуемо навлечети на себя правидный наш гнев» [64, с. 34]. 25 ноября Военная

коллегия бунтовщиков огласила манифест «всем моим верноподданным рабам всякого звания и чина», призывающий их к покорности, а кто станет противиться, тот испытает «праведный наш гнев» [64, с. 35].

Вскоре Коллегия выпустила другой манифест, получивший более широкое распространение и напоминавший предыдущий:

«Небезизвестно есть каждому верноподданному рабу, каким образом мы не от доброжелателей и зависцов общего покоя всеоссийского и по всем правам принадлежащего престола лишены были. А ныне всемогущий господь неизреченными своими праведными судьбами, а молением и усерднейшим желанием наших верноподданных рабов скипетру нашему покоряет, а зависцов общему покою и благодатию под ноги наши повергает. Только ныне некоторые, ослепясь неведением или помрачены от зависти злобою, не приходят в чувство и высокой власти нашей чинят противление и непокорение и тщатся процветшаяся имя наша таким образом, как и прежде, угасить и наших верноподданных рабов, истинных сынов отечеству, аки младенцев, осиротить. Однако мы, по природному нашему к верноподданным отеческому великодушию, буде кто и ныне, возникнув из мрака неведения и пришед в чувство, власти нашей усердно покоритесь и во всеподданническии должности быть повинитесь, всемилостивейше прощаем. Сверх того, всякою вольностию отеческой вас жалует. А буде же кто и за сим в таком же ожесточении и суровости останется, и данной нам от создателя высокой власти не покоритесь, то уже неминуемо навлечете на себя праведный наш и неизбежный гнев. Чего ради от нас для надлежащего исполнение и всенароднаго истиннаго познания сим и публикуется.

2 декабря 1773 г.

На подлинном подписано собственною его императорского величества рукою тако:

Петр».

Этот документ во множестве списков распространялся вплоть до апреля 1774 г. [64, с. 35, 227] Он отличался необычайной краткостью, ясностью и почти идеальным формуляром – при составлении этого манифеста Почиталин и Горшков пользовались собранием «печатных и письменных публичных указов».

Пугачев всегда уделял агитации первостепенное внимание, ведь без нее он не смог бы набрать свое войско и восстановить силы после крупных поражений.

Организация военного дела

«Военная коллегия» являлась военным министерством и ставкой бунтовщиков.

По словам Шванвича, Пугачев собрал в Берде около 20000 «всякой сволочи», «пушек больше ста со всеми снарядами, при которых человек шестьсот было канониров: русских людей, крестьян, казаков и салдат и несколько человек конфедератов; при них командиры-сотники – яицкия казаки, а над всеми ими Чюмаков, яицкой же казак, был полковником. Артиллерию ж получал с крепостей и с заводов, также порох и свинец... Ядра и бомбы чинили и заряды делали в Берде; при оной работе был главной Оренбургскаго баталиона кананер Степан Калмыцкой» [66, с. 214].

Всем этим ведала «Военная коллегия». Она давала, как мы видели, заказы заводам, запасала оружие и боеприпасы, требуя срочно доставлять в Берду их излишки, конфисковывала артиллерийские склады или боеприпасы (в Гурьеве и Ильинской крепости), продовольствие и имущество, закупала хлеб, организовывала забой скота и заготавливала фураж.

Так, 16 декабря 1773 г. она приказала атаману Илье Арапову, действовавшему в районе реки Самары:

«Чрез сие повелевается тебе имеющей в окрестных селениях барской всякого рода хлеб приказывать, кому способно: немолоченой – молотить, а намалоченной – молоть и, смоловши, присылать в здешнюю армию тех же или протчих жителей равенственно на подводах. А за провоз тем подвотчикам выданы деньги из казны будут. И сколько ж будет от тебя отправлено, сюда репортовать.

А как одному тебе порученное сие дело вскоре исполнить нельзя, то позволяетца тебе выбирать по себе поверенных и посылать в те жительства з данными от тебя наставлениями с принадлежащим числом конвоем для высылки сюда в армию всякаго молотаго хлеба; также и овса, сколько найдется, высылать же. Да и то наблюсти, чтоб посланные от тебя поверенные не отваживались чинить крестьянам никаких обид; в противном же случае подвергнут себя его величества гнева. И порученное сие дело исполнить тебе, как можно наискорея.

Публикацию ж, при сем приложенную, объявлять во всяком селении и чинить по сему его императорскаго величества указу во всем непременно.

Декабря 16 дня 1773 года.

Иван Творогов.
Дьяк Иван Почиталин.
Секретарь Максим Горшков» [64, с. 43–44].

Этот приказ в первую очередь касался войска, стоявшего под Оренбургом, ибо остальные отряды добывали пропитание сами. Водку брали с государственных складов, хлеб пекли в Чернореченской крепости и в Каргалах и выдавали в Берде каждые два дня. Остальное покупали у бердских купцов.

Для закупок, выплаты жалованья и компенсаций за военные издержки требовались деньги. Они были нужны и для платы за постой в деревнях. Рабочим остановленных заводов бунтовщики также платили зарплату. Откуда же у них было столько денег? В основном их выручали от продажи населению соли и водки. Имели место, конечно, и чрезвычайные меры: конфискация имущества богачей, чиновников, захват казенных, городских и заводских касс. Но чаще всего командиры бунтовщиков отправляли главному пугачевскому казначею Шигаеву излишки своих трофеев: так, атаман Белобородов внес 1500 руб. [65, с. 327].

У Коллегии имелись свои представители на местах, назначаемые из числа грамотных крестьян, работных людей, духовенства и составлявшие своеобразную административную сеть. Но военная обстановка не позволила этой системе оформиться [27, с. 461].

Инициативы на местах

Впрочем, было бы неверно считать, что все вышеизложенное основывалось на каком-то законе. Напротив, как сообщали позже на допросах участники или свидетели тех событий, все происходило спонтанно. Понятно, что жалованье бунтовщикам выплачивалось нерегулярно, а суд и расправа зависели исключительно от настроения судей. Коллегия не ограничивала, да и не могла ограничить инициативы, возникавшие снизу. Приведу лишь один пример того, как делились полномочия между Коллегией и Пугачевым в военной сфере.

В ноябре 1773 г. из поместья отставного офицера татарина Арапова, что по реке Самаре в 50 км от Бузулука, сбежал некий Илья Арапов. Он, видимо, был крепостным, взявшим фамилию своего господина. Вскоре он объявился в Бузулуке, спешно покинутом его комендантом Вольфом и занятом яицкими казаками. Конечно же, И. Арапов уже был известен Пугачеву, ибо являлся атаманом и, ве-

роятно, имел от него срочное поручение. Тогда же он получил от Военной коллегии приказ о реквизиции зерна, который я воспроизвел выше. Здесь же, в Бузулуке, он принял в свой отряд 1000 крепостных крестьян графов Орловых. Затем он исполнил свое поручение. 22 декабря он отправился из Бузулука в другие оборонительные посты Самарской линии и вошел в Ставрополь, где обосновались крещенные калмыки: они уже грабили окружающие окрестности.

И. Арапов послал к коменданту Самары гонца, который сообщил, что силы бунтовщиков велики и у них есть 50 пушек. Поверив в это, капитан и поручик с 25 людьми и казной покинули город. Остальные 40 его солдат сдались. Арапов велел провести богослужение, дать салют и открыть бочки с самогоном. После этого Военная коллегия отправила в Самару капитана Чулошникова, поручив ему вместе с Араповым мобилизовать крестьян этого региона в бунташную армию из расчета один мужик от пяти душ. Вербовщики добрались на севере и востоке до окрестностей Бугуруслана, Бугульмы, а в Башкирии – до Нагайбакской крепости.

Так союз личной инициативы, главнокомандующего и главной штаб-квартиры способствовал захвату территорий вне Яика⁴⁰.

Великодушие Пугачева

Обычно Коллегия не ограничивала власть Пугачева. У него был свой круг приближенных (куда входил, например, Овчинников), к которым он относился более дружелюбно. Когда после ухода из Берды началась война, этот узкий круг практически заменил собой «Военную коллегию».

Из показаний Почиталина можно узнать, какими методами действовал Пугачев. В первое время он приказывал беспощадно вешать всех дворян и офицеров. Позже, если кто-то из них раскаивался, то получал прощение и принимался в казаки, поскольку Пугачев хотел оказачить всю страну (вот почему он всегда носил казачью одежду). Самозванец осуждал грабежи невинных людей и приказывал вешать таких лихоимцев. Пленных солдат посвящали в казаки, вооружали копьями и ружьями, при необходимости палками, и одевали по-казачьи [65, с. 114].

Командиры, офицеры, заводские приказчики, чиновники и крупные помещики, оказавшие сопротивление или выданные своими подчиненными, подвергались казни немедленно, осталь-

⁴⁰ Биография Арапова воссоздана по [64, по именному указателю].

ным сохранялась жизнь после принятия ими присяги. «Послушных» яицких казаков не падали: во время осады Яицкого городка, увидев казнь десятка бывших сторонников Мартемьяна Бородина, Пугачев приказал одного из них четвертовать; два палача были на месте, но, как рассказывает в своих показаниях (описанных секретарем от третьего лица) очевидец этого, «топором же сечь было некому. Тогда Пугачов и Авчинников, оборотясь назад прямо на него, Ефремова, приказывали ему итьтить и рубить, почему он, Ефремов, не смея отговоритца против самозванцова приказа, не говоря ни слова, пошел и рубил того человека на части: сперва отрубил руки и ноги, а потом голову» [65, с. 181]. Это произошло у всех на глазах.

Подбор соратников: Хлопуша

Пугачев подбирал соратников либо сам, либо по совету своих ближайших сподвижников. Именно так перед осадой Оренбурга он приблизил к себе Хлопушу⁴¹.

Этот человек с юности враждовал с властями, и его участие в пугачевщине было недолгим, но оказало большое влияние на движение. Родом из вотчины тверского архиерея, он уехал в Москву, где промышлял извозом. Уличенный в краже серебра, Хлопуша был приговорен к наказанию шпицрутенами и отдан в солдаты, но вскоре бежал и вернулся домой, был арестован за продажу краденой лошади и сослан работать на горном заводе графа Шувалова. За разбойное нападение на купцов, возвращавшихся с Ирбитской ярмарки, его приговорили к наказанию кнутом, вырыванию ноздрей и клеймению лба и щек словом «ВОР». После многих приключений Хлопуша оказался в оренбургской тюрьме. В начале октября 1773 г. Рейнсдорп поручил этому ловкому смельчаку проникнуть во вражеский лагерь и убедить бунтовщиков в том, что Пугачев – это битый кнутом и заклеянный беглый казак, передать четыре «увещевания» губернатора, и, если удастся, схватить самозванца и доставить его в Оренбург.

Хлопуша (от слова «хлопать»; настоящая его фамилия – Соколов – встречается только в документах следствия) охотно согласился выполнить это поручение. Он пришел к Пугачеву под Сакмарскую крепость и встретил там своего бывшего сокамерника Шигаева, отбывавшего срок за участие в бунте 1772 г., который

⁴¹ <Хлопуша (Соколов Афанасий Тимофеевич) (1714–1774) – сподвижник Е. И. Пугачева, беглый каторжник. Казнен в Оренбурге>.

и представил его самозванцу. Хлопуша передал Пугачеву «увещевания» и выразил желание служить ему. Овчинников считал его шпионом и предложил повесить, однако Пугачев поверил Хлопуше, повелев все же первое время присматривать за ним; этот человек был ему нужен.

14 октября он отправил Хлопушу вести агитацию на заводах, и вскоре получил с Преображенского медеплавильного завода Твердышева, расположенного в 120 верстах к северо-востоку от Оренбурга, 83 крестьянина, кассу, 5 пушек и весь запас пороха. Так Хлопуша стал «над заводскими крестьянами полковником». Он будет верно служить Пугачеву до самого своего пленения у Татищевой крепости **[65, с. 107, 133; особенно: 18, т. II, по указателю]**.

Однако Пугачев не только подбирал для себя людей, но и при помощи соратников обучал их, а затем присваивал звания.

Когда один молодой башкирский сотник отличился под Нагайбаком – Пугачев сделал его сначала майором, а затем полковником **[27, с. 210]**. Другим пугачевским командиром был перс из Мешед, попавший в плен к туркменам и проданный ими киргизам, затем сбежавший в Гурьев и потом оказавшийся в Оренбурге, где крестился. Однажды он был захвачен калмыками и привезен в Берду. Пугачев передал его полковнику Падурову, который поручил персу доставить манифест «императора» в Нагайбак, где, выслушав его, все тамошние казаки присягнули Пугачеву. После этого Пугачев назначил перса сотником **[65, с. 411]**.

Подражание

«Петр III» во всем копировал царский двор и столичный церемониал. Его «Военная коллегия» во главе с «графом Чернышевым» (Зарубиным) была аналогом екатерининской Военной коллегии (президентом которой являлся настоящий граф Чернышев). У самозванца имелась «гвардия» из примерно 50 человек, казна, «Москва» и «Киев» (соответственно, Берда и Каргалы⁴²). Иногда эти подражания выходили ему боком: когда он приказал установить свой «трон» в одной из церквей, то нашелся казак (и, конечно, таковой был не один), который сказал, что настоящий царь не совершил бы такого святотатства. Примерно так же была воспринята людьми и женитьба Пугачева.

⁴² <П. Паскаль ошибается: Сакмарский городок именовался у пугачевцев «Киевом». Культурологическую интерпретацию этих переименований см. **[39, с. 349–350]**>.

«Царица»

Однажды в феврале 1774 г., возвращаясь в Берду после штурма Яицкой крепости, Пугачев объявил сподвижникам о женитьбе на дочери казака Петра Кузнецова Устинье.

Сама Устинья на допросе рассказывала: «...Отца ее не было дома... Вскоре приехали к ним в дом яицкия казаки: Михайло Толкачев с женою и Иван Почиталин... Она, Устинья, хотела было спрятаться, но они сказали: «Не бегай! Мы приехали тебя посмотреть и хотим высватать за гвардионца», на что она им ни слова не отвечала; и они, побыв малое время, поехали...

А вскоре... приехали те же сваты во многом числе. Тут Устинья ушла, было, в другую, напротивную, избу, а сваты тотчас приказали снохе ее, Устинью, сыскивать, с приказанием тем, что приехал де свекор посмотреть ее... А как скоро вышла... сам Пугачов вошел в двери и сел на лавку, говоря при том, чтоб показали ему невесту... Сказав, что «очень хороша», и говорил: «Поздравляю тебя царицею!» и в самое то время дал ей, Устиньи, серебряных денег, – ...рублей тридцать – и при даче оных, поцеловал. Во оное время приехал отец ее Петр Кузнецов, и что он с Пугачевым говорил – того не помнит, ибо она тогда была в великих слезах. Потом Пугачев приказал ей, Устиньи, не плакать и готовиться к венцу...

И того ж дни около сумерек приехали, как видно, первые Пугачова любимцы и привезли ей, Устиньи, сарафан и рубашку голевую, сороку и шубу длинную лисью и приказали ей нарядиться... Когда же она была готова, то вскоре приехал и Пугачов, – посадил ее подле себя и велел подносить вино всем, тут бывшим; и продолжалось пьянство до самой утренней зари, поздравляя благополучной зговор...; за здоровье государя цесаревича Павла Петровича и великой княгини Натальи Алексеевны.

А по утру приехал Пугачов с поездом, и при нем было безчисленное множество войск с знаменами; и, взяв ее, повезли в церковь Петра и Павла. Какой поп венчал, она не видела, ибо покрыта была фатою и горько плакала. После венца привезена была в дом Толкачова, где Пугачов главную квартиру имел. Был брачной обед с великим пьянством, поздравляли уже все ее царицею; тут Пугачов дарил всех гостей канаватами, зипунами и бешметами, а отца ее – шубою. Тот же день определил ей двух фрелин, казачьих девок».

По мнению казаков, «царица» была «глаз-та что ли или брови-та, так уж полно и говорить, одним словом – великая красавица» [15, с. 207, № 107]. «Когда случалось ей с ним говорить, то

она, Устинья, спрашивала его: «Подлинно ли де ты государь, и я сомневаюсь в том, потому что ты женился на казачке. И как де я вижу, что ты меня обманул и заел мою молодость, ибо ты – человек старой, а я – молодехонька». На то он говорил: «Я де со временем бороду-то обрею и буду моложе»... Потом Устинья сказала, что он имеет государыню: «Как же ее бросить? Вить и то не водится, чтоб иметь две жены!» На что Пугачов сказал: «Какая она мне жена, когда с царства сверзила! Она мне злодейка... Жаль только Павлушу, потому что он – законной мой сын. А ее де, как бог допустит в Петербург, то срублю из своих рук голову... Только б Оренбург взять, а то все ко мне приклонятся!» Сии последние слова часто говорил Пугачов и при казаках... Пугачов сердясь на нее, приказывал тем ему не скучать... Часто приходили к ней спрашиваться о делах,... именовав ее, как и всегда бывало: «Что ваше императорское величество повелеть соизволите?»... Она... и отвечала: Мне де до ваших дел никакой нужды нету и что хотите, то делайте, а мне о том никогда не докладывайте» [65, с. 197–199, 118–119].

Женитьбу Пугачева его соратники не одобрили, и хотя не могли осудить это открыто, но все, как позже рассказывал на допросе Горшков, прощаясь с Пугачевым, уходили понурые – так были недовольны... Сам Горшков с тех пор стал сомневаться в царском звании «Петра III», ибо считал, что царь не мог бы жениться на простой казачке. Но даже после этого он продолжал служить Пугачеву, поскольку видел, как того любил народ, и надеялся, что «император», вернув престол, не оставит Горшкова без награды [65, с. 114].

Праздники в Берде

«Живши же в Берденской слободе, – рассказывает Горшков, – самозванец часто ездил в татарскую Каргалинскую слободу в гости с немногими людьми, откуда приезжал с женами тамошних татар Мысы Уляева и Абрешита (а прозвания не упомяну), которых он произвел: Улеева – атаманом, а Абдрешита – сотником, и с теми татарами по улицам в Берденской слободе прохаживался, кои водили его иногда под руки; а яицкия казаки певали песню, нарочно ими в честь самозванцу составленную, а исецкаго полковника писарь Иван Васильев игрывал на скрипице. Во время ж таких веселостей яицкия и другия все казаки напивались до пьяна, а самозванец от излишняго питья воздерживался и употреблял редко. Для стола его кушанье было готовлено изобильно, потому что отовсюду привозили к нему разных съестных припасов довольно; кушанье приготавливали две жившия у него руския девки: одна, взятая в Чернореченске, капита-

на Нечаева дворовая, а другая, не знаю, чья такая. За стол сажал с собою больше яицких казаков, как-то: атамана Овчинникова, полковника Лысова, Шигаева и прочих командиров, а меня пригласил только однажды обедать, а в другой раз ужинать...» [65, с. 115].

В тот вечер, когда Горшков ужинал у самозванца, к «царю» был приглашен Шванвич: «Пили здоровье Пугачева, потом государя-цесаревича Павла Петровича, а за ним – Яицкаго войска и всей ево армии. И при том рассказывал Пугачев, как везли ево во Иерусалим... Сказывал же при том, что он много нужды имел и сидел в разных тюрьмах: «Однако ж Бог велел мне еще царствовать по-прежнему». А как встали из-за стола, то дал мне Пугачев шубу, покрытую старым камлотом на мерлушкетом лапчетом меху, и отпустил на квартиру, сказав при отпуске: «Служи, друг мой, мне верой и правдой, – я тебя не покину» [66, с. 212].

Но праздники в Берде не мешали серьезной военной подготовке, которую Пугачев контролировал лично. Проводились учения, скачки, соревнования в стрельбе. Пугачев сам на скаку метко стрелял издали по набитой сеном кольчуге или по поднятой на острие копья шапке. Пушечные выстрелы извещали о подъеме и отбое, колокольный набат означал тревогу. Лагерь был защищен и тщательно охранялся. Дисциплина была строгой: за попытки сбежать к противнику Пугачев наказывал смертью.

Манифест Екатерины II. Злоключения генерала

Осада Оренбурга наконец-то заставила Санкт-Петербург отнестись к событиям на Яике со всей серьезностью.

15 октября Екатерина подписала манифест, извещавший о появлении беглого казака-раскольника, который «собрав шайку подобных себе воров и бродяг из яицких селений, дерзнул принять имя покойного императора Петра III, произвел грабежи и разорения в некоторых крепостцах по реке Яику к стороне Оренбурга, и сим названием малосмысленных людей приводит в разврат и совершенную пагубу». Затем следовал призыв к раскаянию и угрозы в адрес тех, кто упорствовал в своем безумии. Этот манифест должен был огласить генерал Кар, которому, дабы самого «злодея» «и злодейскую его шайку переловить, и тем все злоумышления прекратить» [68, с. 163], были даны 300 солдат из Москвы во главе с генералом Фрейманом, гренадерская рота новгородцев, «равномерно ж» башкиры и поселенные в Казанской губернии отставники. Ранее Кар прославился расправами в Польше, а Фрейман – как усмиритель мятежа в Яицком городке в 1772 г.

В 500 верстах от Оренбурга Кар собрал примерно 1500 человек, из них только 600 были регулярными. 2 ноября, на полпути между Казанью и Оренбургом, он понял, что «весь здешний край в смятении», а «некоторая колеблемость» наблюдалась даже среди гарнизонных солдат. Кар полагал, что Пугачев станет отступать к Яицкому городку и чтобы отрезать ему отход, поручил полковнику Чернышеву, шедшему в Оренбург из Симбирска, повернуть на юг и занять Татищеву крепость.

Узнав, что один из сподвижников Пугачева – Хлопуша – идет с подкреплением, Кар двинулся ему навстречу, и приказал майору Шишкину ждать его в Юзеевой (100 верст от Оренбурга). Заранее предупрежденный, Пугачев отправил из Берды Овчинникова и Зарубина с 1000 казаков, 1500 башкир и 9 пушками. 7 ноября Хлопуша встретил Шишкин огнем, а на сторону бунтовщиков перешли татары и резервисты; однако Шишкин сумел продержаться до прихода ночью Кара и Фреймана. 9 ноября они зачитали казакам манифест Екатерины, но те ответили, что пугачевские манифесты «правее». Завязался бой. Вдруг Кару показалось, что его атакуют с тыла, он отступил и сразу же был окружен Овчинниковым. Артиллерия бунтовщиков быстро одержала верх над пятью пушками Кара, а кавалерия довершила разгром царского отряда, преследуя его в течение восьми часов.

11 ноября Кар докладывал Военной коллегии: «...Сии злодеи ничего не рискуют, а чиня всякие пакости и смертные убийства, как ветер по степи рассеиваются, артиллериею своею чрезвычайно вредят; отбивать же ее атакою пехоты также трудно, да почти нельзя, потому что они всегда стреляют из нея, имея для отводу готовых лошадей и как скоро приближаться пехота станет, то они, отвезя ее лошадьми далее на другую гору, и опять стрелять начинают; что весьма проворно делают и стреляют не так как бы от мужиков ожидать должно» [27, с. 176]. Какая похвала военному искусству пугачевцев!

Тем временем полковник Твердышев с 600 солдатами и 100 казаками, 500 калмыками из Ставрополя и 15 пушками направлялся к Яицкому городку. Пугачев, узнав об этом, стал ждать его с 2000 человек недалеко от Оренбурга. 13 ноября, когда правительственные войска взбирались на берег, он окружил их. Сначала сдались калмыки и казаки, затем солдаты. С обеих сторон было только 7 убитых. Полковник сбежал, переодевшись кучером, но его поймали и повесили вместе с 36 офицерами.

На Кара это двойное поражение действовало столь угнетающе, что он, не дожидаясь ответа из Петербурга, 18 ноября сдал

командование Фрейману и отбыл в Москву. 30 ноября Екатерина «высочайше указать соизволила Военной коллегии, от оной его уволить и дать абшид, почему он из воинского стата и списка и выключен» [68, с. 165]. Пушкин добавляет, что позже он был повешен собственными крепостными за свою жестокость⁴³.

Но вокруг Оренбурга кроме отрядов Кара и Чернышева находились и другие правительственные силы: выше 120 верст по Яику, в Верхне-Озерной – отряд Корфа, а восточнее, в Орске, – армия генерала Деколонга. Но между ними и Каром не было никакой связи: она установится только после назначения главнокомандующим Александра Бибикова.

Блокада

Инициатива была в руках Пугачева. Однако после блестящей победы над Чернышевым он устроил своему войску пир, во время которого 2500 человек Корфа сумели проскочить в Оренбург с 24 орудиями, в том числе 4 гаубицами. На следующий день Рейнсдорп организовал крупную вылазку; Пугачев выставил против него 10000 человек и 40 пушек. Генерал Валленштерн, увидев «замешательства» своих солдат, отдал приказ «построиться в каре и отступать к крепости», что и было сделано под прикрытием казаков Мартемьяна Бородина; при этом гарнизонные войска потеряли около ста человек убитыми и ранеными. Правительственные казаки вступили с бунтовщиками в «ручной бой копьями».

17 числа «великий государь Петр Третий Всероссийский» направил «нашему губернатору к Рейнсдорпу» упоминавшийся выше указ, призывая его подчиниться, обещая в противном случае суровые кары. На самом деле Пугачев надеялся уморить осажденных голодом. Для усиления блокады он решил захватить две крепости выше Оренбурга, связывавшие город с Сибирью: Ильинскую и Верхне-Озерную. Первую удалось взять 20 ноября с помощью 1500 ногайских татар и 500 башкир под предводительством Хлопуши. Вторая крепость оказала сопротивление и 27 ноября к ней прибыл сам Пугачев с 500 хорошо вооруженными всадниками, но не смог сразу взять ее из-за отпора польских конфедератов гарнизона. Узнав, что из Сибири в Оренбург движется крупное подкрепление, Пугачев пошел ему наперерез, настиг у

⁴³ <В настоящее время установлено, что генерал-майор В. А. Кар (1730–1806) умер в собственном доме в Москве естественной смертью [49, с. 163–181]>.

Ильинской крепости и в кровопролитном бою одержал победу. Майор Заев и еще 200 человек были убиты, а остальные взяты в плен. Командующий правительственными войсками в Сибири генерал Деколонг помочь Оренбургу больше не мог.

Завладев бассейном Яика на 200 верст выше Оренбурга, Пугачев хотел заполучить и его низовья вплоть до Гурьева.

В Яицком городке крепость была в руках «послушной» части казаков, а «непослушные», у которых там были семьи, мечтали ее захватить. Однако полковник Симонов усилил укрепления, превратил собор в склад оружия и пороха, вместо колоколов поставил на колокольне 2 пушки, короче, превратил казачью столицу в некое подобие кремля, и в конце ноября укрылся там со своим гарнизоном.

Пугачев послал Михаила Толкачева и двух татарских вождей в форпосты нижнего Яика; оттуда они привели к нему казаков, русских солдат и киргизов. 30 декабря этот отряд, пополненный местным населением, столкнулся с командой из 80 человек, посланной Симоновым; большая часть ее перешла к бунтовщикам, 24 были пленены, троим удалось вернуться в крепость и рассказать о случившемся. Толкачев и его люди вошли в городок и были радостно встречены жителями.

Голод

Но крепость не сдавалась. Судя по «Журналу» Симонова, в ней находились 927 человек (в том числе «регулярных» – 738, оренбургских казаков – 94, яицких – 72 человека), 18 пушек, 65 пудов (1 тонна) пороха, 290 четвертей (600 центнеров) муки, 212 четвертей (435 центнеров) овса и 2850 пудов (45 тонн) сена. Начались атаки и вылазки, перестрелки, канонады, пожары, рукопашные стычки, но все без пользы. Пугачев прислал из Берды 3 пушки, гаубицу и 50 казаков во главе с Овчинниковым. 7 января он прибыл к Яицкому городку, где население встретило его хлебом-солью. По приказу Пугачева были сделаны подкопы, куда заложили и взорвали порох; под прикрытием дымовой завесы начался штурм, на который пошло все население городка «с малолетками, женами и дочерьми их, присовокупя купцов, барских людей, татар, калмыков и мещеряков». 20 января приступ длился девять часов. Потеряв убитыми 400 человек (осажденных погибло только 15), Пугачев отступил [27, с. 192–203].

Он отправил Овчинникова в Гурьев, где тот 26 января принял почести от местных казаков, повесил атамана, писаря и попа, пы-

тавшихся сопротивляться, и 15 февраля 1774 г. привел оттуда подкрепление, пушки, ядра и 60 пудов (960 кг) пороха. Пугачев вновь прибыл в Яицкий городок для подготовки решающего штурма; он отпустил рабочих лишь в день своей свадьбы, 1 февраля. Однако атака пугачевцев 9 марта провалилась. Подрыв под колокольной 18 февраля 30 пудов (480 кг) пороха не дал результата, и на следующий день, узнав о приближении карателей к Оренбургу, Пугачев вернулся в Берду с 500 человек и большим обозом.

Положение оренбуржцев стало критическим. В феврале в город завезли лишь 90 четвертей (менее 200 центнеров) пшеницы и 16 пудов (чуть более 100 кг) рыбы. «Сей привезенный хлеб многих чрезвычайно обрадовал: ибо до привоза оного, по крайней нужде, убогие и маложалованные люди покупали уже по 6 и по 7 руб. один пуд, да и по той малослыханной цене с великою трудностию находили» [76, с. 307]. Власти придумали забавный способ борьбы с осаждавшими: расставили в поле 27 волчьих капканов, дабы ловить ими пугачевских всадников. В ответ на требование самозванца сдаться Рейнсдорп, по словам Пушкина, вступил с ним «в полемику не весьма приличную», адресовав «пресущему злодею и от бога отступившему человеку, сатанину внуку, Емельке Пугачеву» свое послание. Падуров ответил ему из Берды: «Оренбургскому губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну. Прескверное ваше увещевание здесь получено, за что вас, яко всескверного общему покою ненавистника, благодарим. Да и сколько ты себя, по действию сатанину, ни ухищрял, однако власть божию не перемудришь. Ведай, мошенник: известно (да и по всему тебе, бестии, знать должно), сколько ты ни пробовал своего всескверного счастья, однако счастье ваше служит единому твоему отцу, сатане. Разумей, бестия, хотя ты по действию сатанину во многих местах капканы и расставил, однако ваши труды остаются вотще, а на тебя здесь хотя веревочных не станет петель, а мы у мордвина, хоть гривну дадим, мочальных (возьмем), да на тебя веревку свить можем; не сомневайся, мошенник, из б.... сделан. Наш всемилостивейший монарх, аки орел поднебесный, во всех армиях на один день бывает; а с нами всегда присутствует. Да и б мы вам советовали, оставя свое неведение, прийти к нашему чадолубивому отцу и всемилостивейшему монарху: егда придешь в покорение, сколько твоих озлоблений ни было, не только во всех *извинениях* всемилостивейше прощает, да и сверх того вас прежнего достоинства не лишит; а здесь не безызвестно, что вы и мертвечину в честь кушаете, и тако объявля вам сие, да и пребудем по склонности вашей ко услугам готовы. Февраля 23 дня 1774 года» [68, с. 104].

Со 2 марта осажденные получали только полфунта овса в день и два фунта конины, а с 13 марта и эта норма уменьшилась. Вся надежда оставалась только на Бибикова, который почему-то запаздывал. Что касается осаждавших, то они скрывались в Берде в своих «норах» (так Рычков называл их прибежище) в снегу и под снегом; их было 10000–12000 человек, из которых половину составляли башкиры, около 4000 – татары, калмыки, оренбургские казаки-дезертиры, заводские крестьяне, 400 – илекские казаки и 1000 – яицкие [65, с. 187]. У них имелось около 100 орудий – пушек, гаубиц и мортир различного калибра, большинство из которых являлись трофейными, а остальные были изготовлены на двух-трех захваченных заводах; боеприпасы делались в Берде [27, с. 491].

Таким образом, зачинщики бунта – яицкие казаки – уже не составляли костяк пугачевской армии, не были ни движущей силой, ни даже лидерами бунта. Им теперь руководил не Пугачев, а его сподвижники, движущей силой стали башкиры и заводские крестьяне, а театром военных действий – обширное пространство Среднего и Южного Урала от Самары и окрестностей Казани на западе, до Перми на севере и границ Сибири на северо-востоке. Здесь было много потенциальных бунтовщиков.

Акт 3 БУНТ БАШКИР И ГОРНОЗАВОДСКИХ КРЕСТЬЯН

I. Отчаявшийся народ

Пушкин подробно описал прибытие Бибикова в Казань на Рождество 1773 г.: «В городе не нашел он ни губернатора, ни главных чиновников. Большая часть дворян и купцов бежала в губернии еще безопасные... Приезд Бибикова оживил унывший город; выехавшие жители стали возвращаться. 1 января 1774 года, после молебствия... Бибиков собрал у себя дворянство и произнес умную и сильную речь... и требовал содействия от его усердия к отечеству и верности к престолу... Дворянство симбирское, свияжское и пензенское последовало сему примеру... Императрица изъявила казанскому дворянству монаршее благоволение... и в особом письме к Бибикову, именуя себя казанской помещицей, вызывалась принять участие в мерах, предпринимаемых общими силами. Дворянский предводитель Макаров отвечал императрице речью, сочиненной гвардии подпоручиком Державиным [которому было суждено стать впоследствии великим поэтом], находившимся тогда при главнокомандующем» [68, с. 38]. Этих мер вполне хватило, чтобы пресечь панику, охватившую поволжское дворянство и докатившуюся до Москвы.

Пожар

Страх был вызван не столько казачьим бунтом на далеком Яике, сколько его последствиями – массовым мятежом на Урале, распространявшимся на все новые и новые земли. Бибиков с тревогой писал жене: «Наведавшись о всех обстоятельствах, дела здесь нашел прескверны... Прошу господу о помощи. Он один исправить может своею милостию... Зло таково, что похоже (помнишь) на петербургский пожар, как в разных местах вдруг горело и как было поспевать всюду трудно... Зло велико, преужасно... Ух! дурно». 29 января он сообщил Фонвизину: «Пугачев не что иное, как чучело (в русском языке «пугач» означает «чучело», «пугало». – П. П.), которым играют воры, яицкие казаки: не Пугачев важен; важно общее негодование» [68, с. 45].

Да, это был бунт всего подневольного люда империи: каза-

ков, нерусских народов, приписных крестьян уральских заводов и помещичьих крепостных. Первых две категории населения бунтовали уже вовсю, а крепостные еще только готовились присоединиться к ним.

Башкиры

Среди нерусского населения большинство недовольных составляли башкиры. Будучи по происхождению смесью мадьяр и тюрков⁴⁴, эти тюркоязычные мусульмане занимали обширную территорию от Перми на севере и до среднего течения Яика на юге. На севере этой зоны, в горнолесных массивах малочисленное башкирское население занималось охотой, бортничеством и сбором ягод. Густая речная сеть Башкирии – притоки Камы, изобиловала рыбой и была удобна для судоходства. Обширные степи на юге и западе региона позволяли заниматься коневодством. Земледелие же имелось преимущественно в Исетской провинции (Западная Сибирь). В XVIII в. территория обитания башкир расширилась и к концу столетия они насчитывали примерно 300000–400000 человек. Они не имели единого правителя, у каждого рода был свой старшина, но башкиры ежегодно проводили съезд в самом центре башкирского края на речке Чесноковке, недалеко от нынешней Уфы⁴⁵.

Башкиры платили Золотой Орде «ясак» – дань медом и мехами, но сохраняли свою независимость. Когда Иван Грозный взял Казань, они стали платить ясак русским царям. Со строительства Уфы (1573–1586 гг.) началась колонизация этого края, причем столь интенсивная, что уже в 1662 г. она вызвала продолжавшийся с перерывами до 1683 г. башкирский бунт, поддержанный казаками, калмыками и татарами.

В начале XVIII в. Петр Великий потребовал от башкир дать армии лошадей и вернуть беглых русских крестьян, поэтому в 1708 г. башкиры вновь восстали. Их отряды подошли к Казани на 30 верст и сожгли недавно построенные в Башкирии заводы. Русские власти дважды натравливали на башкир калмыков, в 1711 г. край удалось временно усмирить, но Петру пришлось отказаться

⁴⁴ <П. Паскаль воспроизводит версию, бытовавшую в дореволюционной русской и в довоенной западной историографии. В современной российской науке основой башкир считаются тюркские компоненты>.

⁴⁵ <Современный обзор хозяйства башкир рассматриваемого периода и происходивших в нем процессов см.: [105]>.

от введения подушной подати для башкир. 10 марта 1709 г. казанский губернатор Апраксин писал ему: «О тех башкирцах доношу тебе, государю: народ их проклятой многочисленной и военной, да безглавной, никаких над собою начал... принятца не за ково и чтоб особно послать не х кому» [124, р. 214].

Для защиты горных заводов Петр планировал изолировать башкир от их союзников (калмыков) и единоверцев (киргизов). Окружение Башкирии «линиями» крепостей и форпостов было осуществлено уже после смерти Петра: в 1734 г. его бывшему соратнику, Ивану Кирилову, и хорошо известному башкирам обрусевшему мурзе Алексею Тевкелеву было поручено основать город-крепость на месте слияния Яика и Ори. Однако недоверчивые башкиры оказали плохой прием экспедиции, которая все же в августе 1735 г. дошла до Ори и заложила там город. Одновременно началось строительство в Башкирии горного завода, а на следующий год – возведение линии крепостей от Ори до Самары, и вверх по Яику, до Уральских гор.

Бунт 1735–1740 гг.

Злоупотребления русской администрации, а также продолжение колонизации переполнили чашу терпения башкир, которые поняли, что их независимости угрожает опасность; в 1735 г. они восстали, и строительство горного завода пришлось прекратить.

На башкирских землях проживали еще потомки финно-угров – немногочисленные мишари (мещеряки), переселившиеся сюда из-под Казани во времена русской экспансии. Более сложным был состав тептярей – в них входили, как правило, не отличавшиеся благонадежностью татары, чуваша, мордва и вотяки. Мишари, заселившие земледельческие районы вдоль Уфы и Исети и насчитывавшие примерно 20000 душ, обычно арендовали землю у башкир. Тептярей было около 30000 человек и башкиры, по словам Рычкова, относились к ним как русские помещики к своим крепостным, то есть взимали с них оброк и подати. Русские не преминули этим воспользоваться.

Мишари и тептяри не участвовали в упомянутом бунте и поэтому указом от 11 февраля 1736 г. были освобождены от работы на башкир. Отныне все (а значит, и русские) могли свободно приобретать землю в Башкирии. Позднее, в 1739 г., мишари, татары и чуваша, которые отчасти зависели от башкир, были освобождены от всех обязательств перед ними.

Этот бунт был потоплен в крови. Историк П. И. Рычков под-

считал, что в 1735–1740 гг. было казнено 16634 человек, причем многих посадили на кол. 9182 человека отдали в крепостные, а 3236 выслали из Башкирии (2000 женщин отправили в центральную Россию и раздали русским помещикам). У башкир конфисковали 12283 лошади и сожгли 696 аулов. Примерно 1000 человек вырвали ноздри и отрезали уши [124, р. 228]. Пушкин допускал, что «многие из сих прощенных должны были быть живы во время Пугачевского бунта» [67, с. 373]. Башкирам было запрещено плавить железо, и они стали изготавливать оружие в примитивных печах.

Эти репрессии привели к новому бунту.

Неплюев – первый оренбургский губернатор

В 1742 г. в этот регион прибыл новый наместник – энергичный, образованный и жестокий И. Неплюев, о котором уже упоминалось выше. Он придал новый импульс колонизации здешних земель и определил окончательное месторасположение Оренбурга, ставшего военно-административным центром края. Прежний Оренбург на Ори переименовали в Орск, а новый возвели ниже по течению Яика, заселив уфимскими, самарскими и прочими купцами, поддавшимися на щедрые посулы властей. В 1744 г. была создана Оренбургская губерния, куда вошли почти все башкирские земли. Яицкую укрепленную линию дополнили оборонительные системы вдоль Сакмары (чтобы защитить Оренбург с севера) и по низовьям Яика (для защиты от киргизов). На северо-востоке, между верховьем Яика и Тоболом, возвели Троицкую крепость. Было также создано оренбургское казачье войско. В 1745 г. один из купцов построил на месте заброшенного горного завода новый, названный Воскресенским; с этого времени здесь началось заводское строительство. Независимость башкир оказалась под угрозой.

Поэтому когда власти решили облегчить положение башкирского населения, это было воспринято последним иначе. Дело в том, что башкиры с незапамятных времен бесплатно добывали для себя из озер соль, особенно в илецких коях на Тузтебе (потюркски: «Соляная гора»). В 1727 г. власти установили цену соли 3 коп. за пуд, но башкирам и мишарям было позволено продолжать добывать ее бесплатно. В 1744 г. Неплюев обследовал Тузтебе и вскоре забрал ее в казну, а в 1753 г. соль стали продавать по 35 коп. за пуд, что довольно много для продукта первой необходимости. Взамен этого башкир освободили от уплаты ясака, который составлял лишь 25 коп. в год да и то со двора. Таким образом,

по экономике башкир был нанесен удар и их исконные права были нарушены.

К тому времени Башкирия была отдана на откуп казенным и партикулярным заводовладельцам, преимущественно купцам. Ее леса сгорали в доменных печах, вода давала движение механизмам – следовательно, заводам были нужны обширные пространства. Но даже если русские покупали у башкир землю законно, то все равно по чисто условной цене. Так, согласно купчей от 18 февраля 1754 г., тульский купец Иван Мосолов при содействии Неплюева купил около Златоуста у башкир огромный участок, «и за проданную нами, башкирцами, ему, Мосолову, вотчинную свою землю со всеми угодья по договору деньги, что подлежало, мы, башкиры, у него, Мосолова, двадцать рублей все сполна взяли» [85, с. 481] – эта сумма соответствовала цене 57 пудов соли.

Насильственная христианизация

Но после 1740 г. местное нерусское население столкнулось с новой и гораздо более серьезной проблемой. Царским указом от 11 сентября татарам, черемисам, чувашам и другим здешним народам предписывалось принимать православие. Тем самым власти надеялись укрепить связи местного населения с империей. К башкирам направили миссионера Дмитрия Сеченова, который за два года сумел крестить 17362 человека. Он добился от Сената, чтобы «тем новокрещенным из магометанского закона за восприятие святого крещения из холопства и крестьянства от помещиков иноверных быть свободным вечно и тем прежним помещикам мурзам, до владения их, новокрещен, никакого дела не иметь, а по крещении переводить и селить их в слободы с прочими новокрещеными...». Более того, чтобы изолировать мусульманское население от новокрещен, Сенат постановил, что последние должны оставаться в своих деревнях, а нарушившие это предписание будут выселены в другие места. Если пленные бунтовщики, а также преступники принимали крещение, то сразу же подлежали освобождению из-под стражи. Неплюев также запретил муллам под страхом смертной казни пропагандировать ислам [74, с. 383].

Бунт 1754 г.

Поскольку о жестоких расправах 1740 г. помнили уже плохо, новый бунт был с религиозным оттенком. Его идеологом, выступившим в защиту ислама, стал мишарский мулла Абдулла Мязгильдин. Он мечтал поднять всех российских мусульман и надеял-

ся на помощь турецкого султана. Видимо, в 1754 г. он огласил воззвание, насквозь пропитанное ненавистью к угнетателям правоверных: «Всем вам верным, исповедующим единого Бога, советую... с неверными россиянами в согласии не быть... Неверным россиянам... лопатничей работе не быть,... их от жила до жила и от города до города на подводах ваших не возить,... и на землях и водах, искони дедами и отцами вашими владеемых, им, неверным, города, крепости и заводы строить воли не давать...».

Он напомнил и о введении русскими продажи соли, которую жители края издавна получали «из казны Господа Бога нашего» [18, т. I, с. 260–261].

Мязгильдину не удалось заручиться поддержкой духовного главы мишарей, но в верховьях Яика начался бунт. Медеплавильный завод графа Александра Шувалова был сожжен, а для охраны железодельного завода графа Петра Шувалова властям пришлось отрядить драгунский полк и оренбургских казаков.

В ходе этого бунта башкиры жестоко расправлялись со своими противниками: захваченных в плен русских они разрывали на части, попавших в засаду убивали, а над трупами глумились.

Раскол в лагере бунтовщиков

Неплюев бросил против мятежных башкир 1500 яицких, 450 уральских казаков и 650 крещеных калмыков, а также 3 набранных по гарнизонам полка и приказал никого не щадить. От имени одного уважаемого муллы он распространил подложное воззвание, в котором сообщалось, что бунт якобы осуждается всем мусульманским духовенством как явление, противное Корану. Часть бунтовщиков поверила этому, сложила оружие и с семьями в количестве 50000 человек, перейдя Яик, бежала к киргизам. Неплюев потребовал от них выдать всех башкирских мужчин, а женщин и детей оставить себе. Между киргизами и башкирами начались кровопролитные стычки. Неплюев пообещал прощение всем, кто вернется обратно, а остальным дал полгода на раздумья, пригрозив суровыми карами. Постепенно башкиры потянулись домой. По словам Неплюева, ему так удалось перессорить башкир с киргизами, «что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна» [44, с. 161].

Мязгильдин укрылся на севере края. В 1756 г. он был опознан одним мишарем, выдан властям, доставлен в Санкт-Петербург и заточен в Шлиссельбургскую крепость, где позже погиб от рук стражников. Он стал национальным героем под именем Батыр-

ша⁴⁶. О нем вновь вспомнили, когда появился Пугачев.

Как справедливо отмечает Б. Нольде⁴⁷, с появлением Пугачева башкирам «пришлось выбирать, чью сторону принять. Было возможно два варианта: либо перейти на сторону одного из этих лагерей, либо, воспользовавшись гражданской войной, добиваться самостоятельности. Отсутствие единого руководителя помешало им сделать этот выбор. Некоторые племена или отдельные их части то вставали на сторону законной власти, то на сторону так называемого «императора Петра Федоровича» – Пугачева, талантливой и энергичной, но неграмотного казака; другие племена пытались достичь своих собственных целей, не выходявших за рамки простой ненависти к русским и желания разрушать и грабить» [124, р. 238]. Поэтому, несмотря на то, что многочисленные и мобильные башкирские отряды очень помогли Пугачеву, особенно на Урале, они доставили ему и немало хлопот из-за набегов на русское население.

Промышленный Урал

Вторым союзником Пугачева на Южном Урале стали заводские крестьяне.

Начиная с Петра I и до 1745 г. заводы строились лишь на Среднем Урале. Там было около 50 железоделательных и медеплавильных, казенных и партикулярных предприятий, инициировавших масштабную индустриализацию этого региона. Но, по данным Р. Порталы⁴⁸, в своей докторской диссертации «Урал в XVIII веке» проанализировавшего опубликованные источники, «великий промышленный подъем» на рассматриваемой территории произошел лишь после 1745 г. «За... 27 лет количество уральских заводов увеличилось с 50 до 100... Демидовы уже не были единственными частными заводчиками в регионе. На их стезю встали Строгановы, ранее не игравшие заметной роли в индустрии...». Несмотря на то, что на Среднем Урале заводы продвигались на запад, к Каме, что

⁴⁶ «Батыр» (тюрк. 'вождь') + «ша» (рус. уменьшит.-ласкат. суффикс).

⁴⁷ <Нольде Борис Эммануилович (1876–1948) – русский юрист, дипломат, историк, литературовед. С 1919 г. жил во Франции. Автор работ по международному праву и истории русской дипломатии>.

⁴⁸ <Порталь Руже (1906–1994) – французский историк, коллега П. Паскаля, автор работ по истории России и славянских народов. Изучал также историю Урала и Башкирии XVII–XVIII вв.>.

было обусловлено легкостью вывоза оттуда готовой продукции, «в 1745–1762 гг. медеплавильная, а затем и железоделательная металлургия стремительно осваивала Южный Урал. Промышленность в 1745 г. доходила до горных склонов, отделяющих район Чусовой – Сылвы от долины реки Уфы, за которыми лежала Башкирия, нестабильная ситуация в которой долго не позволяла строить там заводы» [61, с. 87].

В 1745–1762 гг. девять купцов построили здесь свыше 10 заводов. Особенно выделялся бывший торговец мясом из Симбирска Яков Твердышев, которому в 1762 г. вместе с его компаньоном Мясниковым принадлежали 9 металлургических предприятий. В тот год он купил у башкир 200000 га земли на р. Белой за 300 руб. ассигнациями [85, с. 513]. Р. Порталь образно назвал Твердышева «медным королем Южного Урала». В 1758 г. Сенат от имени Екатерины II объявил ему благодарность за строительство, «несмотря на опасность беспорядков», заводов в этих необитаемых и диких местах, и за организацию «за свой счет» их обороны. Твердышева возвели в коллежские асессоры, то есть из простолюдина он сразу превратился в наследственного дворянина [18, т. I, с. 272].

Заводы-крепости

В то время уральские заводы напоминали настоящие крепости «с толстыми стенами, с зарешеченными окнами, с прудами, которые не только обеспечивали навигацию в период пересыхания рек и давали цехам энергию, но и служили защитой от нападения. Именно на их основе возникли уральские города, подобно тому, как когда-то на Западе вокруг замков образовались городские поселения» [60, с. 161]. В 1769 г. Н. П. Рычков так описывал один из них: «сей завод укреплением своим превосходит многие уездные города, ибо вокруг его обнесена крепкая деревянная стена, где находится несколько башен и довольно число пушек, на них поставленных, а вне заводского строения есть порядочно построенные батареи и также снабженные артиллериею» [61, с. 113]. В случае нападения башкир, а позднее – Пугачева, завод превращался в крепость с гарнизоном, пушками, запасами продуктов и пороха.

Заводы владели обширными лесными массивами, поскольку для обогрева изб рабочих нужны требовались дрова, а без древесного угля было невозможным производство. Рубкой, распилом и вывозом деревьев, последующим их пережогом в уголь занимались многочисленные вспомогательные работники, которых нужно было обеспечивать жильем, питанием и фуражом. Руду сначала до-

бывали и дробили, потом перевозили на завод по грунтовым дорогам, что не позволяло сильно нагружать телеги, поэтому людей требовалось очень много, а ведь нужно было еще заготавливать известняк, служивший в качестве флюса. Из-за этого численность вспомогательных работников намного превышала количество тех, кто непосредственно выплавлял металл. Так, на двух заводах Демидовых накануне пугачевского бунта персонал насчитывал 7667 человек, из них только 1475 были кадровыми рабочими [27, с. 277, прим. 282].

Мастеровые

К постоянному персоналу относились металлурги и рудокопы, большинство которых овладело своей профессией на заводе, но еще больше было столяров, каретников, бочаров, кирпичных дел мастеров, изготовителей канатов и т. д., стоявших ближе к крестьянам, чем к рабочим. И рабочие, и вспомогательные работники в той или иной степени были свободными людьми и включали нанятых по договору дворцовых крестьян; принадлежавших не частному лицу, а заводу «посессионных» крестьян; беглых или «безпашпортных», которые по указам 1744 и 1754 гг. считались «вечно-отданными» предприятию. На заводах работали также крепостные, привезенные заводчиками из своих поместий или специально купленные ими в 1721–1762 гг. Наконец, на заводах трудились каторжники. Все постоянные работники (кроме, разумеется, каторжан) жили на заводе с семьями, имели клочок земли и немного скота. На кусок хлеба они зарабатывали в основном заводским трудом и поэтому, выступая против жестокого обращения, никогда не ставили цель разрушить завод.

В отличие от квалифицированных кадров вспомогательных работников было найти легче: поскольку местные туземцы были непокорными и требовали уничтожения заводов, для работы на предприятиях привлекали русских крестьян.

Приписные крестьяне

Казна стала набирать вспомогательных работников среди государственных крестьян. Было решено, что свою подушную подать они будут отрабатывать на казенных заводах. Что касается помещиков, то им разрешалось посылать на заводы своих оброчных крестьян с условием, что их зарплата пойдет на уплату оброка. Однако помещики предпочитали, чтобы на заводе работали лишь государственные крестьяне. Появилась и новая категория крестьян

янства – приписные.

Итак, вопрос о кадрах вспомогательных работников был решен. Но с ростом численности заводов государственных крестьян пришлось привлекать из соседних регионов и вводить ограничения на приписку: указ от 13 марта 1744 г. разрешал приписывать 50 дворов (из расчета 1 двор=4 работника мужского пола) для выпуска 1000 пудов меди. На самом деле приписывалась вся деревня, а не ее отдельные жители, и подать, выплачиваемая приписными, вносилась всеми.

Приписные могли выплачивать подворную подать в течение 3–4 рабочих недель. Они сами устанавливали порядок работ: допустим, в марте одна команда выходила на заготовку леса, другая в августе занималась углежжением, третья в сентябре вывозила руду.

Эта система лежала тяжким бременем на плечах крестьян, вынужденных отвлекаться от привычного и относительно свободного образа жизни, полевых работ, тем самым осложняя свое существование. Но вскоре труд на заводах стал для них настоящей каторгой.

С ростом числа заводов приписка охватывала все новые и новые деревни государственных крестьян, зачастую удаленные на 600–700 верст от предприятий. Путь к месту работы занимал у крестьян недели и месяцы, отвлекал их и лошадей (ибо необходимо было приходить со своей тяглой силой) от землепашества, был изнурительным и опасным. Кроме того, иногда крестьян оставляли на заводе и после отработки ими подушной подати, а с 1760 г. это стало правилом – лишь бы заводчик оплачивал людям дорогу. Конечно, крестьянин мог найти себе замену, однако это было доступно далеко не каждому: можно, например, было нанять башкир, поскольку они были освобождены от приписки, но для этого им требовалось заплатить как свободным работникам, то есть очень дорого.

Жалобы крестьян

Таким образом, для приписного крестьянина завод не столько давал средства к существованию, сколько был причиной мучений и тягот. В 1766 г. приписные крестьяне изложили свои требования в наказах для Уложенной комиссии, созданной Екатериной II. Некоторые из них, касающиеся длительности переходов к предприятиям и сверхурочных удержаний людей на них (может быть, причины второго заводовладельцы объясняли первым?) стоит привести: «За таковыми дальнепроходными временами, а особливо неспособными работами, не точию что иметь себе во время пашенной

земли к насаждению хлеба и прочей страдной работы к прокормлению, но и совсем хлебопашества лишились, и живем всегда при заводской работе безотлучно» [83, с. VI].

О стоимости замены: «Рубка дров за каждую сажень (около 10 куб. м – П. П.) приходит нам по тридцати по пяти копеек. А сами мы, за теми изнеможениями (о которых сообщалось в документе ранее. – П. П.) нанимаем для оной рубки дров башкирцев и даем от каждой сажени по семдесят и по восмидесят копеек. Ибо оный завод от всех тех наших жителств состоит разстоянием в пяти-стах верстах и более». В других наказах говорилось, что за рубку одной сажени дров и доставку на завод древесного угля приписному платили 45 коп., а если он хотел нанять для этого свободного работника, то должен был заплатить ему 1 руб. 45 коп. За сопровождение баржи с чугуном приписному платили 65 коп., а если он подменял себя свободным, то платил ему 3–4 руб.

На некоторых заводах приписные, занятые на извозе, должны были приходить на работу со своей телегой и лошадью, и использовать для смазки осей собственный деготь: за него им платили по 3,5 коп. за ведро, а в безлесных местах – по 25 коп. Крестьяне также оплачивали ремонт инструментов (топоров, лопат, коробов, часто ломавшихся на каменистой почве колес), сами покупали для себя продукты и фураж. «Мы нижайше пришли в крайнее убожество и разорение» – жаловались они [83, с. 255].

Крестьяне протестовали против внесения податей всей деревней, в том числе и за «мертвые души» – умерших в период между ревизиями. Им приходилось трудиться, писали крестьяне, «за престарелых, умерших, малолетних, слепых, увечных и прочих бездомовых... И причитается тех работ на каждого годного, с теми накладными душами, по две с половиною души и более. А от пятнадцатилетняго возраста посылаются на оный завод в работу, но, как по многomu расположению тех заводских работ, едва оные годны с великою нуждою. И за свои души вырубать дров и протчих работ не могут, нежели накладных». Крестьяне семи селений Казанского уезда, приписанные к Вознесенскому заводу, жаловались: «...Годной части из наших сел рабочих людей тысяча душ, от шестидесяти лет даже до пятнадцати. Так, за выбором тех, остались в наших селах старые, дряхлые, увечные, малолетние, которым уже не можно платить подушных денег, а ныне из тех годных числа душ, от того 754 года даже и доньне, в те минувшие годы много волею Божиею померло, притом же отданы в рекруты, вывезены за помещиками и монастырями, и остарели, и одряхлели, и разными случаями выбыли – так не менее пятисот душ. Уповательно было

иметь и вместо тех убыли выбираем из оставших за припискою малолетков, и тех недостает» [83, с. 254–255].

Демидовская каторга

Кроме того казенный завод могли продать в частные руки. И если государство мало интересовалось численностью приписных на своих заводах, то частник никого не кормил зря, степень эксплуатации людей у него была выше, он драл с работников три шкуры, грубо нарушал их права: мог, например, запретить им заготавливать сено и лес в заводских угодьях. Многие партикулярные заводовладельцы, например, Демидовы, отличались крайней жестокостью, что отразилось даже в фольклоре:

*У Демидова в заводе
Работушка тяжела
Ах, работушка тяжела...
Ах, спинушки болят!
В рудник-каторгу сажают,
Ах, да не выпускают [91, с. 437].*

Работники уральских заводов выражали свой протест против тяжелых условий труда в основном самовольным уходом с них – к этому чаще всего прибегали приписные крестьяне, чем кадровые работники. С увеличением численности заводов, особенно партикулярных – то есть после 1754 г. – протесты работных людей усилились.

Сопротивление и бунт

В 1754 г. приписные крестьяне располагавшихся в самом центре Башкирии двух Авзяно-Петровских заводов Шувалова, жившие в 600 верстах отсюда, отказались выйти на работу. Вызванные заводчиком солдаты разогнали бунтовщиков, 30 крестьян с семьями были навечно прикреплены к заводу, чтобы «употреблять их без очереди в самонужные и тягчайшие заводские работы» [78, с. 19]. В 1758 г. новые волнения удалось подавить лишь после того, как заводовладелец заменил систему двухсменных команд приписных трехсменными. Однако когда в 1760 г. оба завода приобрел Демидов, на них вновь вспыхнул бунт: приписные прекратили углежжение, а работные люди покинули цеха. Крестьяне, по словам управляющего, «между собою собираются партиями, днем и по ночам ходят и чинят необыкновенные крики и азарты, [так] что и по заводу для смотра ходить опасно». Лю-

ди уходили с завода и силой прогоняли с предприятия тех, кто еще оставался. Бунт удалось подавить лишь с помощью солдат. 245 крестьянских семей навечно приписали к заводу, принудив их оставить родной дом, скот и засеянные поля. Но в 1762 г. эти крестьяне стали уходить домой [78, с. 20].

Бунт вскоре перекинулся на другие заводы. Вслед за Авзяном поднялся Воскресенский завод в устье Белой: примерно 200 его приписных, «посады на шести ножи и копыя», бежали с предприятия. В 1762 г. волнения охватили весь Урал. Наряду с протестами против тяжелых условий труда и принуждения дворцовых крестьян работать на заводах люди стали требовать запрета приписки. Дело в том, что 27 февраля Петр III издал указ, запрещающий покупать для предприятий подневольных работников, но крестьяне восприняли его как отмену приписки [78, с. 20].

По оценке Екатерины II, к моменту ее вступления на престол бунтовали 49000 уральских крестьян, но поскольку в 1762 г. общее количество приписных составляло 145000 человек (100000 на казенных и 45000 на партикулярных заводах), то эта цифра выглядит явно завышенной: вероятно, Екатерина имела в виду все категории заводских работников.

Монастырские крестьяне были недовольны тем, что натуральный оброк заменили денежным, ибо для его уплаты им приходилось самовольно засеивать монастырские земли, что приводило к острым конфликтам, иногда даже с вмешательством солдат. Положение монастырских крестьян несколько облегчилось после издания 21 марта 1762 г. указа Петра III, изъявшего у церкви ее собственность. Но уже 12 августа 1763 г. Екатерина вернула монастырям их земли и крестьян, что сразу же привело к бунту 22 деревень с 3000 душ мужского пола, принадлежавших расположенному в Исетской провинции Свято-Далматову монастырю. Крестьяне отказались работать на монастырь и архимандриту пришлось вызвать солдат. Бунт продолжался еще два года и эхом отозвался в пугачевщине: многие участники волнений 1764 г. в 1774 г. встанут в ряды бунтовщиков [36, с. 474–476]⁴⁹.

Несбывшиеся надежды

Один чебаркульский казак распространял в этих местах слух, что Петр III жив и тайно посещает Троицкую крепость, дабы узнать нужды простого народа. В 1763 г. жители Чесноковки (село в

⁴⁹ <См. также: [53; 132]>.

самом центре Башкирии) были настолько уверены в чудесном спасении императора от рук убийц, что даже отслужили в его честь благодарственный молебен. Все верили, что после стольких лет «бабьей власти» престол наконец-то перейдет к мужчине, который обуздает бояр! Такие слухи ходили вплоть до появления Пугачева.

В декабре 1762 г. Екатерина II поручила князю Вяземскому изучить условия жизни уральских заводских крестьян. По его возвращении она издала указ, значительно ухудшивший их существование [124, р. 269].

В ноябре 1764 г. – и опять в Авзяне – приписные отказались работать на заводе свыше 36 дней, а 317 человек вообще покинули его, и их удалось вернуть только через два года. Крестьяне отправили в Петербург четырех своих жалобщиков, но столичные власти обошлись с ними так же, как обычно поступали с делегациями яицких казаков: арестовали и под конвоем вернули на Урал. Однако одному делегату удалось бежать и вручить императрице челобитную. Екатерина передала ее в комиссию, созданную для изучения положения в металлургической промышленности. Самого челобитчика выпороли, а вожakov тех 317 крестьян, что ушли с завода, сослали на каторгу в Сибирь [61, с. 180].

Создание Уложенной комиссии дало надежду заводским работникам на улучшение их положения. И действительно, в 1769 г. приписным увеличили зарплату, не менявшуюся с 1724 г., стали оплачивать переход к заводу, разрешили вносить 1 руб. (из 1 руб. 70 коп.) подушной подати деньгами, а не отрабатывать ее на заводе. Однако приписка была сохранена. Поэтому казачий бунт стал той искрой, которая привела к мощному социальному взрыву, одновременно затронувшему – ибо они были соседями – и башкир, и заводы.

II. Пугачев на Урале

Но прежде всего Пугачеву пришлось столкнуться с башкирами.

В своем первом именном указе, адресованном главным образом казакам, Пугачев упомянул только калмыков и татар: до башкир бунт еще не докатился. Лишь 1 октября, когда бунтовщики достигли границ Башкирии, наряду с именным указом, написанным в витиеватом восточном стиле и не упоминавшем конкретно ни одного народа, появился документ, прямо обращенный к «мухаметанцам и калмыкам и башкирским старшинам».

Призыв к башкирам

«Великий государь и над цари царь и достойной император» обращался к башкирам: «Будучи в готовности, имеете выезжать ко мне встречно и образ моего светлого лица смотрите, не чиня к тому никакой противности, и пожалуйста, преступя свои присяги, чините ко мне склонность... Естли будут оказываться противники, таковым головы рубить и кровь проливать... И как ваши предки, отцы и деды, служили деду моему блаженному багатырю государю Петру Алексеевичу, и как вы от него жалованы, так и я ныне и впредь вас жаловать буду». Милости, обещанные башкирам, напоминают текст первого манифеста, с добавлением лишь пожалования «верою и молитвою», то есть свободы исповедания ислама. В указе также обещалось восстановить бесплатную добычу соли и платить вступившим в войско самозванца «денежное жалованье». Ослушникам же «царского» указа «голова будет рублена и пажить ограблена» [65, с. 411].

Предписывалось этот «...посланной башкирским старшынам и ко всем по Нагайской дороге обывателем и на Сибирской дороге жителям указ... опубликовать всенародно»; он был размножен и читался башкирам на их языке. Что касается двух других крупных административных единиц Башкирии – Казанской дороги на западе и Осинской в виде узкой полоски к северу от Уфы – то они пока не были затронуты бунтом.

Поскольку в тот же день Пугачев принял в Каргалах шестерых посланцев башкирского вожака Кинзи Арсланова, можно предположить, что они и передали своему начальнику текст этого указа.

Вскоре после этого к Пугачеву «пришол... башкирец Емансарай и привел с собою башкирцов пять сот человек. Чрез сутки после сего пришол еще старшина башкирской Кинжа и привел с собою также пять сот человек» [16, с. 198]. Вероятно, произошло это 9 октября.

Кинзя

Кинзя был выдающимся военачальником и принадлежал к башкирской элите. Владея 210 юртами (дворами), он был очень влиятельным во всей Ногайской дороге. Кинзя знал русский язык, но ненавидел русскую власть, вероятно, из-за неравных сделок, навязанных ему купцами Твердышевым и Мясниковым. Отметим, что во время бунта простые башкиры обычно не подчинялись старшинам, оставшимся верными царизму, а перешедших на сторону Пугачева – таковых было подавляющее большинство, 77 че-

ловек – всегда поддерживали.

17 октября Кинзя начал вести активную агитацию от имени «царя Петра III», в котором он видел не свергнутого монарха, а могущественного союзника в борьбе за свободу своего народа. В тот день ему удалось перетянуть на свою сторону 11 старшин, а 20 октября их стало уже 23 человека. 31 октября генерал Кар пожаловался в Санкт-Петербург, что башкиры «от бежавшего в толпу с своими подчиненными башкирского старшины Кинзи Арсланова чрез разсеяние во всю Башкирию злодейских возмутительных писем в великой колеблемости находится». Рейнсдорпу с огромным трудом удалось набрать около 1000 башкир, с которыми он подошел на 50 верст к Оренбургу, после чего те отказались выступить против 300 бунтовщиков крестьян Авзянского завода. Остальные башкиры, шедшие из Стерлитамака на помощь Кару, в решающий момент покинули его, поддавшись на уговоры племянника Кинзи (о Кинзе подробнее см. [34, с. 110–112]).

На штурм заводов

К этому времени заводы вокруг Оренбурга уже бунтовали.

Еще в сентябре два рудничных нарядчика и два приписных крестьянина Вознесенского завода обратились к заводским крестьянам с призывом: «Слушайте народ, государь Петр Федорович, приняв царство, жалует вас вольностью и освобождает от всех работ». Рабочие на призыв не откликнулись, а вот 150 крестьян поддержали его, и ушли, прихватив чугунную пушку. Заводского приказчика Орлова арестовали, доставили к Пугачеву и казнили.

На Воскресенском медеплавильном заводе – главной кузнице Южного Урала, где трудились 1600 человек (из которых 1200 являлись крепостными Твердышева), ситуация развивалась следующим образом.

Администрация завода остановила его работу и перевела предприятие на осадное положение – расставила пушки, раздала защитникам ружья, поставила боевые посты и привела крестьян с соседнего незащищенного Покровского завода. Затем было зачитано обращение властей, в котором Пугачев именовался узурпатором и лжецом. Народ воспротивился такой оценке, а приказчика обвинил в подлоге. Тогда администрация благоразумно ретировалась, а крестьяне решили, что если Пугачев на самом деле является Петром III, то тогда они ему присягнут. Заводское начальство обратилось за помощью в Уфу и Оренбург.

11 октября Пугачев впервые направил своих людей на заводы.

12 октября один из них, Кузьмин, прибыл в Воскресенский завод в сопровождении десятка человек с Каргалинских медных рудников. Работные люди ушли к Пугачеву еще 5 октября, остальные – 7 октября, прихватив при этом 4 пушки, ружья, порох, 1000 руб. и 50 быков. Кузьмин огласил манифест Пугачева, после чего сход принял решение служить царю Петру.

Крестьяне заживо сожгли в избе ненавистного им прапорщика, уничтожили всю заводскую документацию, но сохранили механизмы. Кузьмин отобрал из крестьян несколько человек для пугачевского войска и через три дня посланцы Пугачева ушли обратно, взяв 14 пушек, ружья, деньги, провизию, новых «казаков», арестованных приказчиков и управляющего Беспалова [27, с. 256–265].

Тем временем еще один пугачевский агитатор, симбирский купец Иван Грязнов, уговорил примкнуть к бунту Преображенский и Архангельский заводы.

Оружие для бунта

Хлопуша, выехавший из Берды во главе дюжины казаков и примерно 30 башкир, прибыл на Преображенский завод, где забрал с собой 83 приписных крестьянина, 5 пушек и 5 бочонков с порохом. Деньги из заводской кассы разделили из расчета по 40 руб. на человека, остальные отдали пугачевцам. В тот же день явились 40 беглых крестьян с Авзяна, и на следующий день Хлопуша торжественно въехал на этот завод, где за десять лет до этого уже бушевал бунт. Люди внимательно выслушали и в целом одобрили зачитанный Хлопушей манифест. 17 заводских служащих арестовали и отправили в Берду. Хлопуша созвал сход вспомогательных работников, которые также поддержали манифест Пугачева. Заводское оборудование Хлопуша сохранил: «хотя б де и следовало домну опустошить, токмо де надлежит еще бонбы и ядра лить». Он дал заводским приказчикам манифест Пугачева от 17 октября, где, в частности, говорилось: «Исправте вы мне, великому государю, два марта и из бомбами и в скором поспешении ко мне представте» [65, с. 33–34]. Для того, чтобы заручиться еще большей поддержкой населения, Хлопуша приказал открыть питейные дома и соляные амбары, разрешив крестьянам пить и брать соль «безденежно». Через пять дней Хлопуша ушел с завода с примерно 500 человек, 6 пушками и обозом. Власти послали за ними команду верных башкир, но она уклонилась от боя.

Итак, заводы перешли на сторону Пугачева. Среди них были Авзянский и Воскресенский. 8 ноября приказчик последнего, по-

милованный Пугачевым, получил от него распоряжение: «Самодержавного императора Петра Феодоровича всероссийского: и прочая, и прочая, и прочая.

Дан мой имянной указ в Воскрисенской старой завод бывшаму прикащику Петру Биспалову: [фамилия Беспалова дана в соответствии с произношением, а не с нормами правописания].

Исправить бы тебе великому государю 5 голубиц и тритцать бомбав; и каторая из дела выдит голубица, и представить бы тебе в скорым поспешении к великому государю, и ни жилеть бы тебе конии государевых. И казны, сколко потребна, давай. А и я тебя за то, великий государь, буду жаловать. И как можна, исправляи, маево государива ни жилиеи. И никто же бы Биспалова с командою ни обидил ни встрешнай ни па[пи]ришнай. А ежели кто онаго обидит, тот примет о[т] великаго государя гневъ» [64, с. 54].

Уничтожить русских?

Другие заводы (например, Покровский), наоборот, были на радость башкирам сожжены. Башкиры мечтали уничтожить все, что напоминало им о русских, и потому уничтожили половину всех промышленных предприятий Оренбургской губернии. Они сжигали заводские поселки, угоняли в рабство русских крестьян, разрушали часовни и церкви, выкапывали на православных кладбищах покойников и глумились над их телами. Они не понимали, что в данном случае русские были их союзниками, а осознававшие это башкирские старшины не могли остановить бесчинств своих подчиненных. Не раз русские сторонники Пугачева жаловались ему на разбои башкир, и это стало одной из причин создания им «Военной коллегии». В целом башкиры вносили в ряды бунтовщиков дух воинственности.

Находившийся в Берде Кинзя отправлял наиболее талантливых земляков в качестве агитаторов в Башкирию. Именно благодаря ему умный и образованный Салават, сын старшины Юлая, стал самым молодым полковником армии Пугачева.

Саткинские крестьяне

Почти все заводы вокруг Оренбурга к концу ноября 1773 г. были заняты бунтовщиками, и вскоре они добрались и до предприятий центральной Башкирии, в северной части долины Белой. О событиях того времени на Сатке свидетельствуют правительственные донесения от 21 и 28 декабря. В них виден нескрываемый страх саткинских крестьян перед башкирами.

13 декабря 1773 г. башкиры напали на крестьян Саткинского завода, что западнее Златоуста. 15 декабря в 8 верстах от предприятия башкиры убили 4 мужчин и женщину, поехавших за сеном, и угнали их лошадей. 18 декабря несколько саткинских крестьян отправились на Юрюзанский завод за новостями. Оттуда они привезли копию пугачевского манифеста и весть, что скоро в Сатку придут 3000 башкир. Эта новость повергла саткинцев в отчаяние. Они стали подозревать своего приказчика Моисеева в сокрытии указов «Петра III». На своем сходе они выбрали шесть делегатов, которым поручили встретиться с башкирским вождем Юлаем, уговорить его «на Саткинский завод воинской команды не посылать, и напрасного кровопролития не производить», и убедить в своей верности императору Петру Федоровичу, объяснив, что оборона завода направлена не против «его величества», а против «набегу из башкирцов воровских партий, которые из заводских жителей, выезжающих за сеном, уже много покололи безвинно и лошадей отогнали...».

Атаман Кузнецов

Эти шесть делегатов встретили на Катав-Ивановском заводе (к юго-западу от Юрюзанского) отряд бунтовщиков под командованием пугачевского атамана Ивана Кузнецова и 22 декабря привели его в Сатку.

У Кузнецова были 1 есаул, 8 крестьян Твердышева, 1 мишарский сотник, 1 беглый солдат, 1 мишарь-мулла и 25 башкир Уфимской провинции во главе со старшиной. Всех их «заводские крестьяне и работные люди встретили и приняли беспрепятственно». Атаман забрал на заводе лошадей и рогатый скот, около 10000 руб. из кассы, 12 пушек, 250 ружей и около 5 пудов пороха.

Затем был оглашен указ Пугачева:

«От самодержавного императора Петра Федоровича, самодержица всероссийскаго: и прочая, и прочая, и прочая.

Всем моим верноподданным рабам всякого звания и чина: Довольно известно вам ис опубликованных манифестов... общего покоя всероссийскаго престола незаконно лишены были. А ныне всемогущи господь неизреченными своими праведными судбами паки возвести нас соизволяет и наших верноподданных рабов скипетру нашему покоряет, а завистников общему покою под поги наши повергает. Только вы не ослепитесь неведением или не помрачитесь злобою во знак и уж придите в чюство, власти нашей усердно покоритесь. И по данному нам от создателя отеческому к вернопод-

данным великодушию всемилостивейше прощает и сверх того всякою вольностию отечески вас жалуем. А буде же в таком же ожесточении и суровости, как и прочие, останитесь и данной нам от Бога всякой власти не покоритесь, то уже неминуемо навлечете на себя праведны наш гнев.

На подлинной подписано собственною его императорского величества рукою тако:

Петр.

Ноября 25-го дня 1773 году» [64, с. 35].

Вysłушав это, народ набросился на заводского приказчика, скрывшего указы «императора» и всячески его поносившего.

Затем Кузнецов назначил выбранных народом атамана, капитана, младших офицеров и капралов.

Делегация Златоустовского завода сообщила ему, что все тамошние крестьяне и рабочие готовы перейти на сторону «императора». Кузнецов прибыл туда, провел выборы атамана, капитана и младших офицеров, взял деньги, скот и прочее добро, освободил около 400 чувашей и других арестованных по подозрению в заговоре, забрал 250 к Пугачеву русских работников с бывшим управляющим, а сам вернулся в Сатку [65, с. 435–436]⁵⁰.

Вице-император Иван Зарубин

Размах бунта вынудил Пугачева частично разделить власть с человеком, столь много сделавшим для его «воцарения» – Иваном Зарубиным по прозвищу «Чика».

Впоследствии Зарубин признавался, что накануне Николина дня (6 декабря) Пугачев «отправил ево, Зарубина, с двумя яицкими казаками: Ильею Ульяновым и Яковом Антиповым в Уфимской уезд на Воскресенской Твердышева железной завод для литья пушек... В то время получил он из Берды повеление от самозванца, чтоб ему, Зарубину, называться графом Чернышевым, и велено ехать под Уфу, – принять там команду от бывших их же злодейских сообщников, называемых: полковником – башкирца Кашкина-Самарова и подполковником – Губанова, которая была из башкирцов и русских, тысяч до четырех, с коими ему и приказано было подступить под город Уфу. Куда по приезде, ту команду он принял и стоял под самою крепостью, и с высланными из го-

⁵⁰ Я вкратце изложил события в хронологической последовательности, стараясь как можно точнее передать факты по [64; 65].

рода воинскими командами имел он неоднократное сражение, и потом, отступая от города, с своею толпою стоял в селе Чесноковке...» [65, с. 135].

Из этого рассказа (который воспроизводится в изложении секретаря судебного заседания) становится ясно, что перед Зарубиным стояли три задачи: добыть для бунтовщиков пушки, вместе с башкирами взять Уфу, и создать в Чесноковке, находившейся в самом центре Башкирии, штаб бунта в этом крае.

Осада Уфы

Если на Воскресенском заводе бунтовщикам сопутствовал успех, то с Уфой у них возникли серьезные проблемы. Башкиры и остальные местные туземцы отождествляли этот город с русским гнетом. Поэтому в середине ноября осадить его самовольно пошли 1000 башкир, татар и марийцев, к которым присоединились жители соседних русских деревень. К 27–28 ноября «город Уфа со всех сторон... башкирцами и жительствоющими около одного есашными татарами, помещичьими, дворцовыми и экономическими крестьянами (бывшие монастырские крестьяне. – П. П.) окружен» так, что «ниотколь въезду и из города никуда выезду и выходу не было, а кто к тому и покушался, оные захвачиваны и вешаны, а другие в их злодейскую толпу присоединяемы были», отмечалось в официальном донесении [27, с. 218]. Такая ситуация позволила городским властям успешно организовать оборону.

Уфу осаждали две группы бунтовщиков – башкиры, возглавлявшиеся своим прославленным предводителем⁵¹, который считал что честь взятия города (для чего, однако, у него не было достаточно сил) должна принадлежать только ему, и небольшой отряд русских бунтовщиков. Общее руководство осадой осуществлял Зарубин. Сначала бунтовщики попытались уговорить уфимцев сдаться и в знак добрых намерений отпустили 48 ранее захваченных горожан, но, не получив положительного ответа, стали готовиться к штурму. 20 и 21 декабря они провели разведку, 22 декабря предприняли пробную атаку и только 23 декабря бросили 10000 человек на решающий приступ. Силы противников были примерно равными. В ходе восьмичасового боя к защитникам присоединились чиновники, купцы и другие категории горожан. Штурм города был сорван: для захвата Уфы пугачевцам не хватило артиллерии.

⁵¹ <Башкирами под Уфой командовал Качкын Самаров>.

Отбивая участвовавшие вылазки осажденных, которые из-за начавшегося в городе голода становились все ожесточеннее, Зарубин готовился к новому штурму. 28 декабря, ссылаясь на указ «Его императорского Величества» старшинам башкир Сибирской дороги, он приказал мобилизовать «для противустояния против строящихся в городе Уфе злодейства... годных и достойных храбрых людей с трех домов, по одному человеку со оружием и по одной добрыми лошадьми и, сколько взять можно, съестными запасами» [64, с. 147–148]. То же самое было сделано под Кунгуром и Екатеринбургом. В итоге численность бунтовщиков в этом районе достигла 12000 человек.

25 января 1774 г. был предпринят новый неудачный приступ, длившийся десять часов. Бунтовщиков опять подвела плохая оснащенность, что ранее не позволило им взять Оренбург, Яицкую и Нижне-Озерную крепости: у них не хватало артиллерии, а башкирские стрелы не могли противостоять ружьям и пушкам. Осада Уфы безрезультатно продолжалась до конца марта⁵².

Несмотря на то, что правительственные войска стояли в 10 верстах отсюда, «граф Чернышев» сумел выполнить третье поручение Пугачева: в Чесноковке он создал штаб-квартиру наподобие той, что существовала в Берде. Если последняя контролировала бассейн Яика, то чесноковская ставка – Западное Приуралье, собственно Урал и Западную Сибирь, то есть далекие от Берды территории. В этих местах «Чернышев» воевал, набирал армию, вооружал ее, подбирал командиров и следил за дисциплиной, а также отвечал за материальное и продовольственное снабжение Бердского лагеря и связь с ним.

Обращение с народом

Зарубин призывал командиров «свою команду содержать в добром порядке и ни до каких своеволий и грабительств не допускать». Когда крестьяне одного из заводов пожаловались Зарубину, что башкиры забрали из кассы предприятия 1500 руб., предназначавшихся в качестве зарплаты заводчанам, он пообещал рассчитаться с ними выручкой от продажи соли и водки.

«Граф Чернышев» имел право назначать представителей местной власти в регионе, но обычно они избирались. После взятия Осы посланник Зарубина просил ее жителей «сверх старосты и пищика» «выбрать миром атамана и есаулов двух человек и с выбором при-

⁵² Осада Уфы изложена по [65, с. 221–228].

слать в... село Чесноковку». Когда 29 января народные избранники прибыли в ставку «графа», им были даны соответствующие наставления (вероятно, в письменном виде), с которыми они 4 февраля вернулись в Осу. Одному из выбранных давалась «над походными солдатами полная власть», второму было велено, «чтоб все волостные и дворцовые крестьяне ему были послушны»⁵³

Но чаще всего источники упоминают о проведении организационных мероприятий с помощью силы, а не путем выборов.

Поскольку территория, подконтрольная Зарубину, была огромной, ему пришлось, по примеру Пугачева, разделить ее на зоны ответственности. За собой Зарубин оставил окрестности Уфы, Белобородову отдал Средний Урал и Екатеринбург, Кузнецову поручил район Кунгура, а Грязнову – челябинскую округу. Все эти четыре зоны бунтовщикам предстояло покорить.

Подвиги Ивана Белобородова

Под Кунгуром волнения вспыхнули в конце 1773 г. Башкиры Канзафара Усаева захватили Суксунский завод, расположенный в 40 верстах юго-восточнее. Они не тронули его оборудования, но сожгли все конторские документы. Здесь впервые проявил себя Иван Белобородов. О жизни и подвигах этого пугачевского командира известно достаточно хорошо, правда, в основном из протоколов его допросов **[65, с. 325–335]**.

«Уроженец он Кунгурского уезду, приписного к медному Осколковскому заводу села Медянки, из крестьян. В прошлом 759-м году того села от обывателей по очереди отдан в рекруты и определен в выборгской артиллерийской гарнизон, а оттуда послан был в Петербург на пороховые заводы в работу, где производилось жалованья ему, как и прочим, по четыре рубли по дватцети копеек в год; но, не захотев более служить, начал притворно хромать правою ногою, сказывая, что оною болен,... а... за тою хромотою от службы отставлен... И пришед в город Кунгур, явился в канцелярии...».

Белобородов на себе познал приписную долю. Деревенский паренек, он был призван на службу в армию артиллеристом под Санкт-Петербург, но вскоре переведен на пороховой завод, познал жизнь работных людей и горожан. Позже Иван получил свободу, женился, занялся торговлей, но когда ему перевалило за тридцать, бросил все и ушел к Пугачеву.

Вот как он описывает это сам: «А сего 1774 году генваря 1

⁵³ Соответствующие документы см. **[34, с. 56–57]**.

числа, когда были их села жители все на базаре, приезжали во оное село... и читал публично на базаре всему народу манифест от имени государя императора Петра третьяго, а потом башкирцов пять человек – и объявляли так же публично всем, что называемой ими полковник Консафар Исаев с пятьюстами башкирцов чрез их село идет в Кунгур для приклонения народа государю Петру Федоровичу, и находитца де он от села недалеко, а их послал для занятия квартир и запечатания питейных домов; ...а кто противитца или бегают, тех вешает и дома их обирает на государя; а государь де взял уже Оренбург и Уфу...».

Это была ложь, но люди ей поверили.

Белобородов с двумя людьми отправился встречать Канзафара. На околицу деревни вышел священник с крестом. Канзафар согласился остановиться в его доме и поручил Белобородову позвать туда сотника, голову и знатных жителей, чтобы зачитать им манифест «императора». Канзафар хотел забрать половину сельчан в казаки, но потом ограничился 25 людьми с лошадьми и по просьбе народа назначил сотником Белобородова.

Победоносное шествие

Через два дня отряд Канзафара отправился в другое село, а затем на захваченный завод, забирая в каждом населенном пункте по 50 человек, которые присягали самозванцу. Канзафар передал Белобородову 100 человек, копию пугачевского манифеста для оглашения его по пути следования, а также приказы казнить непокорных, принятия всех бунтовщиков в казаки и взятии с них присяги.

О некоторых захваченных им заводах – Бисертском, где его приняли с почетом и дали ему людей, Ревдинском, насчитывавшем 1620 работников – Белобородов не упоминает. Там бунтовщики стали делать сабли, пики и другое оружие. 6 января без боя сдалась Ачитская крепость, расположенная на тракте Екатеринбург–Москва, что дало бунтовщикам 2 пушки, много ружей и пороха, а также 150 человек.

Затем Белобородов со своим войском направился к Екатеринбургу. «И, следуя чрез разные крепости и заводы, кои добровольно ему сдались, набрал в казаки до шестисот человек, пять пушек, да пороху пуд с пятью...». В городе началась паника. Управитель Екатеринбургского горного ведомства стал готовиться к эвакуации. Однако Белобородов не рискнул штурмовать Екатеринбург, рассчитывая взять его осадой. Он повернул свое войско

на северо-запад – на Билимбаевский и Шайтанский заводы.

На первом из них при приближении бунтовщиков вспыхнул бунт. Вызванным 250 карателям пришлось отступить, а затем и вовсе убраться восвояси. Войдя в ночь с 17 на 18 января на Билимбаевский завод, Белобородов приказал конторщику Верхоланцеву построить во фронт на следующий день 500 рабочих людей. Отобрав из них 300 человек, он назначил Верхоланцева, сделавшегося казаком, сотником. Рабочие бросились в кабак, чтобы отпраздновать свое освобождение от заводского труда, но Белобородов приказал разбить бочки со спиртным. Тогда люди побежали в заводское правление и сожгли все долговые бумаги. Верхоланцев, как и Белобородов, до самого конца сохранял верность Пугачеву, и оставил краткие, но яркие воспоминания о том времени.

На следующий день Белобородов пошел на Верхне- и Нижне-Шайтанские заводы, где было 400 рабочих и около 1000 приписных крестьян. Заводские власти оттуда сбежали. 19 января Белобородов был торжественно встречен работниками, забрал заводскую кассу, несколько сотен пудов муки и 150 вооруженных людей.

Северные заводы

Шайтанский завод, находившийся в 40 км северо-западнее Екатеринбурга, был удобным наблюдательным пунктом и позволял блокировать столицу горнорудного района с севера. Именно здесь и обосновался Белобородов. 20 января свыше сотни конных и пеших людей, выступивших из соседней деревни против бунтовщиков, попытались выбить его оттуда, но были встречены шквальным огнем и бежали, а 60 человек попало к пугачевцам в плен. Белобородов приказал двоих из них повесить, двоим отрубить головы, остальных выпороть розгами и принять в казаки в присутствии местного священника. Вечером 22 января была предпринята новая попытка разбить бунтовщиков силами 400 человек при 7 пушках, но и она окончилась неудачей, поскольку «воры имеют их в лесах, закрытые хвоей и снегом, без дальнего укрепления, а чтобы могли им одним криком подавать в завод вести» [34, с. 74]. На следующий день стороны вели между собой четырехчасовую артиллерийскую перестрелку. Белобородов поставил свои орудия позади пеших людей и, бросив конницу на фланги противника, обратил его в бегство.

В конце января к Белобородову с Уткинского казенного завода пришел мастер Жубринский, который сообщил о признании

работными людьми власти самозванца и передал 1500 рублей из заводской кассы. Его сделали есаулом и поручили сформировать отряд. 29 января Уткинский завод присягнул Пугачеву.

С Шайтанского завода – штаб-квартиры Белобородова – в Берду была отправлена делегация из 5 работных людей, 1 пленного и 4 татар передать рапорт и лицезреть «Петра III». Обратном они привезли указ о назначении Белобородова атаманом и полковником. Теперь у него было 500 человек и 5 пушек.

После взятия Уткинского завода Демидовых, одного из самых крупных на Урале, численность работных людей которого без учета приписных крестьян превышала 1000 человек, бунтовщиков стало еще больше. Завод был окружен крепостной стеной и рвом, имел 15 пушек и гарнизон в 1000 человек. Почти десять дней пугачевцы пытались взять его штурмом и вечером 11 февраля добились своего. Вскоре на севере Екатеринбургского горного ведомства под властью бунтовщиков было уже 20 заводов.

Поражение под Кунгуром

Канзафар Усаев направился к Кунгуру. Вместе с Салаватом он взял Красноуфимск, захваченные там деньги отправил в Берду, а пушки оставил у себя.

Власти Кунгура, столицы Пермской провинции, сбежали в конце декабря, поэтому оборону крепости возглавила провинциальная канцелярия, поставившая на стенах 5 пушек и призвавшая жителей преодолеть «робость и страх». Из Екатеринбурга прибыли еще 2 пушки и 100 человек, из Казани – полк майора Папава, взявшего командование Кунгуром в свои руки и активно нападавшего на башкир.

19 января Иван Кузнецов возглавил башкирских бунтовщиков и призвал «начальствующим и настоятелям города Кунгура» поверить в то, что Петр III – настоящий император, «из неизвестности на монарший престол восходящий». Признавая факты башкирских бесчинств, Кузнецов, однако, напоминал, «что народ этот имеет отменные мысли» в отношении русских, и уверял, что прислан сюда, чтобы навести порядок. Он сообщал, что уже приказал восстановить разрушенные башкирами церкви и просил кунгурян сдаться [18, т. II, с. 215].

Не получив ответа, Кузнецов начал штурм, рассчитывая на свои 7 пушек. Но, несмотря на проведенную артподготовку, башкиры, вооруженные лишь луками и стрелами, не решились пойти на приступ. Бунтовщикам пришлось отступить на 3–4 км от горо-

да, а Канзафар Усаев, ссылаясь на то, что он назначен самим царем Петром III, отказался повиноваться «графу Чернышеву». Кузнецов приказал заковать Канзафара в кандалы и лично повез его в Берду. Ситуация под Кунгуром оставалась неясной вплоть до прихода в феврале на помощь осажденным отряда майора Гагри-на, присланного Бибиковым. Инициатива постепенно стала переходить в руки правительства.

Верный Грязнов

В Челябинске все было не столь гладко. Построенная в 1736 г. Неплюевым, эта крепость являлась административным центром Исетской провинции и своеобразным земледельческим анклавом в Башкирии. У командира крепости, энергичного воеводы Веревкина было 1300 так называемых «временных казаков» – мобилизованных крестьян и отставных солдат. В январе в Челябинск прибыла армейская рота из Тобольска. Вскоре после этого 200 временных казаков по призыву хорунжего Невзорова захватили стоявшие рядом с домом воеводы пушки и самого Веревкина, которого избили до полусмерти и оттащали за волосы. На следующий день все местные правительственные силы сдались башкирам, шедшим к бунтовщикам, а Невзоров, накануне покинувший город, вернулся с отрядом в 160 человек и потребовал от челябинцев немедленной капитуляции.

8 января Иван Грязнов остановился в двух верстах от Челябинска и направил в крепость два послания: одно – властям, другое – простым жителям.

Первое, по причине нездоровья воеводы, было обращено его заместителю Свербиеву: «Я во удивление прихожу, что так напрасно закоснели сердца человеческие и не приходят в чувство, а паче не иное что, как делают разорение православным христианом и проливают кровь неповинно, а паче называют премилосердощедрого государя и отца отечества, великого императора Петра Феодоровича бродягою, донским казаком Пугачовым. Вы ж думайте, что одна Исетская провинция имеет в себе разум, а прочих почитая за ничто или, словом сказать, за скот... Есть ли б мы нашего премилосердного отца отечества, великаго государя, были не самовидцы, то б и мы в сумнении были. Верь, душа моя, бесспорно, что верно и действительно наш государь батюшка сам истинно, а не самозванец... Пожалуй, зделай себя счастливыми, прикажи, чтоб без всякаго кровопролития зделать...» [64, с. 73].

«...От ига работы избавляет»

Грязнов иногда прибегал к таким приемам убеждения, которые другими пугачевцами не применялись. Вот как он обращался к простым челябинцам: «Находящимся в городе Чилибинску всякаго звания людям.

Не иное что к вам, приятныя церкви святой сыны, я простираю руку мою к написанию сего: Господь наш Иисус Христос желает и произвести соизволяет своим святым промыслом Россию от ига работы, какой же, говорю я вам – всему свету известно. Сколько во изнурение приведена Россия, от кого ж – вам самим то не безызвестно: дворянство обладает крестьянами, но, хотя в законе Божиим и написано, чтоб оне крестьян также содержали, как и детей, но оне не только за работника, но хуже почитали полян своих, с которыми гоняли за зайцами. Конпанейщики завели премножество заводов и так крестьян работою утрудили, что и в ссылках тово никогда не бывало, да и нет. А напротив того с женами и детьми малолетними не было ли ко Господу слез! И чрез то, услыша, яко израилтян, от ига работы избавляет. Дворянство же премногощедрого отца отечества великого государя Петра Феодоровича за то, что он соизволил при вступлении своем на престол о крестьянех указать, чтоб у дворян их не было во владении, но то дворянем нежели ныне, но и тогда не ползовано, а кольми паче ныне изгнали всяким несправедным наведением. И так чрез то принужденным нашолся одиннатцать лет отец наш странствовать, а мы, бедные люди, оставались сиротами. А ныне отца нашего хотя мы и старание прилагаем возвести, но дворянство и еще вымысел зделало назвать так дерзко бродягою, донским казаком Пугачовым, а, напротив того, еще наказанным кнутом и клеймы имеющим на лбу и щеках. Но естли б, други и приятныя святыя церкви чада, мы были прещедраго отца отечества, великаго государя Петра Феодоровича не самовидцы, то б и мы веры не поняли, чрез что вас уверяем не сомневатся и верить действительно и верно государь наш истинно» [64, с. 74–75].

Апогей

10 января 1774 г., войско Грязнова благодаря пришедшему с соседних заводов подкреплению увеличилось до 5000 человек, Потерпев неудачу при штурме крепости, Грязнов отступил на шесть верст в Чебаркульскую крепость, оставив под Челябинском часть башкир. 13 января командир Сибирского корпуса генерал Деколонг вступил в город, но не сумев выбить Грязнова из Чебар-

кульской, 8 февраля покинул город и направился в Шадринск, в 250 км восточнее Екатеринбурга. Территория между Екатеринбургом и Челябинском временно оказалась в руках «Петра III».

Между тем бунт уже докатился до Ирбита, Тюмени, Ялуторовска и угрожал Тобольску. Крестьяне переходили на сторону «царя» и 6 января в день Святого Богоявления во многих городах его имя даже упоминалось в молебнах. Когда в одной из слобод священник отказался встретить пугачевцев крестным выходом, то чуть не поплатился за это жизнью. Его спасла какая-то женщина, выкрикнувшая: «Он поп доброй! Меня, б..., свенчал только за четверть рубля» [13, с. 30].

Сопrotивление Свято-Далматова монастыря

Однако в 60 верстах западнее Шадринска путь бунтовщикам преградил Свято-Далматов монастырь. За его стенами 8 м высотой и 2 м толщиной находились не только монахи и убогие (со времен Петра Великого обитавшие в монастырях), но и десятки шадринских солдат. Настоятель монастыря отремонтировал три башни, расставил орудия и как в 1762 г. изготовился к обороне. К тому времени крестьяне уже не зависели от монастыря, но продолжали его ненавидеть, поэтому оборонять его пошли лишь несколько жителей монастырского села Николаевское и один священник.

11 февраля 2000 крестьян и башкир захватили это село и разорили покинутые жителями избы. 12 февраля началась перестрелка с осажденными. Башкиры, определяя по колокольному звону начало богослужения, стреляли поверх монастырских стен из луков, чтобы попасть в идущих на молитву. На приступы осажденные отвечали вылазками, стороны обменивались бранными посланиями и оскорблениями, но монастырь не сдавался.

Осада была снята только 1 марта, накануне прихода генерала Деколонга. Около 30 взятых в плен пугачевцев было казнено⁵⁴.

III. Отступление

В марте 1774 г. бунтовщики практически всюду терпели поражение. Размах бунта был вызван народным гневом, а его успех – во многом слабостью правительственных сил. Гарнизоны крепостей и городов были небольшими, их коменданты бежали, жи-

⁵⁴ Об осаде Далматинского монастыря пугачевцами см. [13].

тели уходили или присягали самозванцу. Бибиков, ознакомившись с ситуацией, пришел в ужас. 15 марта он писал Екатерине: «главный недостаток... есть негодное собрание офицеров», а также поведение генерала Деколонга, которому мешали «или леты его, или вкоренившаяся сибирская косность» [18, т. II, с. 359].

В Казани свои полки ожидал Бибиков. Пока ему сопутствовал успех: майор Муфель освободил Самару, где юный Державин вылавливал бунтовщиков и передавал их в Казанскую секретную комиссию для публичной порки, пугачевцы были разбиты в Прикамье и оставили Нагайбакскую крепость, крестьяне клялись в верности престолу и послушно выплачивали свои недоимки.

Прибывший в Самару генерал Мансуров направил написанный Державиным призыв к калмыкам Арапова: «Собственно вам самим довольно известно, что вы с нами одной веры, одного с нами почитаете Бога. Собственно вы также знаете, сколько вы имели милостей всемилостивейшей нашей государыни... Кто вам сказал, что государь Петр III жив после одиннадцати лет смерти его?.. Стыдно вам, калмыкам, слушаться мужика,... который, может быть, от неприятелей наших турок подкуплен лить кровь нашу, стараться помрачить славу российскую... Вас земля не будет носить,... след ваш пропадет и прах ваш рассеется по ветрам. Вы же, как скоро принесете свою повинность, то простятся вам все ваши грабежи и преступления и вы будете жить по старому» [18, т. II, с. 262–263].

Екатерине не понравился стиль этого послания, и она отказалась его обнародовать. Калмыки взяли Ставрополь, но затем были разбиты полковником Гриневым.

Царские войска атакуют

Положение бунтовщиков ухудшилось, когда Мансуров и Гринев подошли к Бузулуку. У Пугачева здесь хранились мясные и хлебные запасы, но для вывоза их было необходимо более 200 подвод. Рядом стояли 2000 пугачевцев под командованием Арапова с 15 пушками. 14 февраля под натиском правительственных войск бунтовщикам пришлось отступить, потеряв около 700 человек и почти всю артиллерию.

К концу месяца царские отряды образовали с севера на юг вер: генерал Ларионов двигался к Нагайбакской крепости, которую недавно захватили и сожгли пугачевцы, полковник Георгий Бибиков шел от Бугульмы в Бугуруслан к князю Голицыну, в Бузулуке стоял Мансуров. Большинство бунтовщиков отступило к

Тоцку и Сорочинску, куда в начале марта из Берды с 1500 пеши-ми, казаками и 10 пушками прибыл Пугачев. Лежали большие сугробы снега и свирепствовали бураны. Однажды в непогоду Пугачев атаковал царский отряд, но получил отпор, потерял около сотни казаков и вынужден был отступить в Берду. 11 марта Голицын взял Сорочинск.

Поражение Пугачева под Татищевой

Уйдя из Самары, бунтовщики двинулись к Татищевой, куда из Берды выступил и Пугачев, а из-под Илецкой крепости на соединение с ним шел Овчинников. Осадой Оренбурга занялся Шигаев. У Пугачева имелось примерно 9000 человек, в том числе 3000 яицких, илекских, исетских и оренбургских казаков, 2000 пеших, 1800 заводских крестьян, 2300 татар, башкир, калмыков и киргизов. Татищева была ключевым стратегическим пунктом этих мест, но она была сильно разрушена во время ее штурма в сентябре. Пугачев заделал бреши в стенах льдом, облив снежные валы водой. Позже на допросе в Москве он сообщал, что «при пушках... был он, Емелька, сам. А приставлены были к оним для заряду и пальбы взятые из верных войск кананеры и салдаты». Самозванец лично наводил орудия. Он приказал всем укрыться в крепости, и запретил стрелять, пока противник не подойдет близко, «чтоб... не потерять напрасно ядер» [16, с. 207].

Утром 22 марта правительственные команды начали наступление. Издали Татищева выглядела безлюдной, но Голицын знал, что это не так. Заметив три высоты, не занятые бунтовщиками, он расположил там свою артиллерию и начал обстрел крепости. Спустя три часа начался штурм, но Пугачев нанес мощный контрудар, временно деморализовавший нападавших. Голицын бросил против бунтовщиков пехоту Мансурова, но это ничего не дало. Тогда он ввел в бой все свои резервы. Пугачев позже рассказывал на допросе, что атака на него велась из небольшой долины, недосягаемой для его пушек. Кавалерия стала отрезать бунтовщикам пути отхода. Им стало ясно, что все кончено. Тогда Овчинников сказал Пугачеву: «Уезжай, батюшка, штоб тебя не захватили, а дорога свободна и войсками не занета». Пугачев, «взяв с собою Почиталина» и еще трех казаков, «ис крепости поехал». Вскоре его заметили и царские «казаки хотя за ним версты с три и гналися. Но как у него и его товарищей кони были самые хорошие, то... догнать его не могли и отстали, а он прискакал прямо в Берду» [16, с. 208].

В крепости битва еще велась, и, наконец, царские войска по-

шли на решающий штурм, в ходе которого было убито 1315 пугачевцев. В своем рапорте Бибикову Голицын писал: «Я не ожидал таковой дерзости и распоряжения в таковых непросвещенных людях в военном ремесле, как есть сии побежденные бунтовщики» [18, т. II, с. 300–303].

Голицын преследовал отступавших более 10 верст, и впоследствии в этих местах было найдено 1180 убитых. В плен попало свыше 3000 бунтовщиков. Голицын потерял убитыми 3 офицеров и 138 нижних чинов, 19 офицеров и 500 нижних чинов было ранено. Пугачев лишился всей своей артиллерии – 36 пушек. Таким образом, первое столкновение бунтовщиков с крупным отрядом регулярной армии закончилось для первых плачевно.

26 марта Бибиков писал из Казани жене: «То-то жернов с сердца свалился» [68, с. 49]. В Петербурге праздновали победу; по случаю разгрома самозванца Коллегия иностранных дел даже подготовила для публикации за границей статью «Extrait d'une lettre de Pétersbourg à un comtoir de Hambourg». В письме 7 апреля Екатерина призналась, что после победы под Татищевой «гордящиеся сим разбоем ненавистники наши поубавят свое ликование».

«Куда ж нам теперь деватца?»

Разбитый Пугачев несколько дней находился в подавленном состоянии.

Ночью он созвал в Берде свою Военную коллегия и задал вопрос ее членам:

– И куда ж нам теперь деватца?

Шигаев и остальные ответили:

– Пойдем-де в обход, кругом на Яик через Сорочинскую крепость.

Собрали все, что было можно – около 5000 человек и 10 пушек, «оставшей же толпе, ...коей... из разных мест сошлось в Берду до пятидесяти тысяч, большою частию мужиков, – чтоб оне убирались, кто куда».

Разведчики, посланные в Сорочинскую крепость, сообщили, что в тех местах по дорогам рыщут лыжники Голицына. Пугачев поинтересовался у соратников:

– Ну, таперь куда пойдем?

Шигаев предложил:

– Таперь мы пойдем на Каргалу, а с Каргалы – в Сакмару.

– Ну, хорошо, а с Сакмары-та куда? – спросил Пугачев.

– Пойдем на Яик, а с Яику пойдем на Гурьев городок, – отве-

тили казаки.

Тогда он задал им вопрос:

– Да можно ли просидеть в Гурьеве-та, как придут войски?

– Отсидетца долго нельзя, – отвечали казаки. Яков Антипов заявил:

– Из Гурьева-де городка пойдем к Золотой Мечете.

– Да кто же нас туда проведет? – вопрошал Пугачев.

Антипов ответил:

– У нас есть такой человек, которой тамо бывал. И тамо-де хлеба много, зверя, ягод и рыбы много ж.

Пугачев молвил:

– Да я бы вас провел и на Кубань, да теперь как пройдешь? Крепости, мимо коих идти надобно, заняты, так не пропустят, а сверх того снега в степи, так никак невозможно итти⁵⁵.

Растерянность бунтовщиков

«Золотой Мечетью» народ называл далекую сказочную страну, царство изобилия, а для менее приземленных староверов это понятие символизировало идеальную Церковь. Кубань для казаков всегда, а для Пугачева, как мы знаем, еще недавно была обителью свободы: она принимала беглых. Итак, штаб бунтовщиков был в полной растерянности. Казалось, что все кончено. В это время Шигаев, Чумаков и еще несколько соратников Пугачева стали задумываться о выдаче его властям [65, с. 105–106].

Утром 23 марта Пугачев раздал соратникам всю свою казну – 4000 руб. медными монетами и спиртное, но когда люди бросились к винным бочкам, то приказал выбить у них днища. Оставив отказавшихся идти с ним, пьяных или решивших сдаться властям, Пугачев взял 2000 верных яицких казаков с 10 пушками; обоз вывезли ночью на множестве подвод.

Уход из Бердской слободы

Берду пришлось оставить, а осаду Оренбурга – снять. Но забрать с собой все имущество самозванец не мог. Изголодавшиеся горожане пришли в Берду за съестными припасами и нашли там 1700 руб. и 50 пушек с ядрами. Цена одного фунта хлеба в Оренбурге сразу упала с 40 коп. до 5 коп.

23 марта Пугачев двинулся в Переволоцкую крепость на Са-

⁵⁵ Этот рассказ основан на показаниях Пугачева [16, с. 208].

маре. Переночевав на одном хуторе, 24 марта он переехал на другой, уничтожил свой архив и вечером вернулся обратно. Кинзя пообещал привести ему через десять дней 10000 башкир. 26 марта Пугачев вошел в Каргалинскую слободу, где был радушно принят жителями и освободил арестованных бунтовщиков. Затем он занял Сакмарский городок, где к нему присоединились около сотни казаков, бежавших после поражения бунтовщиков. Творогов отправился с 1000 всадниками в набег на Берду, только что взятую Голицыным.

Сакмарский городок: сокрушительное поражение Пугачева

1 апреля в два часа ночи Голицын вышел из Бердской слободы, двинулся к Сакмарскому городку и разбил пугачевцев. Однако бунтовщикам удалось пробиться к реке Сакмаре между Каргалой и Сакмарским городком. В этот момент Голицын обрушил на бунтовщиков огонь своей артиллерии, обратив их в бегство, и затем преследовал 8 верст.

Новая пугачевская армия вновь была разгромлена, 2813 бунтовщиков попали в плен, а 400 были убиты. Были схвачены Шигеев, Почиталин, Горшков, Падуров. Хлопуша, уходя из Бердской слободы, заехал в Каргалы, чтобы забрать свою семью, но был там пойман татарин и доставлен в Оренбург [18, т. II, с. 379–387].

4 марта был освобожден Кунгур, снята осада Уфы и взят в плен Зарубин. Отчаявшиеся были защитники Яицкой крепости 14 апреля увидели бегство бунтовщиков. «Все это нас так ободрило, – рассказывал один из осажденных, – как будто мы съели по куску хлеба».

Весной по Яику поплыли тела павших. В эти дни, по словам Пушкина, можно было видеть казачку, которая «каждый день прибревши к берегу, пригребала палкою к себе мимо плывущие трупы, переворачивая их и приговаривая: – «Ты ли, Степушка, ты ли мое детище? Не твои ли черны кудри свежа вода моет?» Но видя, что это не он, тихо отталкивала тело и плакала» [69, с. 497].

Акт 4 ВРЕМЕННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

«Si le détachement de Votre Altesse, – писал Рейсдорп 24 марта 1774 г. князю Голицыну, поздравляя его с победой, – réussit de captiver Pougatschef, nous serons au comble de nos souhaits et les Baschkirs ne manqueront pas de chercher grâce»⁵⁶. Однако с осуществлением этой мечты пришлось повременить.

Новые люди

Несмотря на разгром Пугачева, положение народа не улучшилось, и это привело к возрождению его армии. Когда он зигзагами отступал к Казани, его войско составляли инородцы и заводские крестьяне; командовали ими Белобородов и башкиры Кинзя и Салават.

А правительство в те дни потеряло талантливого военачальника Бибикова, скончавшегося 9 апреля в Бузулуке от изнеможения. Его сменил не столь удачливый князь Щербатов, однако крупными карательными отрядами командовали опытейшие командиры – такие же энергичные, как и предводители мятежников, но обладавшие большими возможностями Голицын и Михельсон. Инициатива начала переходить в руки правительства.

Новые планы

Потерпев поражение в Сакмарском городке, Пугачев бежал с 100 яицких и илецких казаков, 100 заводских работников, 300 татар и башкир. На созванном им совете в деревне Ташлы Кинзя предложил уйти в горы и там набрать армию. 4 апреля пугачевским указом, полученным Белобородовым 9 числа в Верхних Кигах, недалеко от Верхнеуфимска, предписывалось «для укомплектования и распространения корпуса его величества» собрать русской, башкирской и марийской «...команды многотысячное число человек... для отправления в главную армию».

⁵⁶ «Если отряду вашего сиятельства удастся захватить в плен [sic] Пугачева, нам не останется желать ничего больше, и башкирцы не замедлят просить помилования» [68, с. 112].

Белобородов приказал башкирским старшинам Кунгурского уезда: «О сем объявите тамошних окольных жителей обывателям... с тем, чтоб они, кои доброго состояния, собрались к вам в команду без малейшаго замедления со всем конным прибором и орудиями, со обнадеживанием таковым, что они от его величества за ревность имеют получить достойную похвалу и без подлежащего удовольствия остатка не могут, а, напротив того, за непослушание поступлено будет по всей строгости законов неотменно и политической смерти не избежать без всякой пощады... У которых эстли обыщутца хорошие лошади, а казаков в команде не будет, у таковых тех лошадей обирать з запискою...» [64, с. 84–85, 90–91].

Мобилизация

Весь апрель Белобородов собирал новую армию. Было трудно: один из самых активных башкирских бунтовщиков, Канкаев, писал, что некоторые русские не хотят уходить с этих мест, а часть башкир поверила властям. Белобородов призывал продолжать борьбу. Его попытки наладить производство пороха окончились неудачно из-за приближения карателей. И все же он смог создать свою армию, установив в ней и даже в округе порядок. Так, на Саткинском заводе к нему прибыл бывший гвардейский унтер-офицер Голев, которого Пугачев назначил атаманом и направил на помощь Белобородову. Новоявленный атаман напился и стал издеваться над жителями. Белобородов Голева арестовал и отправил к Пугачеву, который его разжаловал [65, с. 329]. Пугачевский командир даже повесил одного мещеряка, уличенного в неуважении к отцу. Та же судьба ожидала человека, назвавшегося атаманом Катавского завода и выразившего желание присоединиться к бунтовщикам: выяснилось, что его подослали власти, чтобы уговорить Белобородова предать Пугачева.

Сам Пугачев побывал на Вознесенском и Авзянском заводах, а 13 апреля прибыл в Белорецкий завод и оставался там до самой Пасхи. 2 мая он приказал Белобородову идти в Магнитную крепость. Уходя в Магнитную, Пугачев сжег Белорецкий завод, и к радости башкир впервые повелел Салавату в Башкирии «все заводы выжечь». Это означало, что Пугачев решил покинуть эти места.

Совещание бунтовщиков

5 мая Магнитная встретила бунтовщиков орудийным огнем. И хотя у Пугачева не было ни одной пушки, а сам он был ранен в руку, на рассвете крепость пала: кто-то из ее защитников взорвал по-

роховые ящики. Коменданта с женой и священником повесили. В шатер к Пугачеву вошли вызванные им башкирские командиры. «На нем была парчевая бекеша, род казацкого троеклина, сапоги красные, шапка сделана из покровов церковных, пограбленных его приверженцами, большею частью раскольниками и яицкими казаками. Голос Пугачева несколько сипловат. Сам он речист и деятелен». В Магнитную подошли Овчинников и Белобородов.

Овчинников, ускользнув от преследователей, прошел от Оренбурга 300 верст с тремя сотнями яицких казаков через Бугуруслан и Бугульму. С Белобородовым было иначе.

Приказ Белобородову идти к Магнитной привез Шибаев, который на обратном пути стал совершать насилия в отношении простого населения. Узнав об этом, Белобородов приказал арестовать Шибаева. Однако тот написал Пугачеву, что Белобородов невинно расправился с ним, Голевым и еще одним пугачевцем (которого даже повесили), а также готовил заговор. Еще в Чебаркуле Белобородову пришлось доказывать свою невиновность, а в Магнитной у него даже изъяли личное оружие. И только когда он встретился с Шибаевым в присутствии Пугачева и на коленях поклялся в верности «Петру III», назвав его свои любимым отцом, ему поверили. Однако его отряд был поделен на две части: 300 человек передали Шибаеву, 400 досталось Белобородову. Эти новобранцы хорошо знали военное дело: по словам одного из пугачевских командиров, «мы издали увидели, как Пугачев со своими наездниками разъезжал по степи за крепостью. Он принял нас за неприятелей, потому что мы шли стройно; он так не ходил стройно, и послал узнать о приближающейся силе. Посланные донесли ему, что идут его полковники. Он подъехал к своим палаткам, поднял знамя и ждал дружины: мы преклонили ему свои знамена...» [34, с. 88].

Тактика выжженной земли

Согласно показаниям Пугачева, Белобородов привел к нему не 700, а 2000 человек. Возродившаяся бунташная армия вновь выступила в поход, сжигая за собой мосты, чтобы оторваться от царских карателей. Из Магнитной Пугачев двинулся вдоль верхне-яицких укреплений, по горам обошел Верхне-Яицкую крепость, где засел Деколонт, и поручил Белобородову взять Карагайскую – несколькими днями ранее почти весь ее гарнизон ушел в Верхне-Яицкую. Пугачевцы без труда взяли и сожгли Карагайскую, а затем Степную и Петропавловскую крепости, людей вешали, забирали пушки и порох, громили церкви, а на кострах из икон варили кашу.

Внезапно Пугачев перешел Яик, и, пройдя 150 верст на восток, 19 мая взял Троицкую крепость, захватил в ней кассу, казнил нескольких офицеров и вышел в поле биться с Деколонгом. Но в ходе сражения башкиры дрогнули и побежали. По словам Деколонга, пугачевцы в этом сражении потеряли 4000 убитыми и 28 орудий, у них было отбито более 3600 пленных, в том числе много женщин и детей. Сам Пугачев исчез.

Вскоре обнаружилось, что он движется к Кунгуру и по пути сжег Кичигинскую слободу. Михельсон разбил под Коельской крепостью 300 башкир, а на следующий день с помощью кавалеристов разгромил основную часть бунтовщиков. Но и на этот раз Пугачеву удалось спастись. Его войско потеряло 600 человек убитыми и около 400 взятыми в плен, преимущественно заводских крестьян, а также весь обоз, в котором была найдена голубая лента, которую самозванец надевал в торжественных случаях.

Под угрозой окружения правительственными войсками Пугачев 3 июня решился атаковать Михельсона, однако был вновь разбит, потеряв 400 человек убитыми. Но ему удалось собрать новое войско из башкир. Для привлечения на свою сторону населения Пугачев снова стал выпускать манифесты.

Новый секретарь Трофимов

В это время у Военной коллегии бунтовщиков появился новый секретарь – Иван Трофимов, принявший имя Алексея Дубровского. Он проявил себя как опытный организатор. О себе Трофимов рассказывал следующее: «...Орловской правинции, города Мценска купец Иван Стефанов сын Трофимов... сначала находился... при родителе моем..., которой... помре в 770-м году. После смерти которого вступил и я во услужение московского фабриканта и обер-директора [главный государственный интендант] Гусятникова, от которого послан был с товарищем в город Астрахань для взыскания по векселям денег, 11000 ру., по получении которых истрачено мною на свои мотовския нужды до 150 ру. Но как, по выезде обратно из Астрахани в Москву, убоясь я, именованы, за недостаток хозяйской суммы наказания, остался в городе Царицыне, яко-бы за болезнию, а сумму хозяйскую отпустил с моим товарищем.

А я, дав плату, поплыл на кашкурской кладной вверх по Волги до города Сызрану, от которого прошел пешком чрез Казань, Кунгур и Екатеринбург господина полковника Тимашева на винокуренные заводы, где и принят был... в работу и допущен был в кантору до письменных дел. И находясь на тех заводах не болея десяти

месяцов, бежал (не учиняя никаких пакостей) тульского купца Лугина на железной завод, называемой Златоустинской, и на оном принят был в работу» [65, с. 220–221]. Затем он попал к башкирам, а те через несколько месяцев передали его пугачевцам. В Берде Трофимовал приняли в казаки, и с тех пор он участвовал в бунте. С июня 1774 г. его подпись «Алексей Дубровский» стояла под всеми указами Военной коллегии.

«Петр III» сообщил башкирам в манифестах, что направляется в Уфу на встречу со своим сыном Павлом, который ведет с собой сорокатысячное войско; башкирским командирам раздавались звания генералов и полковников и дарились кармазинные кафтаны с золотым позументом.

В манифестах к русским, «кои помнят долг свой к нам присяги», обещалось, кроме всего прочего, даровать их «вольностью, без всякаго требования в казну подушных и прочих податей и рекрутов набору, коими казна сама собою довольствоваться может, а войско наше из вольножелающих к службе нашей великое исчислением иметь будет. Сверх того, в России дворянство крестьян своих великими работами и податями отягощать не будет, понеже каждый возчувствует прописанную вольность и свободу» [18, т. III, с. 53].

Поход в Прикамье

Тем временем армия Пугачева двигалась на запад, в Прикамье и Казань, уходя от князя Голицына, все еще стоявшего под Уфой, и Михельсона, которому было предписано «иметь только его одного своим предметом, не допуская не только внедриться в Кунгурский уезд или обратиться в екатеринбургское ведомство...». Но, несмотря на постоянные напоминания казанского губернатора фон Брандта, Прикамье было защищено плохо.

12 июня Белобородов разбил под Красноуфимском и затем преследовал почти 30 верст отряд подполковника Папава. Повстанцы поразили этого кадрового офицера одной деталью: «Пороху у них столь довольно много, что у убитых оставалось патронов по 15, и сверх того, в мешочке у каждого было особливо по полфунта». Папав вернулся в Кунгур и, таким образом, правый фланг бунтовщиков оказался в безопасности.

Для защиты своего левого фланга Пугачев поручил Салавату взять Бирскую крепость, расположенную в низовьях Белой, а сам прошел через Тулву – последний пункт, за которым находилась Оса, открывавшая путь на Казань. В начале июля Осу окружили башкиры. Незадолго до этого ее гарнизон получил с Рождественского за-

вода подкрепление – команду капитана Смирнова. Всего город обороняли 1100 человек и 13 орудий.

Подтвержденный самозванец

Именно в эти дни Пугачев встретил купца Долгополова, когда поставлявшего фураж в конюшни великого князя Петра Федоровича в Ораниенбауме. Разорившись, он решил поправить свои дела при помощи «Петра III», и при этом купцу было не важно, царь тот или нет. Пугачев, видимо, заранее предупрежденный о приезде Долгополова, решил воспользоваться этим. Он принял купца в присутствии Овчинникова, Перфильева, Творогова и других своих соратников. Долгополов рассказал Пугачеву о своих нынешних несчастьях и преподнес ему подарок якобы от сына, великого князя Павла Петровича, который будто бы послал купца к «Его Величеству», чтобы убедиться, на самом ли деле это его отец. «Узнал ли ты меня?» – спросил у гостя Пугачев. «Как не узнать! Вы жаловали меня вот этим зипуном и шапкою!» – не растерялся Долгополов. – Вы, господа казаки, – повернулся он к приближенным Пугачева, – не сомневайтесь! Он – подлинно государь Петр Федорович». Тогда все выпили за здоровье императора, императрицы Устиньи, царевича Павла и его «невесты» Натальи. Разумеется, об этом визите сообщили всем [18, т. III, с. 64–67; 66, с. 146–147].

Гвардии сержант

На следующий день, 18 июня, пугачевцы предприняли штурм Осы. Ее защитники при этом потеряли одну пушку, а 80 их ушли к Пугачеву. Тогда осинцы заперлись в маленькой городской крепости и стали поливать оттуда нападавших кипящей смолой и маслом. На следующий день комендант крепости вновь отверг требование бунтовщиков сдаться. Тогда Белобородов предложил навалить на возы сено, солому и бересту, под их прикрытием подойти близко к деревянным стенам крепости, поджечь ее и начать штурм. Пугачев с этим согласился, но сначала еще раз предложил коменданту сложить оружие. Тот, зная о настроениях гарнизона и жителей насчет Пугачева, стал колебаться. Осажденные решили послать в лагерь бунтовщиков доверенное лицо – отставного гвардии сержанта, чтобы выяснить, похож ли их «государь» на того Петра III, которого этот офицер знал лично.

Сценарий этой встречи заранее не оговаривался. Пугачев, как всегда уверенный в себе, блестяще сыграл роль «императора»: «переодевшись в простое казачье платье и поставя в ряд казаков

человек с двадцать, стал сам между ними и приказал привести посланца из крепости. Как же сей приведен был и сказано ему было, чтоб он узнавал из представленной шеренги государя, то он, смотря порознь на каждого, наконец, устал глаза свои прямо на злодея и смотрел пристально». «Что, старик, узнаешь ли ты меня?» – спросил Пугачев сержанта. «Бог знает, – отвечал он, – как теперь узнаешь. В то время был ты помоложе и без бороды, а теперь в бороде и постарее». «Смотри, дедушка, хорошенько, узнавай, коли помнишь». Сержант долго вглядывался в лицо Пугачева. «Мне кажется, – сказал он, – что Вы походите на государя». «Ну, так поди, дедушка, и скажи своим, чтоб не противились мне, а то ведь я всех вас предаю смерти» [65, с. 148].

Взятие Осы

Между тем военный командир города был за то, чтобы сдаться, а воевода хотел продолжать сопротивление. Прошел еще один день. Утром 20 июня к крепости стали приближаться нагруженные горячим материалом возы. Осажденные закричали: «Дайте нам сроку до завтра посоветоваться, мы сдадимся без драки». Командир отправил к Пугачеву парламентаря, чтобы добиться гарантии своей жизни. Ему было обещано сохранить не только жизнь, но и власть, но с условием, чтобы защитники сложили оружие и вышли в поле.

Утром 21 июня под колокольный звон ворота открылись. Жители и войско вместе с воеводой и военным командиром вышли и преклонили колени перед «Петром III». Пугачев вернул командиру его шпагу со словами: «Бог и государь тебя прощает», и назначил его полковником «Казанского полка», сформированного из осинского гарнизона. Солдат привели к присяге, им остригли волосы и одели по-казацки. Забрав все ружья и 8 пушек, Пугачев сжег Осу.

Пугачев приказал башкирам выставить в поход с каждой избы по одному человеку, а если в доме было трое мужчин – то по двое, «дабы во время проезда самого государя была команда больше и тем бы показалась красива».

Утром 22 июня он двинулся к Рождественскому заводу и встал лагерем на берегу Камы. Заводские крестьяне из близлежащих деревень стали готовить коломенки⁵⁷ для переправы войска через реку. В этот же день подпоручик Минеев донес Пугачеву, что недавно назначенный полковник «Казанского полка» и капитан

⁵⁷ <Коломенка – речное судно>.

Смирнов решили дать знать казанскому губернатору о слабости бунташной армии. Пугачев полковника и Смирнова повесил, а Минеева произвел в полковники.

23 июня пугачевцы переправились через Каму.

27 июня они захватили и сожгли Воткинский завод, а затем взяли Ижевский завод. Заводские крестьяне и жители соседних деревень, как обычно, вливались в пугачевское войско. 29 июня «Петр III» праздновал свое тезоименитство.

Теперь у него было около 7000 человек и 12 орудий. Во всем Прикамье имелись его сторонники. Они захватывали коломенки, разоряли деревни и забирали людей под Казань. Как позднее показывал на следствии казак Петр Пустобаев, «и по всему сему тракту по деревням татары и черемисы шли к самозванцу большою частию самопроизвольно и побуждали к тому по деревням разосланные от него, Пугачова, с указами татара» [65, с. 226]. Под Казанью у Пугачева была двенадцатитысячная разноплеменная масса, но опытных воинов в ней было мало.

У стен Казани

Город начал готовиться к обороне накануне прихода пугачевцев. На 15 верст он был обнесен рогатками, оснащен 9 артиллерийскими батареями (правда, по 1 орудию в каждой). Из-за отсутствия в городе гарнизона его обороняли наспех обученные отряды из мещан, дворовых и гимназистов. Командир одного из четырех участков обороны генерал Ларионов сомневался, что Казань выстоит. Лишь Кремль, расположенный на северо-западной окраине города и возвышавшийся над р. Казанкой, мог продержаться достаточно долго. Кроме того, численность защитников в результате отправки солдат на борьбу с бунтовщиками сократилась до 800 человек.

Пугачев стоял на Арском поле – обширной пустоши к востоку от города, ранее являвшейся местом стычек татар с русскими, а позже использовавшейся для торговли Европы с Востоком. Утром 12 июля пугачевцы пошли на штурм города. В наступлении участвовали даже безоружные бунтовщики: они подбадривали своих криками. Под прикрытием возов с сеном отряды Белобородова и Минеева заняли рощу и отдельные избы вдоль Сибирского тракта, окружили неосмотрительно поставленную кем-то сюда команду из 80 человек и 2 орудий, отбросили гимназистов и захватили оружейные батареи. Единственная пушка, имевшаяся у защитников Суконной слободы, взорвалась при первом же выстреле. Пугачевцы отовсюду хлынули в город; жители, охваченные паникой, бро-

сились в кремль, многие перешли на сторону Пугачева и вместе с бунтовщиками предались грабежу домов знати.

Город в огне

Победители освободили из городской тюрьмы узников, среди которых Пугачев узнал отшельника Филарета и – к радости ли? – свою законную жену Софью, одиннадцатилетнего сына Трофима, двух дочерей – Агриппину⁵⁸ и Христину. После исчезновения мужа Софья продала дом и жила с детьми на подаяние соседей, а затем была арестована и доставлена в Казань. Увидев своего отца, Трофим закричал: «Матушка, смотри-тка, батюшка меж казаков ездит!» Пугачев не растерялся: он сказал окружающим его казакам, что матерью этого мальчика была «жена друга моего Емельяна Пугачева, который замучен за меня в тюрьме под розыском. Помня мужа ея мне одолжение, я не оставляю ее» [18, т. III, с. 101]. Он действительно привел ее и детей в лагерь и окружил их заботой.

Город был сожжен, причем пожар усиливался сильным ветром. Кремль же продолжал сопротивление. Пугачев не стал тушить огонь и в полдень увел свое войско в лагерь. Вечером на Арском поле торжественно праздновали победу.

Михельсон с отрядом из 800 человек почти без отдыха двигался к Каме, чтобы перейти ее до подхода Пугачева. Но ряд обстоятельств, в частности, отсутствие переправочных средств, задержали его. Вечером 11 июля он еще находился в 65 верстах от Казани. На следующий день он понял, что Казань взята: «Великий дым, – писал Михельсон в своем рапорте, – который ежечасно умножался, мне довольным был доказательством». Вечером он подошел к городу. Пугачев был готов к сражению.

Второе поражение бунтовщиков

Несмотря на крайнюю усталость своего отряда, Михельсон решил нанести удар по центру противника, чтобы рассеять его армию пополам, а затем уничтожить ее части по отдельности.

«Злодеи, – сообщал Михельсон, – меня с великим криком и с такою пушечною и ружейною стрельбою картечами встретили, какой я, будучи против разных неприятелей, редко видывал и от сих варваров не ожидал». Ему удалось рассеять войско пугачевцев

⁵⁸ <П. Паскаль ошибается: эту дочь Е. И. Пугачева звали Аграфеной>.

надвое и затем уничтожить обе части поодиночке. После пятичасового боя 800 бунтовщиков было убито, 737 взято в плен. Михельсон потерял 23 человека убитыми и 37 ранеными.

Пугачев отошел на 20 верст за Казанку, и стал там приводить свою армию в порядок. Поддержанный крестьянами, он 15 июля вновь бросился в бой и разбил отряд из 200 человек, шедший ему во фланг. Но тут подоспел Михельсон. В ходе четырехчасовой битвы малочисленному правительственному отряду благодаря упорству и огневой мощи вновь удалось одержать победу. Пугачев потерял 2000 убитых и раненых, 5000 взятых в плен, 9 пушек (это была вся его артиллерия). Позднее Михельсон захватил еще около 10000 пленных, которых пришлось отпустить по домам, ибо «по великому числу их все наказаны быть не могли» [18, т. III, с. 100–101], а чтобы по пути они «не могли сделать никаких насильств и грабежей», им выдали по 15 коп. на человека.

Белобородов скрылся в Казани, однако был опознан и 19 июля арестован. За Пугачевым и его семьей гнались 30 верст, но он исчез в лесах.

Уже почти победа

Власти ликовали. Михельсон получил звание полковника и 600 душ крестьян в Полоцкой провинции. Его офицерам было там же роздано 3146 крепостных. Известный богач Прокофий Демидов послал Михельсону «презент» в знак благодарности за срыв планов Пугачева «придти в царство Московское... Приношу наивящую мою с презентом благодарность и покорно прошу принять во знак моего усердия, что дал мне жизнь и прочим московским мещанам от убиения собственных наших людей, которые, слышав его злодейския прелести, многие прихода его ожидали и жадно разорять, убивать и грабить дома господ своих желали...». Об этой тревоге почти в тех же самых выражениях пишет и мелкопоместный дворянин Болотов, в июле находившийся в Москве: «Вся подлость и чернь, а особливо все холопство и наши слуги когда не въявь, так втайне сердцами своими были злодею сему преданы...» [3, с. 143].

Вот каким был страх! Однако такого ощущения победы над бунтовщиками, как в апреле, не было: люди знали – Пугачев еще жив, а потому опасен.

Акт 5 **МЯТЕЖ КРЕПОСТНЫХ**

Побежденный, но не добытый, Пугачев поднялся на сотню километров по левобережью Волги. Стремительной башкирской конницы у него уже не было («Ночью башкирцы, сколько ни было, все от меня ушли в Урал, остался только один старшина Кинджа» [17, с. 34]), но оставались еще 300 яицких казаков, и он знал, что куда ни пойдет – на Нижний Новгород или через Волгу на Дон, везде к нему примкнут угнетенные инородцы и русские.

Поход на Дон

Нижний Новгород лежал на пути к Москве, где народ уже готовился к погромам «бояр» – как в 1771 г. – и дворяне дрожали от страха. Однако здесь Московский тракт хорошо оборонялся, что для ослабленного войска Пугачева было опасно.

Но если спуститься по Волге вниз, то можно было бы выиграть время, собрать новую армию и поднять донских казаков. Своему окружению, мечтавшему о походе на Москву, «Петр III» говорил: «Нет, детушки, нельзя! Потерпите! Не пришло еще мое время! А когда будет, так я и сам без вашего зову пойду. Но я де теперь намерен идти на Дон, – меня тамо некоторые знают и примут с радостью» [65, с. 150, 222].

17 июля 400 пугачевцев на лодках и лошадях переправились через Волгу чуть ниже села Сундырь. Один их отряд пошел в чувашские деревни и помещичьи владения, а другой, во главе с Пугачевым, направился к Чебоксарам.

Манифест к крепостным

В эти дни Пугачев издал манифест, открывший новый этап в истории бунта. Самая ранняя копия этого документа датируется 18 июля, позднейшая – 31 июля:

«Божиею милостию мы, Петр третий, император и самодержец всероссийский и протчая, и протчая, и протчая.

Обевляется во всенародное известие.

Жалуем сим имянным указом с монаршим и отеческим нашим

милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне, и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, волностию и свободою и вечно козаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без аброку и свободою всех прежде чинимых от злодеев дворян и градских мздоимцов-судей крестьяном и всему народу налагаемых податей и отягощений. И желаем вам спасения душ и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от прописанных злодеев-дворян странствие и немалыя бедствия. А как ныне имя наше властию всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим имянным указом: кои прежде были дворяне в своих помест(иях) и водчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и раззорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступить равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблении которых противников и злодеев-дворян, всякой может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатся будет.

Петр» [64, с. 40–41].

Несколько идеализируя бунтовщиков, советские историки склонны видеть в этом документе целую программу действий: планы отмены крепостного права, уничтожения аристократии, равенства всех перед законом, упразднения рекрутчины и налогов, общего использования природных ресурсов. Недостатков в этом манифесте было больше, чем достоинств, однако крепостные воспринимали его как призыв к их освобождению. Шайки крестьян Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов грабили усадьбы и убивали помещиков. Черемисы и чуваша в основном разоряли церкви и расправлялись со священниками.

Жалобы инородцев

Теперь Пугачев шел по землям, населенным тюрками и финнами, точнее их смесью, в силу чего говорить о доминировании последовательно с севера на юг татар, черемисов, чувашей и мордвы можно лишь условно. Все они в разное время попали под власть русского царя, но еще помнили о своих свободах. Приравненные к дворцовым крестьянам, они платили подушную подать и ясак, равный крестьянскому оброку, и жаловались на увеличение его в 1768 г. с 1 руб. до 2 и 3 руб. Эти народы постепенно вытеснялись со

своих земель, где уже составляли треть населения. Вырубка лесов вела к сокращению их охотничьих угодий и упадку собирательства (в том числе бортничества). Несмотря на запреты, крупные русские помещики путем различных махинаций лишали нерусское население пахотных земель.

В наказе в екатерининскую Уложенную комиссию в 1767 г. новокрещенные мордва и чуваша Пензенского, Саранского и Петровского уездов жаловались, что русские помещики их «с места сбили, усильством же построили мельницы и винокуренные заводы. А мы бедные, яко безгласные, принуждены земли наймовать». Пользуясь поддержкой своих господ, их притесняли даже русские крестьяне.

Но особое возмущение инородцев-язычников вызывали привилегии крещеным: «Как... все бывшие из мурз мордва восприняли крещение, – жаловались мурзы одной мордовской деревни Пензенского уезда, – и ту нашу купленную землю и всякия угодьи отняли...». Пензенские и саранские татары жаловались на то, что им не разрешают построить мечеть вместо разрушенной по указу 1743 г., хотя вокруг имелось примерно 200 мусульман, и требовали, чтобы принявших православие перевели в одну из русских или новокрещенных деревень, – то есть просили вернуть порядки, существовавшие до 1743 г. [83, с. 329, 337, 442] Эти жалобы лишь частично отражали ненависть, вспыхнувшую между колонизаторами и насильственно крещеными инородцами после прихода сюда Пугачева.

Усиление крепостничества

Благодаря активно поощряемой государством колонизации Поволжья после завоевания Иваном Грозным Казанского и Астраханского ханств сюда хлынул поток крепостных. С середины XVIII в. он усилился благодаря трем обстоятельствам. Во-первых, «Манифест о даровании вольности российскому дворянству», подписанный Петром III 18 февраля 1762 г., освободил дворян от обязательной службы государству и разрешал им вернуться в свои имения. Во-вторых, таможенный тариф, принятый 23 сентября 1766 г., позволил вывозить зерно за границу, а, в-третьих, оно дорожало. Поэтому после 1762 г. множество дворян, получив свободу, занялось сельским хозяйством. В 1740 г. в Среднем Поволжье крепостные составляли примерно ту же долю сельского населения, что и в центральной России: 46% (а в Нижегородской и Пензенской провинциях – даже 75%) [35, с. 403].

Итак, в XVIII в. условия жизни крепостных постоянно ухудша-

лись. В 1724 г. им было запрещено даже на время покидать своих помещиков без письменного согласия последних, в 1730 г. – запрещено иметь недвижимое имущество, а в 1731 г. – брать деньги в долг и выступать гарантом третьих лиц без разрешения господ **[84, с. 124–351]**.

После 1760 г. права крепостных крестьян еще больше ограничиваются. 13 декабря 1760 г. «понеже в Сибирской губернии и Иркутской провинции, в Нерчинском уезде, состоят к поселению и хлебопашеству весьма удобные места, которых к заселению государственный интерес требует, того ради Правительствующий сенат приказали: публиковать во всем государстве печатными указами: 1) Кто из помещиков пожелает своих людей и крестьян, также и женск пол, которые, вместо должных по своим знаниям услуг, воровством, пьянством и прочими непристойными предерзостными поступками, многие вред, разорения, убытки и беспокойства приключают, и другим, подобным себе, наивящие к таким вредным поступкам примеры подают, таковых за оные непотребства, однако ж годных к крестьянской и другой работе, летами не старше 45 лет, отдавать к объявленному поселению, коих для помянутого отравления в Сибирь, принимать по заручным доношениям, от самих помещиков, или от их поверенных,... а помещикам и их поверенным давать для зачета в будущие наборы в рекруты надлежащие квитанции» **[56, № 11216]**.

Бесправные

В декабре 1762 г. Сенат постановил: крестьян Евдокима Демидова, жаловавшихся на притеснения хозяина и работу сверх меры, подвергнуть наказанию, ибо это были его крепостные и он мог делать с ними все, что угодно **[84, с. 292, прим. 3]**.

Согласно указу от 17 января 1765 г., «буде кто из помещиков людей своих по предерзостному состоянию заслуживающих справедливого наказания отдавать пожелает для лучшего воздержания в каторжную работу, таковых Адмиралтейской коллегии принимать и употреблять в тяжкую работу на такое время, сколько помещики их захотят, и во всю ту... в работе бытность довольствоваться пищею и одеждою из казны равно с каторжными» **[57, № 12311]**.

Дополнительно указом от 22 августа 1767 г. предписывалось: «когда кто не из дворян и не имеющих чинов осмелится высочайшую ее вел. особу подачею в собственные руки челобитен утруждать: то за первое дерзновение отсылать таковых в работу на катор-

гу на месяц; за второе, с наказанием публично, отсылать туда же на год, возвращая оных по прошествии срока на прежние жилища; а за третье преступление с наказанием публично плетью ссылатъ вечно в Нерчинск, с зачетом крепостных помешикам их в рекруты». Этот указ следовало целый месяц зачитывать в церквях по воскресеньям и в праздничные дни, а затем ежегодно повторять в период храмовых праздников [57, № 12966].

Таким образом, крепостные лишились права даже жаловаться на своего господина, вне зависимости от того, являлись ли они безземельными или крестьянами: первые были в полной зависимости от прихоти хозяев и их родни, вторые нещадно эксплуатировались в качестве источника дохода. Об этом сохранилось огромное количество источников [84, с. 124–351].

Кодекс жестокости

В то время крупные помещики, стремившиеся к образцовой организации своего хозяйства, в подражание царям и королям издавали в своих имениях своеобразные указы. Так, в «Журнале» одного помещика давались следующие распоряжения его приказчику: «№ 410. Нашему человеку Ивану Владимирову нами приказано было, чтоб окорока свиные оба сделать на буженину с чесноком, а он один сделал с чесноком, другой с луком, а нами велено лопатку с луком сделать, и он приказу нашего не исполнил, за что вычесть у него в будущей 764 год из положенного жалованья рубль...

№ 417. Впредь, ежели кто из людей наших высечетца плетью на дровнях, дано будет сто ударов, а розгами дано будет семнадцать тысяч, таковым более одной недели лежать не давать; а которым дано будет плетью по полусотне, а розгами по десяти тысяч, таковым более полунедели лежать не давать же; а кто сверх того пролежит более, за те дни не давать им всего хлеба, столового запаса и указного всего же; да из жалованья, что на те дни причтетца, вычитать без упущения...

№ 434. Дворовым нашим людям, которые имеются в Москве отпущенные на оброк и в науке, чтоб конечно все по воскресным дням в нашем доме явились, а ежели который хотя один день явкою пропустит, таковых сечь розгами, давая за каждый пропуск по тысячи раз нещадно.

№ 446. Впредь всегда нашим людям говеть... и причащаться всех принуждать всякой год без пропуска. А ежели кто которой год не будет говеть, того плетью, а которые не причастятся, тех сечь

розгами, давая по пяти тысяч раз, нещадно...

№ 468. Впредь Феклу Яковлеву именем и отчеством не звать никому, а звать ее всем трусихой и лживицей; а ежели кто именем и отчеством назовет, того сечь розгами, давая по пяти тысяч раз нещадно».

Наказание за проступки часто было одним – кнут [99, с. 226–277]. Речь в процитированном документе идет о дворовых, но в их число по прихоти помещика мог попасть любой крепостной и члены его семьи.

Оброк или барщина?

Крепостной крестьянин обязан был платить оброк или отрабатывать барщину. В первом случае он обладал некоторой свободой, ибо зарабатывал вне поместья сумму оброка, установленную хозяином в соответствии с местными нормами. С 1750-х по 1770-е гг. средний размер оброка возрос с 1–1,5 руб. до 2–4 руб. (в Нижегородских вотчинах Шереметьевых – с 1,5 руб. в 1750 г. до 3,4 руб. в 1763 г.). Если помещик считал, что барщина более выгодна, чем оброк, он принуждал к ней всех или почти всех своих крестьян, расширял барскую запашку за счет общинных земель и увеличивал время отработки. Он даже мог отнять у крестьян их землю и целиком заставить работать на себя, обеспечивая их питанием. Так, в Казанской губернии барщина часто составляла 4–5 дней в неделю [36, с. 313–316].

Беглые и разбойники

В ответ на это крепостные обычно убегали от помещиков к менее суровому хозяину или, подобно своим предкам, переселившись на Волгу, уходили на восток. На крупнейшей реке России нелегально проживали рыбаки, владельцы речных суденышек, бурлаки и грузчики. В Заволжье находились Иргиз и двое Узеней с их бескрайними пространствами. Воеводские конторы были завалены жалобами помещиков на тех, кто укрывал их крепостных, причем часто это были помещики соседних губерний, несмотря на грозные указы, отказывавшиеся возвращать людей. «Нередко случалось, что владельцы сами и их люди и крестьяне оных беглых на судах опознавали, но, по недаче от разных правительств для выемки оных команд, те беглые оставались на тех судах, и владельцы без всякаго удовольствия и сверх того лишались своих людей и крестьян» [82, с. 11].

Пензенские дворяне жаловались на засилье разбойников: «И

при тех разбоях, более по предводительствам беглых от помещиков людей и крестьян, кого из тех помещиков в домах своих застанут, мучат злодейски, путают, жгут огнем, режут и на части разрубают и прочими безчеловечными мучениями людей, а особливо дворянство умерщвляют; а наконец дома их и с жительствы выжигают, что почти ежегодно в здешней провинции происходит». В Шацком уезде с 1769 г. орудовали 60 разбойников, которых никак не удавалось изловить; их вожак Рощин позже присоединится к Пугачеву и продолжит борьбу даже после его пленения. Такой же отряд, состоявший из беглых крепостных и дворовых, солдат-дезертиров и скрывавшихся от рекрутчины лиц, действовал в 1771 г. на Волге; по крайней мере один из его участников оказался в отряде Богомолова [36, с. 354, 369–370].

Кроме побегов и разбоя крепостные нередко прибегали к убийству помещиков (например, генерала Леонтьева в 1769 г. с последующим арестом 23 человек, что «на всех страх навело из живущих в деревнях» Тульской провинции). Князь Щербатов в своих «Размышлениях о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям или сделать собственность имений» отмечает, что 1767 г. «примечателен в России убиением многого числа господ от их подданных» [84, с. 53; 101, с. 98–99]. А Екатерина дополнила слова своего придворного поэта Сумарокова, что «ныне помещики живут покойно в вотчинах», фразой – «и бывают отчасти зарезаны от своих» [84, с. 346; 81, с. 86].

Бунты крепостных

Наконец, если побег от помещика или его убийство были лишь актом отчаяния крепостных, то бунт являлся уже более энергичной формой протеста. С 1762 по 1769 гг. в центральной России и Поволжье произошло 53 локальных волнения крепостных крестьян. Обычно в них участвовали дворцовые крестьяне, незадолго до этого подаренные императрицей своим фаворитам и ставшие теперь крепостными. Они по-прежнему считали, что «мы-де не Шереметьева, а государевы...», и в первую очередь стремились уничтожить документы, от которых, по их мнению, зависела их неволя. Часто бунт распространялся в соседние уезды, на 10–20 деревень. Крестьяне захватывали или сжигали помещичью усадьбу [111, р. 23, note 4; 36, с. 375–393], расправлялись с приказчиком, который к требованиям находившегося вдали господина добавлял

свои собственные [111, с. 64–73⁵⁹].

Поскольку угрозы на бунтовщиков не действовали, помещики и приказчики вызывали войска. Иногда дело доходило до настоящих сражений. Так, в 1768 г. в Симбирской провинции в ходе подавления бунта крепостных Долгорукова, проданных помещице Кротковой, крестьяне сумели отобрать у солдат 11 ружей и властям пришлось дополнительно вызывать целый армейский батальон.

В 1765 г. в Пензенской провинции в ходе крупнейшего бунта тех лет одна сторона применила артиллерию, а другая – стрелы, рогатины, кистени и изготовленные из захваченного господского железа разнообразные пики, алебарды и гарпуны для стаскивания всадников с лошадей и огнестрельное оружие. Крестьяне поклялись перед священником умереть, но больше не принадлежать своему помещику. Их поддерживали все окрестные деревни. Через год и один месяц городок и усадьба были сожжены, уцелевшие с имуществом и скотом ушли в леса.

В этих бунтах богатые крестьяне выступали на стороне бедных, ибо крепостное право мешало им вести дела. У всех категорий крестьян имелся один общий враг – помещик, а в крупных поместьях – еще и приказчик с конторой [36, с. 386–388].

Народ – с Пугачевым

Таковы были причины молниеносного успеха Пугачева в финале его карьеры на территории, заселенной в основном инородцами и крепостными. Одна из армий закрыла ему дорогу на Нижний Новгород и Москву, вторая – на Дон, третья – на Яик, а четвертая шла по пятам, отставая всего на 2–3 дня. Пугачев бежал, а его сподвижники уже начали замышлять заговор, но его бегство, как писал Державин, «казалось нашествием. Никогда успехи его не были ужаснее, никогда мятеж не свирепствовал с такою силою. Возмущение переходило от одной деревни к другой; от провинции к провинции»⁶⁰. Вплоть до самого конца толпа верила в Пугачева, а сильные мира сего испытывали перед ним ужас.

Болотов, который в начале августа находился в своем тульском имении и получил приказ отправить в армию по два человека от 100 душ крепостных, был охвачен страхом. Собрав отряд, он призвал его храбро сражаться с бунтовщиками и, обращаясь к одному

⁵⁹ Превосходные данные об управляющих.

⁶⁰ Цит. по [98, с. 42–43] <П. Паскаль ошибается – эта цитата принадлежит не Державину, а А. С. Пушкину [68, с. 69]>.

из будущих уланов, сказал: «Вот этакому как бы не драться, один десятерых может убить». На что тот со злой усмешкой ответил: «Стал бы я бить свою братию? А разве вас, бояр, так готов буду десятерых посадить на копьё сие!». Болотов удовлетворенно отмечает, что он вскоре сурово наказал своего крепостного за эти слова [3, с. 172].

При приближении своего освободителя восстали не только туземцы, крестьяне и дворовые. Как признавался Державин, «весь черный народ был за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты, и архиереи... Класс приказных и чиновников был еще малочислен и решительно принадлежал простому народу. То же можно сказать и о выслужившихся из солдат офицерах. Множество их сих последних были в шайках Пугачева» [98, с. 59]⁶¹.

Долгий переход

Пугачев ушел от Волги и послал в Цивильск казака Чумакова взять там годных лошадей. Тот разграбил город, повесил воеводу, его жену и еще несколько человек. Когда туда прибыл сам Пугачев, то жители его спросили, зачем он казнил людей, которые ему не сопротивлялись. Тот ответил, что не давал такого приказа, но сейчас уже поздно жалеть об этом. Перед отъездом он распорядился заporоть насмерть двух священников, на которых пожаловался один чувашин [18, т. III, с. 114; 65, с. 396]. Затем он обошел небольшой городок Ядрин, часть чувашей отделилась от него, но была разбита, а взятые в плен подвергнуты жестоким истязаниям.

Пугачев поднимался вверх по Суре, которая текла почти параллельно Волге.

20 июля в Курмыше его хлебом-солью встречали два священника, купцы и простой народ. Был оглашен манифест и организовано принятие присяги Петру III, его супруге Устинье и сыну Павлу. Казаки разорили город, забрали оружие со склада, повесили несколько человек, вылили казенное вино, раздали соль, а затем ушли, взяв с собой 60 добровольцев. Теперь так будет всегда. По жалобам черемисских и мордовских крестьян Пугачев вешал русских священников. На одном из островов Суры, по словам бывшего заводского служащего Верхоланцева, примкнувшего к Белобородову, спрятались 200 вооруженных «бояр» с женами и детьми.

⁶¹ <П. Паскаль опять ошибается, указанная цитата принадлежит А. С. Пушкину [67, с. 375]>.

«Завидев нас, крепостные люди связали их и выдали нам: их кололи пиками, а младенцев о землю хлестали» [70, с. 218].

Алатырский воевода, узнав, что у Пугачева более 2000 человек, бежал и распустил 200 своих людей. В ямской слободе «царя» встречали стоя на коленях, с крестами и образами. Жителям Алатыря был зачитан манифест, затем последовало целование руки. Пугачев распорядился раздать народу медные деньги, захваченные бунтовщиками. Бургомистру приказали бесплатно выдать народу соль и освободить из тюрьмы 49 колодников. Тут самозванцу пришла в голову одна мысль. Он спросил, есть ли в городе чеканщики монеты. Их «тот час и привели, — сообщил он позже в своих показаниях, — и один з женою, другой без жены. Как оне пришли к нему уже в стан, то он им, показав рублевик Петра Перваго, говорил: могут ли они этакие делать, с ушками? И оные сказали: могут. И он же, Емелька, спросил их, указав на свою рожу [так записал писарь]: «А такой потрет, как я, можете ли делать?» И оне сказали: «У насде штемпелей нет, так-де зделать такова, как вы, не можем». Тогда он приказал приделать к монетам ушки и раздать их как медали; всего их было роздано около 20. В течение двух дней, проведенных Пугачевым в Алатыре, крестьяне приводили ему своих помещиков, которых сразу же вешали; всего было казнено 12 человек. Всех крестьян, пришедших с лошадьё, Пугачев забирал в свою армию, пеших же отсылал обратно [16, с. 215–216]. Они создавали многочисленные шайки, вооруженные серпами, рогатками и дубинами. Не входя в состав армии бунтовщиков, они являлись ее флангами, прикрывая отход Пугачева.

Из одного села Алатырского уезда Пугачев получил следующее послание: «Покорно просим Вас, милостливаго государя Петра Федоровича, чтоб нам изволили показать, на каком быть основании, что нам делать мы не знаем, но хоша и была присланная от вас, государь, команда, однако никакого определения нам не объявила. А ныне у нас в вотчине имеется господский хлеб, лошади и скот, и что вы, государь, об оном изволите приказать; такожь и что оставшее в доме господском после вашей команды на оное просим у вас, великаго государя, милостиваго приказания. Еще просим у вас, великаго государя, на крестьян села Верхняго-Талызина, которые были во владении с нами одного помещика. Оные крестьяне были на оброке, а мы сеяли на их земле хлеб господский... а ныне оные крестьяне такой господский посеянный нами хлеб нам не дают... О сем просим вас, великаго государя, учинить решение. Однако в вотчине нашей, милостивый государь, много таких, которые и пропитания у себя не имеют, не только какия подати платить, а

просят из милосердия у вас, великаго государя, чтоб повелено было из господскаго хлеба нам дать на пропитание и осемениться, за что мы, сироты ваши, должны вечно Бога молить за ваше здравие, великаго государя» [18, т. III, с. 112–114].

Вступление в Саранск

На подходе к Саранску Пугачев отправил вперед Чумакова с 30 казаками для передачи воеводе своего указа от 26 июля:

«Как ныне его императорское величество всемилостивейший государь Петр Федорович с победоносною армиею шествовать изволит через гор. Саранск для принятия всероссийскаго престола в царствующий град Москву того ради к прибытию его величества с армией приготовить: во-первых, под артиллерию 12 пар лучших лошадей и для следующего казачьяго войска хлебных и съестных припасов и для коней фуража... По отправлении-жь сего, шествию его императорскаго величества с армией по должности пристойное встречу с надлежащею церемониею... А за противность и непокорность своему государю, по силе строгости монаршаго правосудия, без наижесточайшаго гнева остаться не можете, так как в некоторых местах противникам и изменщикам монаршей воли чинима была казнь неупустительно» [18, т. III, с. 120].

Получив этот указ, воевода, его помощник и секретарь бежали из города. «Ни один дворянин не думал о своей обороне, а все, как овцы, разбежались по лесам». Когда 27 июля появился авангард Пугачева, духовенство в сопровождении граждан вышло ему навстречу на мосту через р. Инсар. «Петр III» приложился к кресту, приказал прочесть свой манифест и затем отправился в собор на молебен. Подарив духовенству 30 руб., Пугачев зашел в дом вдовы бывшего воеводы, где по ее приглашению отобедал, а затем в благодарность за угощение приказал повесить хозяйку на воротах. На следующий день он обедал у архимандрита Свято-Петровского монастыря и дал обители 50 руб. В это время пугачевцы грабили город и пьянствовали. Пугачев взял с собой 7 пушек, 29 подвод с порохом и ядрами. Повесив отставного генерал-майора и 62 дворянина, приведенных их крепостными⁶², Пугачев назначил воеводой прапорщика инвалидной роты, который привел ему 91 добровольца. Ему рекомендовалось не чинить «на-

⁶² По Пушкину: «Триста человек дворян, всякого пола и возраста» [68, с. 71].

прасно никому обид и налогов». 30 июля пугачевская армия покинула Саранск и на следующий день в него вошли правительственные войска под командованием графа Меллина.

Граф Панин

Тем временем правительство избрало новую тактику. Некомпетентных или нерешительных генералов сменили энергичные военачальники, командиром которых Екатерина назначила человека, не любимого ею в силу его независимого нрава, но недавно добившегося побед в Польше – графа Петра Панина. Ему были даны чрезвычайные полномочия, что позволило восстановить доселе слабую связь между корпусами, а также между фронтом и тылом.

Закключив 10 июля Кучюк-Кайнарджийский мир с Турцией, Россия приобретала земли Северного Причерноморья и могла перебросить армию на усмирение бунта. Панину были выделены армейские части. 23 июля известие о подписании мирного договора получили при дворе, еще через неделю оно достигло Волги. Эта новость воодушевила всех защитников империи – от Екатерины до последнего драгуна.

29 июля Панин возглавил все силы, действовавшие против Пугачева.

Наступление правительственных войск

Пугачева преследовали три крупных отряда. Михельсон, защищая Нижний Новгород, стоял между Арзамасом и Сурой, ожидая шедшего к нему из Симбирска майора Муфеля. Пугачеву на пятки наступал Меллин. Имелся еще резерв во главе с князем Голицыным. Против Пугачева было задействовано 7 полков и 3 роты пехоты, 9 легких полевых команд, 18 гарнизонных батальонов, 7 полков и 1 эскадрон регулярной кавалерии, 4 донских полка, 1000 малороссийских казаков, казанский и пензенский дворянские корпуса. Бибиков назначил награду за голову Пугачева – 10000 руб. Тому, кто приведет живым вождя бунтовщиков, было обещано пожизненное освобождение от долгов и военной службы для него и его семьи.

1 августа Пугачев подошел к Пензе – крупному городу на р. Сура. Горожане решили, учитывая отсутствие у них оружия, не оказывать бунтовщикам сопротивления. Люди вышли навстречу Пугачеву с крестами и образами, а майор, капитан и поручик (воевода со своими помощниками к тому времени уже сбежал) целовали ему руку. Пугачев не стал сразу въезжать в город, а вернулся

назад и разбил свой лагерь в 10 верстах от него.

На следующий день вождя бунтовщиков и 20 его ближайших сподвижников пригласил на обед бургомистр. Пугачев «велел принести толченого чеснока глубокую тарелку и налив в оный уксусу и посоля, ел, а после онаго и другую такую же тарелку чеснока сожрал же». Купцы разносили кушанья, а бургомистр угощал гостей вином. Обед продолжался часа три, а пугачевцы в это время грабили город. Затем они взяли с собой 6 пушек, около 600 ядер, свинец и порох, ружья и холодное оружие. Пугачев приказал раздать бесплатно соль по 3 фунта на человека. На 40 подвод было нагружено свыше 13000 руб. медной монетой, остальные розданы народу, причем 3 бочки подарены протопопу и 6 – инвалидной команде. Казней в тот день не было.

На следующий день горожане должны были собрать для бунтовщиков 500 конных и пеших казаков (80 человек – от купцов, 20 – от ремесленников и т. д.), но пришли только 200 человек: остальные спаслись только благодаря приходу 5 августа в город отряда правительственных войск под командованием Муфеля.

Крестьянские шайки

Преследование Пугачева осложнялось наличием на западе Пензенского уезда разбойничьих шаяк, в той или иной мере связанных с бунтовщиками.

Одной из самых крупных, насчитывавших 3000 человек и 10 маленьких мортир, командовал «полковник» Иван Иванов, бывший крепостной княгини Голицыной. Он распространял указы, полученные им якобы от «Петра III», вербовал крестьян, агитировал передавать помещиков Пугачеву или убивать их самим. Многие владельцы близлежащих имений были уничтожены. Комendant Меллин выслал против шайки Иванова отряд, который 8 августа в 30 верстах от Пензы разбил ее, истребив 300 бунтовщиков и 167 захватив в плен [66, с. 66].

Город Инсар, расположенный в этих краях, почти без боя был взят пугачевским командиром, крестьянином Евстафьевым, тоже принявшим на себя имя Петра III. Со всей округи стекались к нему крепостные и дворовые люди. После захвата Инсара Евстафьев двинулся на Троицк, жители которого убили воеводу, его помощника, капитана и управителя дворцовых имений, а имущество их разграбили. Бунтовщики направились на север, разграбив Краснослободск и Темников. Другие безуспешно пытались взять Керенск, который, несмотря на бегство тамошнего воеводы, защищали

пленные турки и инвалидная команда. Город был подожжен, но жителям удалось потушить пожар [66, с. 66; 18, т. III, с. 171].

В Нижнем Ломове помощник воеводы высказался за сложение оружия, однако секунд-майор и инвалидный подполковник решили защищаться. В итоге однодворцы – потомки защитников этих земель от кочевников – недовольные тем, что их низвели до положения крепостных, открыли ворота и встретили бунтовщиков с крестами и хлебом-солью. Пугачевцы бросились грабить и пьянствовать, а также заставили служить молебен Петру III. Уходя, они оставили помощнику воеводы записку, в которой, в частности, говорилось: «Градским обывателям... государыню Екатерину Алексеевну не честь и указов никаких не принимать, а дожидаться указов от его величества государя Петра Федоровича» [18, т. III, с. 172–175].

Донские казаки

3 августа Пугачев, шедший к Волге, вступил в Петровск. Туда же подошли 60 донских казаков, посланных Г. Р. Державиным забрать из Петровска деньги, пушки и порох. От них в лагерь бунтовщиков для сбора сведений отправились четыре человека.

Их привели к самозванцу, который решил выгодно воспользоваться этим случаем. Пришедшие сообщили: «Мы – донские казаки, а присланы-де от камандира осмотреть: какие люди в крепость вошли». Он им отвечал, что пришел государь, а потом спросил: «Велика ли ваша каманда?» И оные сказали: Шездесят-де человек нас донских, маеор, есаул и сержант». И он, Емелька (секретарь суда употребляет уничижительную форму имени Емельян. – *П. П.*), трех казаков оставил у себя, а одного послал к ево камандиру, коему велел сказать так, как и казакам, чтоб оне, не дравшись, приклонились, а ежели дратца станут, то он их всех казнит, с чем тот казак и поехал. А коль скоро оной поехал, то он, Емелька, увидя сам означенную каманду, тот час с своею сволочью поскакал к оной. А как он приехал к ней блиско, то казаки тот час слезли с лошадей и наклонили знамя, сказав, что «мы тебе, государь, служить ради». Помянутой же маеор, лишь только завидал ево, Емельку, идущаго с толпою, також есаул и сержант, поскакали во всю прыть от каманды прочь, за коими он, Емелька, послал погоню, ис коей сержанта, догнав, казаки убили до смерти, а маеор и есаул ускакали. Означенных же казаков принял по их охоте в свою толпу» [16, с. 217–218].

Таким образом, пугачевское войско получило еще 60 воинов. Пугачев принял их командиров в своем шатре, угостил едой, дал

выпить, выдал старшинам по 20 руб., простым казакам – по 12 руб. и дозволил приходить к нему когда потребуется. Не видел ли он теперь в них свое спасение?

5 августа Пугачев покинул свой лагерь, забрав в Петровске 9 пушек, 10 пудов пороха, 5 свинок свинца и все вооружение местного гарнизона.

Саратовский котел

Теперь Пугачев двинулся на Саратов. 6 августа он подошел к городу на 3 версты. В городской верхушке начались разногласия между комендантом полковником Бошняком и управляющим конторой опекуства иностранных поселенцев Ладьженским, которого поддерживал заносчивый гвардии поручик Г. Р. Державин. Каждый отстаивал свой план обороны города и в результате Саратов остался без защиты. Местные купцы отворили мятежникам ворота. Оставшиеся защитники в панике бежали. 12 августа Михельсон докладывал Панину, что Пугачев ворвался в Саратов «изменою предавших к нему бывших там казаков и робостью гарнизонных солдат» [15, с. 13].

Бошняку удалось с горсткой подчиненных добраться до Царицына. Он сумел спасти городскую казну и часть архива воеводской канцелярии. В Саратове три дня шли грабежи казенных и частных домов, лавок и убийства людей, бесплатно раздавались соль и хлеб. Население присягнуло «Петру III». В это время к Пугачеву явился один казак и напомнил, что прошлой осенью продал ему на Яике 300 лошадей, а деньги не получил. Пугачев дал ему 3500 руб., назначил саратовским комендантом, а его сына сделал полковником.

В Саратове к Пугачеву присоединились около 500 немецких колонистов, недавно поселенных здесь Екатериной. Это было удивительно, поскольку колонисты являлись свободными крестьянами и имели ряд привилегий. Генерал-майор Мансуров направил им 13 августа страстное воззвание, написанное Державиным, в котором говорилось, что «государственный злодей Пугачев не токмо не государь, но престоичайший варвар, тиран и человеческому обществу злодей, в истреблении которого всему человеческому роду принадлежит старание иметь».

9 августа Пугачев покинул Саратов, взяв 5 пушек, свыше 25000 руб. медной монетой и много муки и овса. 11 августа город занял Муфель и Меллин, а 14 августа – Михельсон. Таким образом, поскольку уже стал ясен если не конечный пункт движения Пугачева, то, во всяком случае, его маршрут, основные преследователи

самозванца объединились.

За Саратовом к Пугачеву присоединились 700 заводских крестьян во главе с яицким казаком. Они были набраны после разгрома Пугачева под Казанью. Это было серьезной подмогой бунтовщикам, поскольку у многих вновь прибывших были ружья **[18, т. III, с. 220].**

11 августа Пугачев подошел к Камышину. Около города к нему перешли 30 царицынских казаков. Жители вышли встречать Пугачева с хлебом-солью, духовенство – с крестами и образами. Комендант города заперся в крепости, но был схвачен во время ее штурма и убит. Верхованцев наблюдал уже обычные в таких случаях сцены: «Распустили тюрьму и разбили винный подвал. До 600 бочек пролили; пить не давали. Арестанты черпали пролитое вино ушатами, шляпами... и в пьяном разгуле дебоширили по городу. Но мы не смели долго оставаться тут...».

Что будет делать Дон?

Земли донских казаков были уже рядом. Еще находясь в Саратове, Пугачев отправил на Дон четыре партии бунтовщиков: первая спустилась по Медведице до Дона, а затем поднялась по реке вверх; вторая шла следом за первой, и, дойдя до Дона, спускалась по нему вниз; третья шла по бузулукским станицам до Хопра; четвертая шла по хоперским станицам **[15, с. 18].** Они должны были поднять казаков среднего Дона и его притоков. После взятия Царицына Пугачев хотел взбунтовать низовья Дона **[18, т. III, с. 221].**

Вероятно, всем этим своим посланникам он, как обычно, дал манифесты к местным жителям. Сохранилось два его призыва к тамошним атаманам, но манифест ко всему населению датирован только 13 июля: «Вы уже довольно и обстоятельно знаете, что под скиптр и корону нашу почти уже вся Россия добропорядочным образом по прежней своей присяге склонилась. Сверх того, несколько донского и волгского войска оказывают к службе нашей, – по искоренению противников, разорителей и возмутителей империи дворян, – ревность и усердие и получили себе свободную волю, нашу монаршую милость и награждение древняго Святых Отцов предания крестом и молитвою, головами и бородами. Того ради, как мы есть все милостивейший монарх и попечитель обо всех верноподданных рабах, желаем преклонить в единственное верноподданство всех и вас и видеть доказательство к службе нашей ревности от вас. Вы-жь ныне помрачены и ослеп-

лены прельщением тех проклятого рода дворян, которые, не насытятся Россиею, но и природныя казачьи войска хотели разделить в крестьянство и истребить казачий род.

Мы, однако, по власти Всевышней Десницы, надеемся, что вы, признав оказанныя против нашей монаршей власти и своего государя противности и зверския стремления, которые вам всегда будут в погибель и повелителям вашим, раскаетесь и придете в чувство покаяния, за что можете получить монаршее наше прощение и, сверх того, награждение тако-жь, каково получили от нас склонившиеся верноподданные рабы» [18, т. III, с. 215–216].

Усиление влияния правительства

На Дону, особенно в его северной части, где существовало крепостное право, имелись шайки, готовые подхватить этот призыв. Но донское казачество было крепче яицкого связано с империей. Как только на Яике поднялся бунт, правительство сделало все, чтобы он не перекинулся на Дон. 21 октября 1773 г. коменданту крепости Св. Дмитрия – будущего Ростова-на-Дону – было поручено контролировать настроения казаков. 4 января 1774 г. Канцелярия Войска Донского в Черкасске получила приказ найти и сжечь манифесты самозванца [15, с. 22–24, (№ 2), 29 (№ 5)]. По распоряжению Екатерины дом Пугачева перенесли на прежнее место, сожгли, пепел развеяли по ветру, а землю посыпали солью. В связи с неурожаем Военная коллегия империи выдала донским казакам продукты, амнистировала участников бунта 1772 г. и освободила из тюрем заключенных [15, с. 36–38 (№ 11), 33–34 (№ 8)].

Подписав мира с Турцией, Екатерина перебросила армию на Дон и юг Воронежской губернии.

12 августа войсковой атаман Сулин, докладывая вице-президенту Военной коллегии Григорию Потемкину о готовности станиц верхнего Хопра, Медведицы, Бузулука, крупных притоков Дона, а также его низовьев, нижнего Донца и калмыцких кочевий к обороне, заключал: «Все мы на поражение злодея состоим во всякой готовности» [15, с. 122 (№ 73)]. Это было мнение донской старшины, слившейся с русским дворянством и защищавшей его интересы.

Размах бунта

Но так рассуждали не все казаки. 16 августа князь Голицын писал Панину: «Я, не зная точно, в каком положении при сих обстоятельствах находиться будут нравы донских казаков, имею

предварительно довольные причины об них сомневаться, по их всегдашней привязанности к прежним обычаям и суеверствам, и потому более предполагаю, что генерально на всех их положиться нельзя, а надобно думать, что часть из них присоединиться к злодею» [15, с. 74 (№ 42)]. Действительно, казаки не шли воевать с Пугачевым, а тех, кого удалось все же набрать, приходилось уговаривать выступить в поход.

Шайки, воодушевленные пугачевскими агитаторами, имели определенный успех. Так, отряд беглого солдата Якова Андреева, насчитывавший 500 человек, занял множество станиц на Медведице. Другой отряд из 1500 человек наткнулся на команду атамана Луковкина, посланную для наведения порядка, и оттеснил ее. Один из командиров докладывал коменданту Новохоперской крепости, что майор Кулбаков «оставя занятый в верховых медведицких станицах пост свой, ко мне приехал, объявив, что ему за приближением к нему до 2000 злодейской толпы с малою командою устоять не можно... и тамошних медведицких станиц казаки стали каждый спасать живот свой...», и сам он вынужден был поступить так же [15, с. 106 (№ 57)].

Однако успехи бунтовщиков были перечеркнуты 18 августа в сражении у Етеревска, где Луковкин их «разбил в прах, причем злодеев сот до двух поколано в смерть, а немалое число живых и раненых взято в плен...» [66, с. 75]. И хотя после пленения самозванца в верховьях Дона продолжали орудовать разбойничьи шайки, но поднять там бунт ему так и не удалось.

14 августа Пугачев направил калмыцкому князю Банбуру именной указ, где напоминая ему, что его народ терпит «великия притеснения и несносности, как то: жены ваши – незаконное надругательство, дети же ваши отнимаемы и запродаваны были в другие земли в порабощение...», предписал предводителю калмыков «следовать... с находящейся при тебе калмыцкой ордой для присовокупления в главную нашу армию», для чего перейти Волгу напротив Камышина [15, с. 66–67 (№ 32)]. На р. Пролейке, между Камышиным и Дубовкой, калмыки Дербетева и князя Дондукова, входившие в армию из 5000 человек, посланную для поимки Пугачева, как докладывал Михельсон Панину, «все передались злодею, числом 3000 человек, равномерно ж немалое число донских казаков».

Волжские казаки

«Злодей, – сообщалось в том же рапорте, – будучи ободрен

свои счастьем, пошел в Дубовку, забравши и там до 200 человек казаков» [15, с. 114–115 (№ 65)]. Дубовка была столицей еще одних недовольных – Волжского казачьего войска, созданного в 1734 г. из 1000 семей донских казаков для защиты Нижнего Поволжья между Царицыным и Доном от кубанских татар и других кочевников. Дон должен был направлять туда 800 человек зимой и 1200 – летом. Немецкий путешественник Гмелин, посетивший эти места накануне пугачевщины, признал волжских казаков самыми несчастными из людей: «Если хочешь бедную тварь в свече себе представить, то должно на память привести донского казака, на линии стоящего. Само собою явствует, что из отчизны своей казаки посылаются самые бедные и неспособные, кои не в состоянии были ни просьбою ни деньгами от сей тяжести освободиться. Здесь поступают с ними так, как едва ль прилежный хозяин поступает со своим скотом. При величайшей бедности, в которой казак едва сухим хлебом голод свой утолять в состоянии бывает, должен в худой одежде сносить тяжесть жара и жестокость стужи или со своими товарищами укрываться в темную конуру, в которой непривыкшему ни одной минуты пробыть невозможно, потому что воздух, который они в оной в себя принимают, есть жилого свойства, а для одной или двух своих лошадей, в коих состоит все его стяжание, не имеет он такого корма, который для понесения таких трудов, коим лошади сих казаков подвержены требуется. Наконец, по прошествии сего несносного времени возвращается он со своими измученными лошадьми, если только удалось и свою и их спасти жизни, в свое отечество беднее прежнего» [11, с. 279].

Отряды Пугачева «из Камышенки Волским войском шли чрез их четыре городка; каждое местечко со многолюдным собранием и при них священники встречали ж со крестами и с радостными поздравлениями, а особливо в главном их городке Дубовке – целым собором, старшины и казаки – все в лучших платьях, со знаменами показывали радостный вид». Пугачев провел выборы нового атамана и капитана, присягнувших ему. Затем он приказал вытащить из питейных домов все бочки с вином и пивом и разбить их, но это распоряжение не было выполнено, ибо везде бунтовщики «пьянствовали и кололи своих» или ходили по домам и грабили. В Дубовке Пугачев принял сотника астраханских казаков В. Горского. Позже на допросах Горский сообщал, что пришел к Пугачеву, чтобы выдать его властям. Из его рассказа виден резкий контраст между тем, как осуществлялось возвеличивание «Петра III» перед толпой, и какие беседы вел Пугачев со своим окружением.

«Я на престол взойду...»

Вот как происходило вступление Пугачева в Дубовку: «приехал и злодей, которого принял с лошади атаман Овчинников; к злодею подошел протопоп со крестом, а он, приподняв немного шапку, поцеловал крест не тут, как должно, а в самые уста спасителей, и надел опять шапку. В самое сие время Овчинников, подошед к самозванцу, подставил ему свою руку, обернутую желтым платком, а злодей, положив на оную свою, стал допускать народ до целования, к которой подходя и целовали сперва старшина Поляков, а за ним попы и прочие, в том числе и я, Горский, подходил. Злодей сперва стоял, а потом вынесен был стул, и он, сев на оный, допускал всех кто тут ни был к скверной своей руке. Тогда я, бывши у руки злодейской, остановился от него недалеко и смотрел на него пристально, но ни малого сходства с покойным государем в сем злодее не нашел...».

А вот о чем говорил он в своем шатре в присутствии десятка казаков: «Здравствуй, мой друг, кому ты присягал?.. После государыни Елисаветы Петровны, кому ты еще присягал?». «Еще, сударь, присягал государю императору Петру Третьему». «А потом кому?». Я отвечал: «Всемиловитейшей государыне...». Сидевшие казаки все взглянули на меня быстро, но... взглянувши друг на друга, потупили глаза. Самозванец спрашивал: «Давно ли ты в службе?». Я отвечал, что с 1748 года. ... «Давно ли ты, мой друг, из Москвы?»... «... Уже месяца с три и больше». «Что там про меня говорят?»... Говорят, сударь, что под Оренбургом и около тех мест воюет Пугачев». Самозванец рассмеялся и, указав на сидящего подле его по правую руку мальчика, говорил, потрепав его по плечу: «Вот, друг мой, Пугачева сын Трофим Емельянович после его остался...»... Окончивши вышесказанные слова, самозванец, колотивши себя рукою в грудь, говорил громко: «Вот, друг мой, Петр Третий, император». При сих речах сидящие с самозванцем пред разосланною на кошке скатертью казаки приклонили головы к кошке... А самозванец продолжал: «...Встаньте, други мои, встаньте».... После сего самозванец велел мне сесть и поднести всем по чарке водки. И пили, в том числе и я, сперва за здоровье государя Петра Федоровича, а после за здоровье Устины, именуя ее государынею, а, наконец, государя великого князя Павла Петровича с супругою великою княгинею Натальею Алексеевною...».

Затем самозванец рассказал о своих приключениях: «Пошаталась моя головушка, други мои, вот я пришел на Илек, да вот в их доме, — указывая на Творогова, — был, а атаман их изданному

мною манифесту не поверил было. Вот честной человек, – говорил Творогову (причем Творогов поклонился), – а брат у него – плут, не узнал своего государя; естли де он мне попадется, даром что его брат у меня и я его люблю, только повешу...».

Пугачев стал расспрашивать Горского о Царицыне. Тот ответил, что город крепок и неприступен, на это Пугачев возразил: «Нет, мой друг, царь Иван Васильевич под Казанью 7 лет стоял, а у меня в 3 часа пеплом покрылась. Да, господа, полно, что нам в Царицыне делать? Пройдем его и пойдем на Дон, а с Дону пройдем мы в Москву, так как в главное место, и приду так, как глава к главе; чем нам по хвостам-та хватать, так хвосты та все тогда к главе приклонятся; божественные книги доказывают, что я на престол взойду» [15, с. 201, 205–206 (№ 107)].

Трудная роль

Несмотря на то, что этот диалог чрезмерно разукрашен Горским, являвшимся талантливым рассказчиком (его свидетельские показания весьма подробны), написан от первого лица и одобрен обязательными эпитетами «самозванец» и «злодей», он воскрешает перед нами живой и правивый облик Пугачева, в котором сплелись политика, жестокость, добродушие, но особенно стремление убедить всех в своем царском происхождении. Эта навязчивая идея не раз ставила самозванца в неловкое положение, когда ему приходилось выставить собственную жену казачьей вдовой, а сына – наследником погибшего казака Пугачева, или опасаться, что его опознают донские казаки. Он старался отворачиваться, когда проезжал в своем лагере мимо земляков [65, с. 152]. А ведь с ним ежедневно общались примерно шестеро его сподвижников, которые знали правду и понимали, что имеют дело с мошенником.

Еще до Царицына к Пугачеву перешли 3000 калмыков, которых он одарил деньгами, платьями и медалями. Чуть позже к ним добавились 400 царицынских разведчиков. Пугачев отправил калмыков грабить и жечь близлежащие деревни. Михельсон считал, что тем самым «злодей» пытался уничтожить транспортные средства, продовольствие и фураж, чтобы оторваться от своих преследователей [15, с. 79 (№ 45)].

Но Пугачев все же решил взять Царицын. Около полудня 21 августа его жители могли видеть, как на высотах, господствовавших над городом, бунтовщики устанавливают орудия. Руководивший обороной полковник Циплетев тщательно подготовился к штурму: он собрал всех могущих держать оружие и укрепил крепо-

стные стены. Артиллерийская перестрелка продолжалась с двух до семи часов дня и не принесла особых результатов. В итоге Пугачев отменил штурм. Царицын стал первым поволжским городом, который не был взят бунтовщиками.

22 августа в него вступил Михельсон. Панину он докладывал следующее: «Сии варвары, как скоро узнали о моем приближении, не дождав меня, оставя свое намерение атаковать Царицын с слабой стороны от берегу Волги, с крайним поспешением пошли вниз по Волге... Я, не будучи в состоянии сего числа далее идти, остановился... А о Пугачеве считаю, что, наверное, ежели не пойдет за Волгу, побежит некрасовским путем [то есть уйдет на Кубань]. Слышно и то, что имеет намерение идти к Астрахани и оттоль бежать на судах... Теперь у меня происходит драка на Волге, на которой находится 2 судна с деньгами и 400 злодеев с 2 пушками. Ежели мне ночь не помешает, то надеюсь оных поймать» [15, с. 114 (№ 65)].

Михельсон захватил эти два судна, пополнил свой отряд 96 малороссийскими казаками, казаками, находившихся в Царицыне, и после полуночи выступил из города.

Пугачев между тем заночевал в немецкой колонии Сарпа (ныне Сарепта), в 25 верстах от Царицына. Утром все его войско наелось винограда, конфискованного у астраханских купцов, пообещав заплатить за него после взятия Москвы [15, с. 207 (№ 107)]. Саму колонию, заранее покинутую жителями, бунтовщики разграбили. Чуть выше по течению Пугачев захватил двух астрономов Санкт-Петербургской академии наук – Давыда Ловица и Петра Иноходцева. Первого он велел повесить «поближе к звездам» [68, с. 75; 87, с. 526].

Ночью от Пугачева ушли 400 человек. Творогов, основной свидетель тех событий, сообщал на допросе: «От сего самого произошло в толпе нашей великое сумнение и переговор такой: что донския казаки недаром отстали, может, узнав злодея, что он – их казак, поелику он таким в публикованных указах именован. Сие сумнение утверждалось и таким притом разглашением: будто бы один донской казак, во время помянутой переговоровки, кричал с валу к самозванцу громко – «Емельян Иваныч! Здорово!» [65, с. 153].

Последнее поражение

Вечером 24 августа Пугачев остановился у Сальниковой ватаги, недалеко от Черного Яра. Ночью ему стало известно, что Ми-

хельсон стоит в трех верстах отсюда. Утром Пугачев поставил впереди артиллерию, а за ней – пехоту. У Михельсона она стояла в центре, кавалерия – справа, а донские казаки – слева. Пугачев приказал открыть огонь из всех орудий и бросил на противника пеших. Кавалеристы Михельсона при поддержке пехоты перешли в контратаку. «Злодей, будучи позади своей толпы, и старался словами своими остановить оную и поощрить к супротивлению, но столь велик был во всех страх, что, нимало не слушая его слов, разсыпались во все стороны. Злодей, хотя кричал протчим: «Стой! Стой!», но сам утекал, однако ж, наперед всех, а за ним и показанная первая его жена и сын десятилетний, верхом на лошадей, а две дочери малолетних – в дорожной коляске... Злодей, спасая себя, бегом скакал во весь опор...» [65, с. 154–155].

В этой битве пропал без вести верный соратник Пугачева Овчинников, пало 2000 бунтовщиков, 6000 их было захвачено в плен, потеряна вся артиллерия. Победителям досталась богатая добыча: 18 пудов серебряной посуды, много соболей, куниц, сукна и материи, 527 лошадей и 64 вола. Многие бунтовщики пытались переплыть Волгу, но почти все утонули.

Бегство в степь

Если триумфальный и стремительный 1500-километровый марш Пугачева по Волге от Казани до Черного Яра длился 1 месяц и 9 дней, то бесславный его конец занял лишь 3 недели. Постоянно пополнявшееся новыми силами и состоявшее из шести народностей двадцатитысячное мятежное войско теперь превратилось в горстку лиц, мечтавших выдать своего вожака властям.

Пугачев с отрядом из 400 человек, половину которых составляли яицкие казаки, бежал к Черному Яру и на лодках добрался до острова посередине Волги, чтобы дать отдых лошадям. Их преследователи подошли к берегу, но не имея лодок, не смогли переправиться. Беглецы сделали из деревьев и тальника плоты, привязали их к хвостам лошадей, сложили на них одежду и седла, а сами, держась за конские гривы, переплыли реку. Около 40 яицких казаков и лошадей остались на острове и впоследствии были пленены правительственными войсками.

Беглецы рассчитывали переночевать примерно в трех верстах от левого, лугового берега Волги. Позже Творогов вспоминал: «Злодей, созвав всех яицких казаков к себе на совет, говорил: «Как де вы, детушки, думаете? Советуйте, куда нам теперь итьти!» На сие мы... спросили его «А, ваше величество, куда изволите

думать?» На сие злодей сказал: «Я де думаю итьти вниз по Волге и, собрав на ватагах хлеба, пробраться морем к запорожским казакам, а там де блиско есть у меня знакомыя два князька: у одново де наберется войска тысяч с семнатцеть, а у Другова тысяч с десять». На сие отвечали мы ему: «Нет, ваше величество! Воля ваша, – хоть головы руби, мы не пойдем в чужую землю!»... Злодей, показываясь недовольным,... сказал: «Ну, да куды ж вы советуете?» На сие Чумаков и соглашавшийся с нами показанныя харунжия отвечали [они уже сговорились схватить Пугачева и выдать его властям]: «А мы де советуем, ваше величество, итьти вверх по Волге и пробраться к Узеням; а тамо уже придумаем, што зделать» [65, с. 154–159].

Пугачев пытался переубедить их, но в итоге был вынужден подчиниться.

На следующий день рано утром отряд двинулся вверх сначала по степи, а затем вдоль Волги. На третий день заговорщики, чтобы избавиться от «разночинцев» (неказаков), которые не входили в заговор, предложили Пугачеву забрать у них лошадей, а их самих оставить на месте. В гневе Пугачев крикнул: «Ну, как хотите!» Кинзя тоже был «разночинцем», но его в отряде оставили, чтобы ни у кого не возникло подозрений.

Заговорщики

Шесть дней остатки пугачевцев шли вдоль берега, затем свернули к озеру Эльтон, а потом на восток, и дошли до Узеней – маленьких, почти параллельно текущих речек, между которыми обычно скрывались беглые; еще недавно сам Пугачев прятался там у староверов. Один старец накормил пугачевцев и разрешил им собрать на своем огороде дыни. Заговорщики успели за это время тайно посовещаться.

Вернувшись, они спросили у Пугачева: «Куда ты думаешь теперь идти?» Он ответил: «Ведь у нас выдуманно, куда ехать: на форпосты. Забрав с них людей, пойду к Гурьеву городку. Тут мы перезимуем. А как лед вскрыется, то, севши на суда, поедем за Каспийское море и там поднимем орды». «Нет, батюшка, – было ему в ответ. – Воля твоя, а мы не хотим теперь воевать. Пойдем лучше в наш городок».

Это был конец: ведь Яицкий городок был в руках правительства. Значит, соратники его предали! Пугачев «переменялся в лице, – то побледнеет, то покраснеет». Один из заговорщиков схватил Пугачева за руки выше локтей. Он закричал: «На кого вы

руки поднимаете?» «А вот что! Ты отдай нам свою шашку, ножик и патронницу! Мы не хотим тебе больше служить и не хотим больше злодействовать... Много пролили мы крови человеческой...». «Ай, ребята, что это вы вздумали надо мною злодействовать? Ведь вы только меня погубите, а и сами не воскреснете». «Нет! Нет! Не хотим более проливать крови! Мы повезем тебя прямо в городок. Если ты подлинный государь, то тебе нечего бояться... А что до нас касается, то воля матушки нашей всемилоостивейшей государыни: что изволит, то и сделает с нами». Пугачев сдал свое оружие.

После этого он подозвал к себе Творогова и спросил у него: «Иван! Что вы делаете? Ведь ты сам знаешь Божье писание: кто на Бога и государя руки подымет, тому не будет прощения... Подумайте хорошенько: не кинуть ли это дело?». Творогов отвечал ему в том же духе: «Что задумали и положили, тот тому так и быть». Оглянувшись на остальных, ехавших чуть позади, Пугачев сказал: «Прощай, Иван, оставайся!», и, ударив лошадь, поскакал в густые заросли камыша. «Нагнал я ево очень скоро, – продолжал Творогов, – ...но он имеющеюся у него плетью ударил по рылу мою лошадь, которая... бросилась в сторону...; потом... я опять... догнал паки... Два казака... взяли у злодея перед; итак, напоследок стал он между нами в середине... Злодей... бросился с лошади на землю, намеряясь скинуть с себя сапоги и шировары и бежать, повидимому, пешком. Но мы и сами с лошадей поскакали, и бросился на него Тимофей Железной; но злодей ухватился за шашку его и выдернул, было, ее до половины, но другой казак Астраханкин не допустил его до сего; а, между тем, наскочил на нас и Федулев» [65, с. 154–159].

Усмиренный герой

Пугачева схватили, связали руки и посадили на лошадь. Он пригрозил мстью своего сына Павла, но казаки молчали. Пугачев пообещал не бежать и попросил его развязать. Это исполнили. «Злодея Пугачева жена и сын, которых с нами же были, и везли их на телеге, будучи самовидцами, что мы его вязали и держим под караулом, хотя ничего не говорили, однако ж, очень плакали».

Но на привале Пугачев схватил лежавшие саблю и пистолет, побежал «прямо на нас, то есть на Чумакова, Федулева, Железнова, Бурнова и меня, сидевших в то время в одной куче на траве, и кричал сии слова: «Вяжите, про так их мать, старшин та, вяжите!» Как

скоро мы увидели сие, то тотчас сами вооружились, а Федулеев спросил его: «Ково ты велишь вязать?» «Тебя», – отвечал злодей с бранью». Пугачев направил на него пистолет, спустил курок, оружие дало осечку. Федулеев выхватил саблю и бросился на Пугачева, тот отступил. Его обезоружили, связали и посадили на телегу рядом с плачущими женой и сыном⁶³. Затем избили до полусмерти казака, поддержавшего Пугачева, «так что едва дышущаго на сем месте оставили, и никто не знает, жив ли он или умер».

Пленный Пугачев

Через несколько дней Чумаков и еще один казак пришли в Бударинский форпост, сообщив, что везут злодея. В ночь с 14 на 15 сентября 1774 г. они прибыли в Яицкой городок к старшине Ивану Акутину, который представил их гвардии капитану-поручику Маврину.

Тот приказал заковать самозванца в кандалы и 16 сентября провел его первый допрос. «Описать того невозможно, сколь злодей бодрого духа», – писал Маврин Потемкину. Он вывел самозванца к толпе. Все узнали его.

Опоздавшие охотники

Власти всюду охотились за Пугачевым.

Граф Меллин шел в Заволжье с 200 донскими казаками, легкая полевая команда Муфеля и еще 200 донских казаков – к Черному Яру, Михельсон возвращался в Царицын, Мансуров оставил в Камышине 150 казанских уланов и драгунскую роту, Голицын занял местность между Саратовом и Камышиным, чтобы «злодей» вновь не перешел на правобережье Волги. 25 августа командовать авангардом правительственных сил прибыл Суворов. Все с нетерпением ждали, кому удастся схватить пугачевского вожака.

Пленение Пугачева удивило всех. Панин, получивший это известие в Пензе 18 сентября, срочно отправил курьера к Екатерине (тот прибыл в Петербург 1 октября), от ее имени приказал доставить Пугачева в Симбирск и сам отправился вслед. Еще в пути он обратился к населению с требованием выдать всех бунтовщиков. Суворов, прибывший на Узени и узнав, что Пугачев содержится в Яицком городке, сразу же отправился к нему, провел его допрос, а

⁶³ <Современную культурологическую интерпретацию ареста Е. И. Пугачева см. [39, с. 362–363]>.

затем лично повез его с женой и сыном в Симбирск.

Пощечина Панина

Закованного в колодки «злодея» везли в специальной клетке на телеге под охраной 2 рот пехоты, 200 казаков и 2 орудий. Однажды ночью в деревне, где остановился конвой, случился пожар. Пугачева пришлось вытащить из клетки, и Суворов лично стерег его. Во время ночной бури Суворов переправился с Пугачевым через Волгу и 2 октября прибыл в Симбирск.

О дальнейшем сообщает Пушкин. Панин со своим штабом встретил пленника на крыльце своей резиденции. «Кто ты таков?» – спросил он у самозванца. «Емельян Иванов Пугачев», – отвечал тот. «Как же смел ты, вор, назваться государем?» – продолжал Панин. «Я не ворон (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), я вороненок, а ворон-то еще летает»... Панин, заметя, что дерзость Пугачева поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клоч бороды. Пугачев стал на

колени и просил помилования» [68, с. 78].

Панин признавал, что дал несколько пощечин Пугачеву [18, т. III, с. 307]. Пушкин не указал источник, который лег в основу этого диалога, поэтому Н. Ф. Дубровин считал его позднейшей легендой, хотя ничем не обосновал свое предположение, ограничившись замечанием, что Пугачев не был способен на столь остроумные реплики.

Спектакль

Екатерина приказала привезти Пугачева в Москву. Места отдыха конвоя были устроены каждые 60 верст. Путь до Муромы охранялся Паниным, а от Муромы до Москвы – московским генерал-губернатором князем М. Волконским. Во время нахождения пле-

ненного Пугачева в Симбирске один художник написал его портрет на случай, если, как писал Панин Григорию Потемкину, пожелает «наша великая государыня увидеть сего адского изверга скорей хотя на портрете, нежели обстоятельства потребного препровождения оригинала дозволить могут им поспешить» [18, т. III, с. 309–310]. В Симбирск со всех сторон стекались люди, желавшие увидеть злодея. Приехал и Державин. «Здоров ли Емелька? – спросил Панин. «Ночей не сплю, все плачу, батюшка, ваше графское сиятельство». – «Надейся на милосердие государыни». Однажды Панин собрал у себя 200 военных, гражданских и иных чинов и приказал привести Пугачева. «Как мог ты, изверг, вздумать быть царем России?» – спросил у него Панин. «Виноват, – отвечал он, кланяясь до земли, – перед Богом, государынею и министрами» [18, т. III, с. 311].

Было отремонтировано здание Монетного двора (рядом с Кремлем), где должны были содержаться привезенные из Казани бунтовщики. 5 сентября в Москве обезглавили Белобородова.

25 октября Пугачева с женой и сыном повезли из Симбирска.

4 ноября они прибыли в Москву. «Народу в каретах и дам столько было у Воскресенских ворот, – писал Волконский Екатерине, – что проехать с нуждою было можно, только что глядят на плакаты. Я думаю, что они ожидали, не подойдет ли злодей к окошку. Однако ж зрители в сем обманулись, что его видеть никак не возможно», ибо Пугачев был прикован к стене [18, т. III, с. 328].

Его сразу же стали допрашивать Волконский, Павел Потемкин и обер-секретарь Тайной экспедиции Сената. На первом допросе, состоявшемся 4 ноября, выясняли его биографию. До 13 ноября допросы шли ежедневно, затем – 15, 16, 18, 28 ноября, 2, 5, 11 и 13 декабря. Следователи интересовались мелкими подробностями бунта, стремились уличить Пугачева в ложных показаниях; иногда ему приходилось отказываться от своих слов [65, с. 448–449]. Вряд ли его пытали. 10 октября Екатерина писала Волконскому: «Для Бога удержитесь от всякого рода пристрастных вопросов, всегда затемняющих истину». Она даже попросила, чтобы «касательно Пугачева и его сообщников, дабы в содержании оных употреблена была вся возможная осторожность» [18, т. III, с. 356].

«Дело империи»

Императрица внимательно следила за ходом следствия. Особенно ее интересовали два вопроса.

Во-первых, Екатерина хотела знать, подносил ли архиепископ

казанский и свияжский Вениамин 3000 руб. Пугачеву, как утверждал некий Аристов и в чем был убежден Потемкин. Следствие установило невинность архиепископа, и Синод возвел его в сан митрополита [18, т. III, с. 329–352].

Второй вопрос был больше политическим. Высказывались предположения, что бунт спровоцировали и финансировали внешние враги России, в частности, Турция: в перехваченных письмах княжны Таракановой, выдававшей себя за внебрачную дочь императрицы Елизаветы Петровны, содержался призыв к турецким властям не торопиться заключать мир с Россией, ослабленной пугачевским бунтом. Считалось, что за спиной Пугачева могла стоять и турецкая союзница Франция, по поводу чего 25 сентября Алексей Орлов писал из Пензы Григорию Потемкину: «Я все еще подозреваю и причины имею подозревать – не французы ли этой шутке (бунту. – П. П.) причины?» Однако следствие по делу Пугачева и его соратников этих предположений не подтвердило [18, т. III, с. 352–355].

Получив ответ на свои вопросы, Екатерина послала Вольтеру, интересовавшемуся событием, всполошившем всю Европу, краткий обзор пугачевского бунта, завершив его словами: «Il ne sait ni lire, ni écrire, mais c'est un homme extrêmement hardi et déterminé. Jusqu'ici il n'y a pas la moindre trace qu'il ait été l'instrument de quelque puissance, ni qu'il ait suivi l'inspiration de qui que se soit. Il est à supposer que m-r Pougatchef est maître brigand, et non valet d'âme qui vive». Затем она описала творимые Пугачевым жестокости, и добавила: «Il s' imagine qu'à cause de son courage je pourrai lui faire grâce et qu'il ferait oublier ses crimes passés par ses services futurs. S'il n'avait offensé que moi, son raisonnement pourrait être juste et je lui pardonnerais. Mais cette cause est celle de l'empire qui a ses loix»⁶⁴.

⁶⁴ «Он не умеет ни читать, ни писать, но это человек крайне смелый и решительный. До сих пор нет ни малейшего следа тому, чтоб он был орудием какой-либо державы или действовал по внушению кого-либо. Надо полагать, что господин Пугачев просто заправский разбойник, а не чей-либо слуга». «Но до какой степени может человек самообольщаться, видно из того, что он осмеливается питать какую-то надежду. Он воображает, что ради его храбрости я могу его помиловать и что будущие его заслуги заставят забыть его прошлые преступления. Если б он оскорбил одну меня, его рассуждение могло бы быть верно, и я бы его простила. Но это дело – дело империи, у которой свои законы» [68, с. 147].

Приговор

Для вынесения Пугачеву приговора было создано «соединенное присутствие Сената, членов Синода, президентов всех коллегий и особ первых трех классов, в Москве находившихся» под председательством генерал-прокурора князя Вяземского. На его первом заседании, состоявшемся в Кремле 29 декабря, был утвержден состав судей. На следующий день суд огласил обвинительное заключение и образовал комиссию по проверке показаний Пугачева.

31 декабря Пугачева доставили в Кремль, где он предварительно был осмотрен Павлом Потемкиным, «дабы по его робкому характеру впусцием вдруг в собрание не сделалось ему припадка». Неожиданная характеристика Пугачева Вяземским в письме к Екатерине как «робкого» была повторена самой императрицей в письме к Вольтеру 29 декабря: «Le marquis de Pougatchef dont vous me parlez encore dans votre lettre du 16 décembre, a vécu en scélérat et va finir en lâche. Il a paru si timide et si faible en sa prison qu'on a été obligé de la préparer à sa sentence avec précaution, crainte qu'il ne mourût de peur sur le champ»⁶⁵.

Председатель суда задал Пугачеву пять вопросов, в том числе и такой: «Ты ли... делал разныя государству разорения...?» Пугачев ответил на это утвердительно и заявил, что ему нечего добавить к своим показаниям. «Имеешь ли чистосердечное раскаяние во всех содеянных тобою преступлених?» – спросил Вяземский. «Каюсь Богу, всемиловитвейшей государыне и всему роду христианскому», – отвечал он. После этого Пугачев был выведен из зала, и началось обсуждение приговора. Члены Синода заявили, что согласны с решением судебного заседания, но как лица духовные, подписать его не могут.

Решения суда

Приговор был отправлен на утверждение Екатерине, одобрен ею и 9 января подписан судьями. Было решено:

Пугачева четвертовать, голову воткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после в тех местах сжечь;

сотника Перфильева – четвертовать;

⁶⁵ «Маркиз Пугачев, о котором вы опять пишете в письме от 16 декабря, жил как злодей и кончил жизнь трусом. Он оказался таким робким и слабым в тюрьме, что пришлось осторожно приготовить его к приговору из боязни, чтоб он сразу не умер от страха» [68, с. 147].

казаков Шигаева, Падурова и Торнова (по прозвищу Персиянинов) – повесить в Москве;

Зарубина (Чику, он же «граф Чернышев») – отвезти в Уфу и там обезглавить, голову посадить на кол, а тело вместе с эшафотом сжечь. О нем Павел Потемкин писал Екатерине: «Через три дня, находясь в покаянной, нарочно мною сделанной, где в страшной темноте ничего не видать,... увещевал я его всеми образами убеждения и совести, но ничего истинного найти не мог» [18, т. III, с. 362].

Восемь человек приговорили к наказанию кнутом, вырыванию ноздрей и каторжным работам, 10 бунтовщиков высекали кнутом и отправили на поселение, четырех выпороли плетью, трех офицеров разжаловали. 9 яицких казаков, способствовавших выдаче Пугачева, простили. 4 октября Екатерина писала Панину: «Прикажите моим именем, чтоб яицкие казаки Чумаков и Творогов ничем тронуты не были, а повезены бы были к Москве; я имею весьма сильные резоны сие приказать...» [80, с. 155]. Между этими казаками, купцом Долгополовым, князем Григорием Орловым и Екатериной еще в августе было заключено тайное соглашение о выдаче Пугачева за вознаграждение [18, т. III, с. 155–162].

Обе жены Пугачева были отправлены в ссылку. Святейший Синод, который ранее предал Пугачева и всех его сообщников «вечному проклятию», предписал, «избрав искуснейшаго из протопопов или священников», добиться у них раскаяния, после чего высказался за снятие анафемы. Все осужденные раскаялись в содеянном ими, и всем им было разрешено принять причастие, кроме Перфильева, «яко сущаго раскольника и до самой последней минуты жизни своей в своем окаменении пребывавшаго».

Искупление

Исполнение приговора было назначено на 11 часов дня 10 января на Болотной площади (в Замоскворечье). С раннего утра она была заполнена толпой. Среди присутствующих при казни находился 14-летний Иван Дмитриев, будущий поэт и министр, упрямивший свою мать привести его на это зрелище. Увиденное произвело на него столь сильное впечатление, что через много лет он подробно описал все в своем «Взгляде на мою жизнь»: «В восемь или девять часов по полуночи, приехали мы на болото; на середине его воздвигнут был эшафот, или лобное место, вокруг коего построены были пехотные полки. Начальники и офицеры имели знаки и шарфы сверх шуб, по причине жестокого мороза. Тут же

находился и обер-полицеймейстер Архаров, окруженный своими чиновниками и ординарцами. На высоте или помосте лобного места увидел я с отвращением в первый раз исполнителей казни. Позади фрунта все пространство болота, или, лучше сказать, низкой лощины, все кровли домов и лавок, на высотах с обеих сторон ее, усеяны были людьми обоего пола и различного состояния. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки карет и колясок. Вдруг все восколебалось, и с шумом заговорило: везут, везут! Вскоре появился отряд кирасир, за ним необыкновенной высоты сани, и в них сидел Пугачев: насупротив духовник его, и еще какой-то чиновник, вероятно секретарь Тайной экспедиции, за санями следовал еще отряд конницы.

Пугачев с непокрытою головою, кланялся на обе стороны, пока везли его. Я не заметил в чертах лица его ничего свирепого. На взгляд он был сорока лет; роста среднего, лицом смугл и бледен; глаза его сверкали; нос имел кругловатый; волосы, помнится, черные и небольшую бороду клином.

Сани остановились против крыльца лобного места. Пугачев и любимец его Перфильев, в препровождении духовника и двух чиновников, едва взошли на эшафот, раздалось повелительное слово: на караул; и один из чиновников начал читать манифест. Почти каждое слово до меня доходило.

При произнесении чтеном имени и прозвища главного злодея, также и станицы, где он родился, обер-полицеймейстер спрашивал его громко: «Ты ли донской казак Емелька Пугачев?» Он столь же громко отвечивал: «Так, государь, я донской казак, Зимовейской станицы, Емелька Пугачев». Потом, во все продолжение чтения манифеста, он, глядя на собор, часто крестился, между тем, как сподвижник его Перфильев, немалого роста, сутулый, рябой и свиреповидный, стоял неподвижно, потупя глаза в землю. По прочтении манифеста, духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота. Читавший манифест последовал за ним».

«Прости, народ православный...»

«Тогда Пугачев сделал с крестным знаменем несколько земных поклонов, обратясь к соборам, потом с утормоленным видом стал прощаться с народом; кланялся на все стороны, говоря прерывающимся голосом: «Прости, народ православный; отпусти мне, в чем я согрубил пред тобою; прости, народ православный!» – При сем слове экзекутор дал знак: палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп; стали раздирать рукава шел-

кового малинового полукафтання. Тогда он сплеснул руками, опрокинулся навзничь, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе: палач взмахнул ее за волосы. С Перфильевым последовало то же» [68, с. 148]. Поэт-историк Пушкин отмечает, что «подробности сей казни разительно напоминают казнь» Степана Разина, тоже четвертованного. Разин на эшафоте точно так же три раза поклонился народу со словами «Прости!» [68, с. 148]

Очевидцы вспоминали, что Пугачев держал в руках «две толстые восковые свечи из желтого воска», который капал у него по рукам, а на большом по размерам эшафоте стояли три виселицы. Сначала Пугачеву должны были отрубить руки и ноги, и лишь потом голову, но ему и Перфильеву прежде отрубили головы, а потом уже конечности, ибо, по словам Пушкина, «палач имел тайное повеление сократить мучения преступников»⁶⁶. Присутствовавший при этом Болотов писал, что Пугачев «показался мне совсем не соответствующим таким деяниям, какие производил сей изверг. Он походил не столько на зверообразного какого-нибудь лютого разбойника, как на какого-либо маркитантишка или харчевника плюгаваго» [3, с. 490]⁶⁷.

Долой всякую память!

12 января сожгли колеса с телами, эшафот и сани, на которых привезли осужденных. Ничего не должно было напоминать о Пугачеве. Его дом на Дону был сожжен, а станица переименована в Потемкинскую⁶⁸. Потомки пошли еще дальше: родину Пугачева поглотило Цимлянское водохранилище⁶⁹. 15 января указом Екатерины II р. Яик была переименована в Урал, а яицкие казаки стали уральскими. Для того чтобы в Москве поскорее забыли о казни Пугачева, было решено провести в городе торжества по поводу заключения мира с Турцией, и в июне 1775 г. туда прибыла сама императрица.

⁶⁶ <Культурологическую трактовку казни Е. И. Пугачева см. [39, с. 403–404]>.

⁶⁷ <Современную культурологическую интерпретацию поведения Е. И. Пугачева на казни см. [39, с. 363–364]>.

⁶⁸ <Ныне станица Пугачевская Волгоградской области>.

⁶⁹ <В 1951 г. в связи с созданием Цимлянского водохранилища родная станица Е. И. Пугачева была перенесена на его левый берег>.

ПОСЛЕ ПУГАЧЕВА

І. Конец истории

Разгром главного войска бунтовщиков и казнь их предводителя еще не означали конца восстания. Об этом свидетельствует переписка Панина с Екатериной после пленения Пугачева, в которой императрица обращала внимание на существующие опасности [80, с. 77–218].

Последствия бунта

Сражения между шайками бунтовщиков и правительственными войсками на территории Симбирской губернии продолжались до октября 1774 г. В сентябре под Новохоперском, что на Дону, был разбит крупный отряд бунтовщиков. Были взяты в плен 97 человек, среди которых оказалось 2 поляка, 1 турок, 9 «иностранцев» (из них 5 мордвин), 3 дворянина – бывшие офицеры и помещики, 5 беглых солдат, 7 малороссов, 10 однодворцев, 1 дворцовый крестьянин, 1 экономический крестьянин, 56 крепостных, из которых 1 был дворовым [66, с. 71–75]. Это говорит о том, что к бунту крепостных присоединились представители широких слоев населения.

22 сентября Панин сообщал из Пензы императрице: «...От всех возженных сим злодеем бунтовщицких огней внутри государства Вашего не остался без истребления оружием Вашего Императорского Величества уже ни один, а разве прокурятся где искры, которые конечно в тот же момент и потушены будут, вообще же возмущенная чернь уже возвращена в безмолственное всеподданническое повиновение Вашему Императорскому Величеству». На это несколько напыщенное и крайне оптимистичное заявление Екатерина ответила 3 октября со свойственным ей хладнокровием: «...Мыслей множество вдруг приходит, из которых первых теперь есть внимания достойны неверность Башкирцев, кои ничем на свете не отягощены были, а при всяком случае злодеями объявляются. Второе – набеги киргизские; первых и других какими способами усмирить и для переду вашему разсмотрению предлежит, а наипаче нужно воспользоваться нынешним несчастным случаем, дабы киргизов поставить в таком состоянии,

чтоб вперед перестали нашей коммерции с Индиєю и Бухариєю быть вредны. Третье как я усмотрела из прежних и нынешних дел, что на реке Иргизе и в нее впадающих реках великое множество кроется беглых, и живут раскольники и воры и разбойники оттуда несколько уже лет выходят...» [80, с. 153–154].

Салават <Юлаев>

В Башкирии Салават, сохранявший верность Пугачеву и после поражения, «от произведения своего злодейства не отказался, а, набрав подобных себе бездельников, чинил разорения столь громкие, что имя его, Салавата, в тамошних местах везде слышно было...». Ставка Салавата и его отца находилась вблизи Симского завода, откуда он угрожал царским войскам. Салават проводил искусную политику мира (еще недавно такого не наблюдалось) с русскими крестьянами и рабочими заводов: «Нам с вами, башкирам и русским, нельзя жить вне согласия и разорять друг друга, ибо мы все верноподданные его императорского величества государя нашего Петра Феодоровича третьего». Во главе 2000–3000 всадников он делал смелые рейды и его боялись «бывшие» подданные империи. 25 ноября 1774 г. Салават был окружен в лесу с шестью своими соратниками и взят в плен. На допросах в Уфе, Казани и Москве он мужественно перенес пытки и не склонил голову перед своими палачами. Салавата приговорили к 25 ударам кнутом в каждом из семи населенных пунктов, где он производил свои «злодействы и убийствы», вырыванию ноздрей и клеймению лба словом «ВОР», однако это только усилило любовь народа к нему. Он был юным героем, праведником, национальным поэтом. Власти сослали его на вечную каторгу в Рогервик (ныне г. Палдиски в Эстонии), что на Финском заливе, за 2500 верст от родной Башкирии. Салават прибыл туда 29 ноября 1775 г., но ссылка не сломила его духа:

*Ты далёко отчизна моя!
Я б вернулся в родные края,
В кандалах я, башкиры!*

*Мне пути заматают снега,
Но весною растают снега,
Я не умер, башкиры! [34, с. 132–138]⁷⁰*

⁷⁰ <Иные оценки личности Салавата Юлаева см.: [54; 38]>.

Умение наказывать

Некоторых бунтовщиков не казнили, а сослали на каторгу (Почिताлин, Канзафар Усаев) или в Литву (Творогов и еще пятеро яицких казаков). Наконец, в Кексгольмской крепости (в нынешней Финляндии⁷¹) была заточена невинная семья Пугачева, всего 5 человек; его вторая дочь умерла здесь в 1837 г.⁷²

Екатерина и ее генералы выступали за неотвратимость наказания бывшим бунтовщикам. Императрица хотела, чтобы оно было строгим, но умеренным; вероятно, ее желания, изложенные в конфиденциальных письмах к Панину, были искренними. Царских генералов не надо было призывать к строгости.

После пленения главных бунтовщиков нужно было определить судьбу основной массы пугачевцев, «черни», как именовали их власти. Прежде всего это касалось свыше 6000 бунтовщиков, захваченных после разгрома главного войска Пугачева. «Как кого из них за такое ужасное злодеяние отпустить без наказания» – восклицал в одном из своих писем Панин. 25 августа он приказал Суворову разделить их на пять групп. Пугачевских чиновников казнили, предателей-дворян и сражавшихся на стороне бунтовщиков бывших офицеров продолжали допрашивать, священников лишали сана (как это происходило, в источниках не сообщается). Из оставшихся повесили каждого трехсотого, а других выпороли. Государственных крестьян, негодных к военной службе, приговорили к отрезанию уха, чтобы они всегда помнили о совершенных ими преступлениях, после чего те на кресте поклялись в вечной верности императрице и под конвоем казаков были отправлены на родину. Крепостные, дворовые и пахари подлежали ссылке на каторгу с включением их в состав рекрутов, но толь-

⁷¹ <П. Паскаль ошибается. Кексгольм был в составе России в 1710–1918 гг., в 1918–1940 гг. – на территории Финляндии. В 1948 г. переименован в Приозерск, является центром Приозерского района Ленинградской области России>.

⁷² Недавно один из жителей Мельбурна (Австралия), Павел Данилов, написал В. В. Мавродину, ведущему автору «Крестьянской войны в России в 1773–1775 годах...», что является правнуком Пугачева в четвертом поколении, а в 1967 г. в одном из среднеазиатских совхозов будто бы был еще жив стопятилетний внук Емельяна Пугачева Филипп Пугачев, родившийся, когда его отцу Трофиму было девяносто лет (Трофим якобы прожил 126 лет). Однако простой расчет показывает, что в 1774 г. Трофиму было всего лишь 11 лет и детей он тогда, конечно, иметь не мог.

ко если их бывшие хозяева не требовали их вернуть себе обратно [18, т. III, с. 294–295].

Необходимо было также выявить всех прислужников бунтовщиков.

Среди них было немало священнослужителей. Этим занялся Священный Синод, обладавший для этого большими полномочиями, чем Панин. 26 сентября Синод объявил, что священники, добровольно перешедшие на сторону бунтовщиков, лишаются сана и предаются гражданскому суду; тот, кто под страхом смерти молился за «императора», также лишался сана и должен был принести церковное покаяние; плененные бунтовщиками и молившиеся за Пугачева против воли лишались сана и распределялись дьячками и пономарями. Этим трех категорий священнослужителей набралось немало: «Попов здесь как овец стригут, – писал казанский архимандрит Платон Любарский, – почему у нас шерсть недорого; вчера и сегодня более 10 расстригли, да их же высекли батожьем. Велено не старше сорокалетних писать в солдаты, а прочих в монастыри в работу» [18, т. III, с. 292, 319–320].

В качестве примера можно назвать саранского архимандрита Александра, встретившего Пугачева с крестом и упоминавшего в богослужениях «императрицу» Устиною. Осужденный в Казани, он был 13 октября приведен в оковах и церковном облачении в собор и представлен публике. После обедни его вывели на площадь, где огласили приговор, сняли ризы, обрезали волосы и бороду, надели мужицкий армяк и сослали на вечное заточение. Пушкин добавляет: «Народ был в ужасе» [67, с. 375].

Пример

Что касается остальных, то 25 августа Панин приказал всех бунтовщиков «изготовя наперед по христианскому закону, казнить смертью отрублением сперва руки и ноги, а потом головы, и тела класть на колоды у проезжих дорог». Всем командирам карателей было приказано требовать в бунтовавших селениях выдачи зачинщиков, а в случае отказа вешать каждого третьего жителя по жребию; если и этого было недостаточно, то должно было повесить каждого сотого, а остальных пересечь под виселицами.

В таких населенных пунктах полагалось поставить виселицы, колеса и глаголи (для подвешивания человека за ребра⁷³). Нема-

⁷³ Сначала подвешивание за ребра в XVIII в. применялось турками к пленным запорожским казакам, потом последние переняли этот вид

ло донесений о состоянии виселиц и колес в селениях Оренбургской и Нижегородской губерний опубликовано [66, с. 359–385; 12, с. 87 и сл.] и, безусловно, множество таких документов все еще хранится в архивах. В Сибири, где волнения продолжались еще некоторое время, виселицы, глаголи и колеса убрали лишь в июне 1775 г. [78, с. 38–40] В Черкасске тело казненного висело до тех пор, пока не сгнивала веревка [15, с. 88 (№ 48)].

24 августа 1774 г. князь Голицын приказал выявлять деревни, где Пугачева называют «Петром III», и «таковых селений все без изъятия возрастные мужики... будут присланными от меня командами беспощадно переказнены мучительнейшими смертями, а жены и дети их отосланы в тягчайшие работы» [18, т. III, с. 292].

Цена крови

Назвать даже приблизительное число наказанных бунтовщиков не представляется возможным. В сборнике документов «Пугачевщина» говорится о 13441 человеке, прошедшем через казанскую и оренбургскую секретные комиссии, а также через Тайную экспедицию [66, с. 453, 466–488]. Из них следует вычесть около 8924 помилованных и добавить казненных царскими карателями на месте. Панин признавался, что «лишены жизни казнию по моим собственно решениям токмо триста двадцать шесть человек» [80, с. 199–200], а ведь казнить или миловать мог не только он⁷⁴.

Численность погибших от рук пугачевцев дворян назвать проще, поскольку она приводится в том же самом отчете Панина от 25 января 1775 г.: 1572, а вместе с незнатными – 2846 человек, из которых 237 были лицами духовного звания. Конечно, кого-то сюда не включили, однако этот отчет составлялся преимущественно на основании поименных списков жертв [68, с. 116–146].

Как видим, дворяне были не единственными жертвами пугачевцев. Так, согласно «Экстракту... о умерщвленных разными мучительствами дворянех и всякого звания людех» в Казани было умерщвлено 188 человек, а в уезде – 407 человек, причем 543 из них являлись солдатами и унтер-офицерами, купцами и суконщиками, дворцовыми и ясашными, дворовыми и инородцами [66, с. 365–367].

казни, а позднее к ней прибегало царское правительство. Подвешенные за ребра были обречены на медленную, мучительную смерть.

⁷⁴ <Культурологическую интерпретацию расправ правительственных сил над повстанцами см. [39, с. 410–412, 426–428]>.

Расправы над бунтовщиками прекратились лишь после 9 августа 1775 г., когда было объявлено о завершении миссии графа Панина [80, с. 213].

Осторожность Екатерины II

Но у властей еще несколько месяцев после подавления бунта сохранялся страх, вынуждавший всячески задабривать отдельные категории населения.

Едва Панин проинформировал императрицу, что в Поволжье наблюдается неурожай и «в здешних местах, где я нахожусь и где самое хлебное изобилие было всегда, теперь при самом вступлении нового хлеба в гумны, неслыханная уже дороговизна, и столь малый онаго привоз в торговые дни, какого почти не запомнят», как она 3 сентября предписала нижегородскому, казанскому, воронежскому, белгородскому, украинскому, тобольскому и московскому губернаторам «отвратить угрожающий во многих местах голод» за счет губернских бюджетов [80, с. 121–126].

С сентября яицкие казаки стали получать муку от пронырливого Маврина.

В июле 1775 г. Екатерина предложила донским казакам направить в Москву 65 человек, «выбранных из лучших и самых ловких в казацких маневрах», для ее почетного караула во время торжеств по поводу заключения Кучук-Кайнарджийского мира. Такой чести удостоивались только самые преданные империи лица.

Желая наказать башкир за участие в бунте, Панин попросил императрицу разрешить реквизировать у них лошадей, но Екатерина отвергла его просьбу. Однако Панин настаивал и тогда 19 февраля 1775 г. она предписала: «Повелеваем вам учинить... сбор с башкирцев до четырех тысяч лошадей; каким же то образом и в какое время, оное оставляем вашему благоизобретению, а поручаем только принять все возможные предосторожности, дабы по известному легкомыслию сего народа не могло произойти вредных следствий» [80, с. 207].

Что касается приписных крестьян, которые в 1775 г. еще раз напомнили властям о себе на беспокойном Авзянском заводе, то теперь по их жалобам выносились конкретные решения. 21 мая 1779 г. был четко определен перечень обязанностей приписных, сверхурочная работа отныне должна была производиться по отдельному договору и оплачиваться по особому тарифу. Идти на завод приписные теперь должны были зимой, когда налажен санный путь и не было полевых работ. Вновь подтверждалось, что че-

ловек мог отработать только 1,7 руб. подушной подати, а остальное внести деньгами. Кроме того, устанавливался тариф оплаты труда для внесения подушной подати: 10 коп. одному человеку (20 коп., если у него была своя лошадь) зимой и 8 (12 с лошадью) коп. – летом [58, № 14878], вместо 6 (12 с лошадью) коп. зимой и 5 (8 с лошадью) коп. летом по тарифу 1769 г. В итоге институт приписки стал для заводовладельцев не выгоден и численность приписных, по крайней мере на частных предприятиях, сократилась.

Конец яицкой автономии

Еще более важными представляются меры, предпринятые властями по укреплению и даже ужесточению существующего строя в целях недопущения впредь никаких бунтов, хотя императрица и продолжала постоянно заявлять о своей материнской заботе ко всем подданным.

Екатерина одобрила представленный Григорием Потемкиным проект об освоении «Новой России» – обширных территорий юга империи, через которые теперь, после поражения Турции, можно было легко получить доступ к Черному морю и к различным богатствам. Для этого требовалось интегрировать в империю, то есть окончательно покорить, свободолюбивые казачьи республики.

К тому времени Яик был обескровлен, полностью подчинен Военной коллегии и перестал избирать атаманов, а его старшина слилась с русской аристократией. От прежних казачьих порядков, за исключением социально-экономического устройства, сохранившегося до начала XX в., ничего не осталось. Однако императрице этого казалось мало и в 1775 г. она пишет про яицких казаков, что «бунтовщиков усмирять надлежит», ибо, «пока оружие в их руках», до тех пор «в явном противу мне и власти моей они [будут] бунте» [72, с. 193, прим. 3].

Дон сохранял верность благодаря старшинам, но жители северной части его бассейна все еще считались ненадежными. В 1775 г. Потемкин учредил в Черкасске подчиненную себе новую Канцелярию Войска Донского, которая занималась раздачей земель верным казакам, а те заселяли их беглыми, преимущественно с Украины, записывая их в крепостные. Так на Дону установилось крепостное право, официально утвержденное там в 1796 г.

Теперь оставалось подчинить Запорожскую Сечь, располагавшуюся на одном из днепровских островов. К тому времени запорожцы уже утратили свою независимость, но еще сохраняли некоторую специфику. 3 августа 1775 г. Екатерина издала манифест,

обвинявший их в претензиях на бывшие турецкие земли, оказывание 8000 тамошних жителей, укрытии 50000 украинских крестьян и захвате земель Войска Донского для устройства землепашества и ухода из-под власти империи. Запорожская Сечь упразднялась и термин «запорожский казак» стал историей [58, № 13354].

На ее территорию вступил русский полк, возвращавшийся из Крыма. Часть казаков ушла по Дунаю в Турцию, а оставшиеся были приняты в русскую регулярную армию [86, с. 161–162].

Волжских казаков в 1776 г. перевели из Дубовки на Терек и поселили между Моздоком и Азовом, а их земли передали выходцам из Центральной России [86, с. 161–162].

Таким образом, последние остатки автономий были ликвидированы, что усилило центральную власть и самодержавие.

Екатерина решила укрепиться и в старых губерниях, для чего, после некоторых колебаний, сделала ставку на дворянство.

Триумф крепостного права

Крепостное право, столь ненавидимое подневольными людьми, сохранилось. Но крепостные были столь хорошо усмирены карателями, настолько морально подавлены своим поражением, что историк Семевский сумел выявить в последние годы царствования Екатерины лишь семь всплесков крестьянского недовольства, причем только три из них потребовали военного вмешательства. Происходили они вдали от мест пугачевщины, например, в Новгородской губернии [84, с. 386–390].

Екатерина не стала сокращать оброчные дни и увеличила численность крепостных путем щедрой раздачи своим фаворитам (причем мимолетным), а также генералам и офицерам земель с крестьянами. В мае 1776 г. она подарила Завадовскому 3000 душ, затем в июле – еще 1000, в 1777 г. – еще 4000. В 1778 г. серб по национальности Зорич получил от императрицы 7000 душ. Бывшие дворцовые крестьяне теперь стали крепостными. Считается, что к концу царствования Екатерины число подаренных ею крепостных достигло 800000 человек, что вполне правдоподобно, поскольку братья Орловы, ловко избавившие императрицу от супруга, получили 50000 душ, а Григорию Потемкину досталось более 40000 крепостных [35, с. 405].

Крепостничество, узаконенное Соборным Уложением 1649 г., а затем легшее в основу нового государственного порядка при Петре Великом, стало, наряду с самодержавием, обязательным и незыблемым принципом существования страны. Просвещенный

историк и мыслитель князь Щербатов в сочинении «Размышление о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям или сделать собственность имений» (1785 г.) отмечал, что некоторые предложения Уложенной комиссии 1767 г. «всеяли паче сию заразу в сердца низких людей... и дух неподданства и разврата в грубые и несмысленные души вкоренился... и вяще зло произошло, присоединением почти всех крестьян... в немалой части нашего пространного отечества... и почти во всех других крестьянах, которые токмо ожидали случая подобныя ж преступления чинить». Дворянство панически боялось нового крестьянского бунта и Екатерина, собиравшаяся отдать благородному сословию империю, вряд ли пошла бы на ущемление его прав.

Власть дворян

Пораженная почти полным параличом власти на местах в ходе бунта, Екатерина провела ее реформирование. Поскольку шестнадцатью огромными, имеющими нерусское название «провинции» территориями управлять было трудно, их преобразовали в пятьдесят губерний (от польск. *gubernia*) численностью 300000 человек, которые в свою очередь делились на уезды по 30000 человек. Но главным при этом было не распределение людей по территориям с меньшей численностью населения, а введение института возглавлявших уезды капитан-исправников, через которых губернатор осуществлял свою власть. Губернатор назначался императрицей, естественно, из дворян, а капитан-исправники и их заседатели избирались (и тоже дворянами).

Выборная система подразумевала проведение дворянских собраний, узаконенных 21 апреля 1785 г. жалованной грамотой Екатерины [59, № 16187]. В ней после напоминания о заслугах русского дворянства, «нам самим и престолу нашему оказанныя в наисмутнейшия времена, как в войне, так и посреде мира», устанавливалось, что дворянин отныне получал все привилегии остальных сословий, ибо теперь он мог «дозволение службу продолжать и от службы просить увольнения по сделанным на то правилам», ему дозволялось «иметь фабрики и заводы по деревням», «оптом продавать, что у них в деревнях родится или рукоделием производится», «заводить... торги и ярмонки», «строить, или покупать дома в городах и в оных иметь рукоделие» и «покупать деревни». Во второй части этого документа объявлялось «дозволение собираться в той губернии, где жительство имеют, и составлять дворянское общество в каждом наместничестве». Уездное собрание проводилось раз в три года зимой

и избирало уездного предводителя дворянства. Губернское собрание созывалось генерал-губернатором тоже раз в три года и выдвигало от уездных предводителей двух кандидатов, из которых губернатор назначал губернского предводителя дворянства, а также рекомендовало кандидатов на губернские должности председателя и заседателей уголовного и гражданского судов, инспектора хлебных магазинов, главы дворянской опеки и др. Дворянское собрание избирало комиссии по контролю за работой местных органов власти и обсуждало планы губернатора. Через депутатов оно могло доводить Сенату и императрице свои жалобы. Дворянин, который не служил в армии или не дослужился до обер-офицерского чина, присутствовать в собрании мог, но не имел права избираться и голосовать.

Таким образом, вскоре после окончания пугачевщины Екатерина создала в России ранее неведомый там дворянский орден, попыталась привить его членам идею избранности и определить круг их обязанностей, сделав их опорой монархии и первым словом государства. Дворянам принадлежало более половины населения империи, местное управление и правосудие. Екатерина предполагала с помощью дворян управлять страной, однако их интересовали не столько интересы государства, сколько свои поместья и крепостные.

Суровый итог

Нужно признать, что после подавления бунта угнетение империей яицкого казачества усилилось, привилегии других казаков урезаны, а Запорожская Сечь ликвидирована. Башкиры и другие нерусские народы, стремившиеся к независимости, лишились ее навсегда; приписка крестьян к заводам просуществовала до тех пор, пока сама себя не изжила, а крепостные, дворовые и землепашцы, мечтавшие освободиться «боярского» гнета, были еще больше опутаны оброками и податями.

Все эти четыре движущие силы бунта были раздавлены. Но если казачья и башкирская элиты сплотились и перешли на службу империи, тем самым сохранив свои бывшие привилегии, то беднота и простолюдины потерпели двойное поражение: они не только были разгромлены царизмом, но и стали еще больше зависеть от собственной аристократии.

Наивные иллюзии

Вера бунтовщиков в свой успех и страх перед ними были отличительной чертой тех событий. С появлением Пугачева бунт

стал распространяться вширь. Воеводы бежали, гарнизоны сдавались, крестьяне приводили своих господ и приказчиков на расправу, священники с паствой встречали самозванца хлебом-солью. Бунтовщики до самого конца верили в свою победу. Они не считали себя клятвопреступниками, ибо сражались за «законного» императора. А бояре в Москве и далече дрожали от страха перед этой захлестнувшей всю империю волной ненависти, которую, казалось, ничем не остановить.

Для нас сегодня кажется удивительным то, что один лагерь был охвачен абсурдной надеждой, а другой – паническим ужасом.

Первоначальный успех бунта объясняется, несомненно, храбростью казаков на поле боя и поддержкой их населением, а также слабостью яицких укреплений. Но как только на пути бунтовщиков встала мощная крепость, их порыв иссяк.

На втором этапе пугачевцы из-за недостатка артиллерии увязли под Оренбургом. Их победы в кавалерийских атаках, где главную роль играли башкиры, были вызваны в основном слабостью противника. Как только Пугачев столкнулся под Татищевой с энергичными и опытными военачальниками, он, несмотря на свой военный талант, очень удививший князя Голицына, потерпел поражение. Результат говорит сам за себя: 400 убитых и раненых солдат и 1300 – бунтовщиков, причем более 3000 их попали в плен.

С этого времени мятежников начинают преследовать неудачи. Они еще будут одерживать победы, брать города и сжигать заводы, но уже не смогут удержать захваченные территории, уйдут с Урала и из Башкирии на запад и обратятся в бегство. Чике Зарубину – лучшему военачальнику Пугачева – не удалось взять Уфу. Примерно тоже было в Казани: комендант крепости рвался в бой, защита города была организована плохо, людей не хватало и они не были обучены ратному делу. Предместья и сам город пугачевцы взяли сразу, но кремль им оказался не по зубам, а вскоре на помощь казанцам подоспела регулярная армия под командованием Михельсона.

Неравное противостояние

Постепенно империя добилась перелома в борьбе с пугачевцами. Заключив мир с Турцией, правительство перебросило армейские части против бунтовщиков и на Дон, чтобы предотвратить там бунт. Теперь против мятежников действовала профессиональная и прекрасно вооруженная армия.

У Пугачева же яицкие казаки, численность коих никогда не

превышала 1500 человек, ибо часть их сохранила верность правительству, на втором этапе бунта составляли меньше половины войска. Они были сплочены, опытни в военном деле и хорошо вооружены, но им не хватало дисциплины и грамотных вожакoв. Кроме того, казаки-пугачевцы гибли на полях сражений, получали ранения, попадали в плен или дезертировали. Чем дальше от Яика уходил Пугачев, тем больше снижался воинственный настрой казачьего войска.

Остальная масса пугачевцев отличалась нестабильностью: на смену покинувшим самозванца после Казани башкир и приписных крестных пришли татары, чуваши, мордва и русские крепостные. Соответственно, теперь у мятежников вместо луков и стрел были дубины, серпы и вилы. Непривыкшие далеко уходить от дома, крепостные неохотно шли в походы и значительно уступали по своим боевым качествам полукочевым или оседлым башкирам. Многочисленность армии Пугачева в финале бунта не подкреплялась ее качеством.

Причины поражения Пугачева

Нельзя не отметить еще одно качество казаков. Бесстрашно бросаясь в бой, они (и прежде всего сам Пугачев) в случае наметившегося превосходства противника сразу же поддавались панике, бежали и сдавались в плен. Они предпочитали набеги, мелкие стычки, стремительные рейды, быстро приносящие победу, а не длительные сражения с непредсказуемым исходом. Кроме того, у Пугачева и его окружения была еще одна причина нервничать, а у многих бунтовщиков, особенно наиболее сообразительных, задумываться. Она заключается в вопросе о происхождении «императора» (самозванец чувствовал, что сомнения в этом нарастают), так не похожего на господ. Эти сомнения изредка возникали в дни побед и обострялись во времена поражений и бегства, даже если оно и было победоносным.

Таковы были причины неизбежного конца бунта, не менее мощные, чем те, что его породили. Если факторы, способствовавшие мятежу, до конца обеспечивали ему успех, то вышеперечисленные слабые стороны привели его к катастрофе.

Что касается результатов пугачевщины, то здесь можно сказать следующее. Несправедливость, которую бунтовщики попытались искоренить с помощью крайнего насилия, погромов и кровопролития, бессмысленной, а иногда просто изуверской жестокости – что вызвало адекватную ответную реакцию царизма – в

итоге еще больше усилилась: зло редко лечится злом⁷⁵.

«Проклятые времена Пугачева», «пугачевщина» – а для русских это равноценно «татарщине», не были славным эпизодом истории ни их страны, ни остального человечества⁷⁶.

II. Конец легенды

Наряду с реальным концом истории Пугачева существовали еще различные формы второго, легендарного, эпилога его эпопеи.

С XVI в. связаны предания об Иване Грозном, а в XVII столетии разбой Степана Разина стал сюжетом для народных легенд. Этот казак вскоре стал героем большого песенного цикла, который, возникнув в казацкой среде, быстро распространился по центральным областям страны и вошел в репертуар сказителей на берегах далекого Белого моря – настолько эти песни выражали тогда чаяния русского народа. Часть из них записал и обработал Пушкин.

Память в фольклоре

Конечно, простой люд помнил о Пугачеве и еще многие годы время отмеряли словами: «Это было до Пугачева... Это было после Пугачева». Об этом, в частности, говорить в романе Мельникова-Печерского «В лесах», действие которого разворачивается на Нижегородчине⁷⁷.

Личность Пугачева столь потрясла современников, что многие долго не верили в его смерть, хотя правительство оповестило всех о казни самозванца. Ходили слухи, что «царь Петр» жив, а вместо него казнили другого человека [73, с. 440–442]. Путешественник Маккензи Уоллес⁷⁸ рассказывал, что в 1872 г. он слышал среди самарских башкир предания о самозванце и хотя с его смерти в 1775 г. прошло уже почти сто лет, о нем и его делах хорошо знала даже молодежь [120, p. 203, note 1].

Однако эпический цикл о Пугачеве не сложился: либо в кон-

⁷⁵ <Культурологическую интерпретацию расправ пугачевцев над своими противниками см. [39, с. 365–393, 410]>.

⁷⁶ <Оценки значения крестьянских войн в России в отечественной и зарубежной историографии см. [92; 47; 104]>.

⁷⁷ «...Что старые люди, помнившие Пугача и чуму московскую...» [40, с. 233–234].

⁷⁸ <Уоллес Дональд Маккензи (1841–1919) – английский журналист>.

це XVIII в. эти события уже стали забываться, либо сказался запрет властей на упоминание о них, либо симпатия к Пугачеву была основана на смеси правды и лжи. Песен на эту тему мало, они похожи на фольклор о Степане Разине, но более простые, без размаха и образности, сюжеты фрагментарны, незакончены, а смысл запутан. Пушкин, искавший на берегах Урала предания о Пугачеве, либо не обнаружил их вообще, либо пренебрег ими.

И все же две песни на эту тему попали в сборник Киреевского. Первая была навеяна жестокой и неудачной осадой Пугачевым и его соратниками Яицкого городка:

*Полтора года страдали –
Все царя себе искали.
Нашли себе царя –
Донского казака
Емельяна Пугача,
Сын Ивановича.
Он со силой собрался,
Под Гурьев поднялся.
Стрельба была несносна,
Стоять было невозможно.
Он видит, что не взять, –
Воротился взад.
С большой силой собрался,
Под Яик поднялся.
Под Яик подходил,
Батальицу сочинил.
Они зачали палить,
Силу-армию валить.
Из Яика-городка
Протекла кровью река,
Круты горы закачались,
Сыра земля затряслась,
Сыра земля затряслась,
Мелка рыба вниз пошла,
Мелка птишка – со гнезда
Укрепила Пугача
Сын Ивановича.*

«Перевешал вашей братьи...»

Вторая песня свидетельствует, что о беседе Пугачева с Паниным было известно многим, но о пощечине, данной царским сновником пленному вождю бунта, в ней не говорится:

Судил тут граф Панин вора Пугачева:
«Скажи, скажи, Пугачинька Емельян Иванович,
Много ли перевешал князей и боярей?».
«Перевешал вашей братьи семьсот семи тысяч.
Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:
Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил,
На твою-то бы на шею ворбвинны возжи,
За твою-то бы услугу повыше подвесил!».
Граф и Панин испужался, руками шибибался:
«Вы берите, слуги верны, вора Пугачева,
Поведите-повезите в Нижний городочик,
В Нижним объявите, в Москве покажите!».
Все московски сенаторы не могут судити [79, с. 122,

№ 111].

Проклятый человек

У третьей песни судьба оказалась лучше. Она могла возникнуть в среде гурьевских и яицких купцов или ремесленников, которые не одобряли затею бунтовщиков:

Уж при славной было при царице,
При матушке при царице Катерине Алексеевне,
Уж весь-то русский народ жил во счастьеце,
Во счастьеце, во раздольице, во богатьем житье.
Уж какь все-то купцы себе дом накаплиали,
А бедные-то ни в чем нужды не видали:
Все жили и молили за царицу,
За матушку Катерину Алексеевну.
Но вдруг настало время злое,
Время злое, несчастливое:
Уж как нанесло-то вихрем
На святую Русь беду пагубную,
Беду пагубную, неминуемую.
Проявился у нас на славной земле,
На славной земле, на святой Руси,
Проявился вор-собака, проклятый человек,
Проклятый человек, Пугачев казацкий сын.
Уж как этот-то собака вздумал по Руси гулять,
Вздумал по Руси гулять, а себя царем казать.
Много кáзнил, много вешал, много головы рубил,
Много головы рубил и во ямушки валил.
Как пьмали-то собаку во чистом поле,
Привезли эту собаку во Москву-город гостить,

*Во Москву-город гостить, буйну голову рубить.
Как казнили-то собаку на главной площади,
Уж казнили, пятерили, буйну голову срубили [7, с. 475].*

На уральских заводах распространялись «тайные (их рассказывали тайком от начальства. – П. П.) сказы». Главным героем одного из них был Рыжанка (атаман Золотой) – заводской работник Плотников, казненный за убийство в 1771 г. заводчика Ширяева. «И Омельян Иваныч к атаману приходил, вместе воевали потом. А что казнили Золотого и со всех заводов на казнь смотреть гоняли – то сказки. Другого казнили, не Золотого», – рассказывал в 1935 г. рабочий Ерошин ученому-фольклористу [91, с. 439]⁷⁹.

Это почти все, что запомнил народ о Пугачеве.

Память дворянства

Но дольше всего о Пугачеве вспоминали, кажется, в семьях дворян.

Еще до казни Пугачева аристократия устами литераторов выразила свою бессильную злобу к нему.

Узнав о поимке самозванца, известный автор классических трагедий и комедий, поэт Александр Сумароков адресовал ему свои мстительные ямбы:

*Ты подлый, дерзкий человек,
Незпно коего природа
Извергла на блаженный век
Ко бедству многого народа.
Забыв и правду и себя
И только сатану любя,
О Боге мыслил без боязни
И шел противу естества,
Отечества и божества,
Не помня неизбежной казни;
Не знал ни малой ты приязни,
В разбой стремясь людей привлечь,
Но днесь отбросил ты свой меч,
И в наши предан ныне руки...*

Когда позднее Пугачева выставили в клетке в Симбирске, Сумароков посвятил Панину и Екатерине «Станс граду Синбир-

⁷⁹ О других произведениях устного народного творчества о Пугачеве см. [36, с. 211–226].

ску на Пугачева»:

*Сей варвар не щадил ни возраста, ни пола,
Пес тако бешеный что встретит, то грызет.
Подобно так на луг из благистото дола
Дракон, шипя, ползет...*

*Граф Панин никогда пред войском не воздремлет,
И сбросил он тебя, взлетевша, с высоты.
И силой и умом мучителя он емлет.
Страдай теперь и ты!..*

*Народы тамошни гласят Екатерине:
«О мать подданных, спасла от зол ты нас!»
Она рекла: «Всегда готова я, как ныне,
Спасати, чада, вас!» [18, т. III, с. 303–312].*

В октябре-ноябре 1774 г. в Симбирске была сочинена комедия «Точь в точь» (изд. в 1785 г.), в которой действовал некий Ванька Иванов, свирепствовавший в Пензенском, Петровском и Керенском уездах, но главное внимание уделялось трусливым воеводам, бежавшим при приближении бунтовщиков, и продажным чиновникам. Автор пьесы, некий Веревкин⁸⁰, мог себе такое позволить, ибо возглавлял походную канцелярию П. Панина [19, с. 433–440].

Уничтожить всякую память!

Позднее о пугачевщине предпочитали не вспоминать. Радищев в 1790 г. дорого заплатил за свое яркое описание реалий крепостного права в «Путешествии из Петербурга в Москву»: Екатерина II назвала его «бунтовщиком хуже Пугачева».

Запрет на упоминание пугачевщины отменили при Александре I, но, видимо, ею уже больше никто не интересовался.

Пугачев повлиял на взгляды Жозефа де Местра⁸¹, предупреждавшего в первой из своих «Четырех неопубликованных глав о

⁸⁰ <Веревкин Михаил Иванович (1732–1795) – русский драматург, переводчик, член-корреспондент Российской АН (1782)>.

⁸¹ <Местр Жозеф Мари де (1753–1821) – французский публицист, политический деятель и религиозный философ. В 1802–1817 гг. являлся посланником сардинского короля в России, где написал свои основные сочинения. Один из вдохновителей и идеологов европейского клерикально-монархического движения первой половины XIX в.>.

России» (1811 г.) об опасности быстрой ликвидации крепостного права: «Свобода в подобной ситуации действует, как крепкое вино, ударяющее в голову человека, к нему непривычного. И ежели при таковом расположении умов явится какой-нибудь университетский Пугачев и присовокупятся к сему безразличие, неспособность или амбиции некоторых дворян, бесчестие чужеземцев,... тогда государство... буквально переломится, подобно слишком длинному бревну, которое опирается лишь на свои концы» [121, р. 291–292].

Декабристы, сосланные Николаем II в Сибирь, не могли открыто высказываться по этому вопросу. Но анализ их позднейших сочинений позволяет сделать вывод, что Пугачев был для них таким же «извергом», как и для екатерининских дворян. Однако декабристы считали причиной его появления самодержавие, а потому находили в нем и свое оправдание.

Лишь один из них высказался иначе в своих воспоминаниях, впервые опубликованных в 1913 г. Гвардейский офицер, сын пьемонтского врача Александр Поджио⁸², родившийся в Хаджибее (будущая Одесса), с юношеским энтузиазмом, не утраченным спустя много лет после 1825 г., восклицал: «Пугачев! Можно ли подойти с обычным презрением к этой великой исторической личности и не остановиться и грустно и задумчиво над этим гражданином-разбойником... Он возмечтал, хотел освобождения своего и своих миллионных братьев-рабов, начал, как гражданин, человечно и кончил, как разбойник, бесчеловечно!» [133]

Гениальный историк: Пушкин

К оценкам Поджио близок глубоко изучавший эту тему Пушкин. С юности поэта привлекали могучие и яркие персонажи русской истории: Лжедмитрий I, Степан Разин, Петр Великий, Суворов. Видимо, Пугачевым он заинтересовался, собирая материал для книги о Суворове. Пушкин добился от царя разрешения ознакомиться с секретными архивными документами, например, с донесениями военных командиров и материалами следствия над бунтовщиками. Он читал рукописные мемуары, конспектировал

⁸² <Поджио Александр Викторович (1798–1873) – декабрист, уроженец Италии. Был приговорен к 20 годам каторги, в 1859 г. вернулся в Европейскую Россию. Придерживался радикальных взглядов. С 1863 г. несколько лет жил за границей. Оставил воспоминания (Записки декабриста. М., 1930)>.

официальные источники, а в 1833 г. провел месяц в Симбирске, Берде, Оренбурге и Уральске, осматривая места, где проходил бунт, встречаясь с еще живыми свидетелями того героического времени и записывая их воспоминания.

Сначала Пушкин хотел написать несколько экзотический и грубоватый роман, но в итоге создал «Историю Пугачева», поскольку являлся официальным историографом, преемником Карамзина. «История пугачевского бунта» – изменение первоначального названия стало почти единственной поправкой, сделанной Николаем I – вышла в 1834 г. в двух томах (во втором томе помещены оправдывающие действия властей документы). Ее отличает изумительно легкий слог, блестящее сочетание описания батальных сцен, политического анализа, портретных зарисовок, мелких подробностей, анекдотических, но характеризующих ситуацию высказываний и даже экономических экскурсов. Но этот анализ далеко не беспристрастен, ибо Пушкин выражал официальную точку зрения, хотя и старался сохранять объективность.

Закончив работу над «Историей...», он в 1835–1836 гг. написал роман «Капитанская дочка», ставший классикой русской литературы. В этой семейной хронике унтер-офицера Гринева на фоне любовного сюжета разворачиваются исторические события. Как справедливо отмечал Рауль Лабри⁸³ в своем предисловии к двуязычному изданию этого романа [129], Пушкин заставляет читателя «пережить прошлое на манер Вальтера Скотта так, как оно было прожито и прочувствовано его героями. Он будет искать правду каждый миг, правду декораций, обычаев, нравов, языка, всего того, что во все эпохи придает вечным чувствам людей своеобразный колорит... Реальные и вымышленные персонажи этого романа показаны живыми людьми, деяния которых оцениваются глазами главного героя, подходящего к ним со своей меркой, своей страстью, своей ненавистью, своей тоской, то есть так, как они воспринимались современниками тех событий, а не так, как их панегирически воспевали потомки или как осуждала беспристрастная история». Пушкинского Пугачева, заключает Р. Лабри, «невозможно забыть из-за его горящих глаз и бороды с проседью, простых привычек, жестокости и гуманизма, желания облегчить судьбу несчастного мужика, смутного предчувствия своего будущего в окружении свирепых товарищей, а также его военного таланта и казачьей удалости...».

⁸³ <Лабри Рауль (1880–1950) – французский историк, переводчик на французский язык «Капитанской дочки» А. С. Пушкина>.

В этом прелестном произведении нет той ненависти к бунтовщикам, которая содержится в работах, написанных сразу после бунта, но в нем отсутствует и характерная для советских последователей Пушкина идеализация пугачевщины. Поэт попытался выявить как историческую, так и психологическую подоплеку этого события.

Пугачевщина в художественной литературе

В течение всего XIX в. образ Пугачева, получивший известность благодаря «Капитанской дочке», продолжал интересовать русских и зарубежных писателей и драматургов. В 1809 г. вышел двухтомный роман Аделаиды Ордэ (Adelaide Horde) «Histoire de Pugatschew»⁸⁴. Гораздо большую художественную ценность имеет пятиактная драма «Пугачев» последовательного демократа и одного из идеологов младогерманцев Карла Гуцкова⁸⁵, который работал над ней почти всю жизнь – с 1844 г. по 1862 г., положив в ее основу пушкинскую «Историю Пугачевского бунта» (по изданному в 1840 г. в Штутгарте немецкому переводу).

«Капитанская дочка» подвигла графа Е. А. Салиаса-де-Турнемира, весьма плодовитого автора скандальных романов, на создание довольно тяжеловесных по стилю и исторически малодостоверных «Пугачевцев» (1874). Однако Салиас побывал на местах пугачевщины, что придало определенную ценность его роману. Переводчик этого сочинения Р. Кандиани в 1892 г.⁸⁶ назвал «Пугачевцев» «глубоким и гениальным произведением», «шедевром русско-

⁸⁴ <В 1775 г. в Лондоне (или Амстердаме) вышла анонимная книга «Le faux Pierre III ou la vie et les aventures du rebelle Jemeljan Pugatschew. D'après l'original Russe de Mr. F.S.G.W.D.B. Avec le portrait de l'imposteur, et notes historiques et politiques» («Ложный Петр III, или жизнь и приключения бунтовщика Емельяна Пугачева. С русского оригинала г-на Ф. С. Г. В. Д. Б. С портретом самозванца, историческими и политическими примечаниями»), приобретшая необычайную популярность за границей и в России. В 1776 г. вышел перевод этой книги на немецкий язык, а в 1809 г. – русский перевод в Москве и сокращенный пересказ в Париже под заглавием «История Пугачева», автором которой была указана как раз некая Аделаида Ордэ. Подробнее см.: Шаркова И. С. Первое иностранное сочинение о Е. И. Пугачеве // Вопросы истории. 1975. № 7>.

⁸⁵ <Гуцков Карл (1811–1878) – немецкий писатель и публицист>.

⁸⁶ <Речь идет об издании: Candiani R. Pougatcheff, d'après le roman russe de Salhias de Tournemire. Paris, 1892>.

го исторического романа», однако все же был вынужден несколько «смягчить» текст оригинала⁸⁷. Не менее плодовитый уральский писатель-демократ Д. Н. Мамин-Сибиряк посвятил свою повесть «Охонины брови» (1892) предшествующему пугачевщине бунту крестьян Свято-Далматова монастыря в 1762–1764 гг.

«У казаков»

Пугачевский бунт привлек внимание русского писателя Владимира Короленко. В 1900 г. он несколько месяцев работал в архивах Яицкого казачьего войска, ездил по его землям, беседовал со старожилами.

Писатель увидел, что образ жизни, социальный строй и нравственные качества местных жителей со времен Пугачева почти не изменились: казаки по-прежнему были высокомерны к представителям других сословий, составлявшим здесь большинство населения, уральские казаки считали илецких представителями второго сорта – только первые могли пользоваться рыбными угодьями и лугами, причем это была преимущественно прерогатива богатых. Казаки презирали голытьбу, гордились своим краем, враждовали с соседями-киргизами и не признавали российские законы. Писатель встречался с потомками пугачевцев, видел в Уральске два дома, в которых жил Пугачев, многие помнили те события, хотя некоторые все же боялись упоминать его имя. Короленко задумал исторический роман о пугачевщине, но ограничился очерком. Опубликованный в 1901 г. в эсеровском журнале «Русское богатство» под названием «У казаков», он содержит глубокие и яркие наблюдения, проникнут искренней симпатией автора к своим героям [24, с. 39–166].

«Хочешь встать...»

В советский период кроме романа В. Шишкова⁸⁸ было создано несколько драматических произведений о Пугачеве: их авто-

⁸⁷ <К сожалению, П. Паскаль не упоминает роман «Черный год» («Пугачевщина») (1889) Григория Петровича Данилевского (1829–1890), в отличие от сочинения Е. А. Салиаса положительно оцениваемый историками с точки зрения достоверности описываемых событий>.

⁸⁸ <Шишков Вячеслав Яковлевич (1873–1945) – советский писатель, автор исторической эпопеи «Емельян Пугачев» (кн. 1–3, 1938–1945; Сталинская премия, 1946)>.

рами являлись В. Каменский⁸⁹, И. Луковской⁹⁰, В. Пистоленко⁹¹, Д. Смолин⁹², К. Тренев⁹³. Пьеса последнего «Пугачевщина», поставленная в Московском Художественном академическом театре в 1925 г., подверглась критике, поскольку изображала Пугачева и его соратников как злодеев и душегубов [131]⁹⁴.

Но самый яркий образ Пугачева в советской литературе был создан поэтом С. Есениным. Для своей лирической поэмы автор позаимствовал у истории лишь имена героев, отдельные штрихи и общую канву. Пушкинскую «Историю...» Есенин не принимал. В 1921 г. поэт считал себя «хулиганом», противником окружающего мира, для него не существовало ничего, кроме жажды жизни и страсти, поэтому и своего Пугачева он во многом писал с себя. Есенинский Пугачев, по словам Софи Лаффитт⁹⁵, «анархист и романтик,... бунтарь, не признающий никаких ограничений. Это мягкий, любящий живность и природу, но одновременно жестокий, гордый и безрассудный человек. Он хочет быть вне общества и в то же время властвовать над людьми». Герой и его собеседники в восьми частях этой драмы – от «Появления Пугачева в Яицком городке» и «Бегства калмыков» до «Ветер качает рожь» и «Конец Пугачева» – все время делятся своими переживаниями. Речи Хлопуши, Зарубина, Торнова, Шигаева украшены витиеватыми метафорами, столь характерными для имажинистов. Но, по словам Софи Лаффитт, «это

⁸⁹ <Каменский Василий Васильевич (1884–1961) – русский поэт, автор романтической поэмы «Емельян Пугачев» (1931)>.

⁹⁰ <Луковской Игорь Владимирович (1909–1979) – советский сценарист и драматург, автор трагедии «Емельян Пугачев» (1938)>.

⁹¹ <Пистоленко Владимир Иванович (1908–1973) – советский прозаик и драматург, автор пьесы «Емельян Пугачев» (1951) и романа «Сказание о сотнике Тимофее Подурове» (1973)>.

⁹² <Смолин Дмитрий Петрович (1891–1955) – советский драматург, автор драматической поэмы «Пугачев и Екатерина II» (1924), трагикомедии в 4-х актах «Елизавета Петровна» (1925)>.

⁹³ <Тренев Константин Андреевич (1876–1945) – русский писатель, драматург, автор пьесы «Пугачевщина» (1924)>.

⁹⁴ <В своем кратком обзоре П. Паскаль упустил из виду оригинальный роман русского писателя-эмигранта Михаила Константиновича Первухина (1870–1928) «Пугачев-победитель» (1924), написанный в жанре альтернативной истории>.

⁹⁵ <Лаффитт Софья Григорьевна (1905–1975) – уроженка России, профессор русской литературы Сорбонны (1961–1965), заведующая кафедрой русской литературы и истории российской цивилизации (1965–1972). Автор книг о русских писателях>.

не вредит замечательному очарованию поэмы» [115, р. 121–125].

Вот как выглядит последний монолог Пугачева после резких слов предателя Творогова:

Т в о р о г о в

*Ну, рехнулся... чего ж глазеть?
Вяжите!
Чай, не выбьет стены головою.
Слава богу! конец его зверской резне,
Конец его злобному волчьему вою.
Будет ярче гореть теперь осени медь,
Мак зари черпаками ветров не выхлестать.
Торопитесь же!
Нужно скорей поспеть
Передать его в руки правительства.*

П у г а ч е в

*Где ж ты? Где ж ты, бывшая мощь?
Хочешь встать - и рукою не можешь двинуться!
Юность, юность! Как майская ночь,
Отзвенела ты черемухой в степной провинции.
Вот всплывает, всплывает синь ночная над Доном,
Тянет мягкой гарью с сухих перелесиц.
.....
Боже мой!
Неужели пришла пора?
Неужель под душой так же падаешь, как под ношей?
А казалось... казалось еще вчера...
Дорогие мои... дорогие... хор-рошие...*

Народники

Пугачевская легенда была порождена не столько фольклором или литературой, сколько политиками.

В именном указателе в [134] Пугачев упоминается 38 раз в связи с Герценом, Бакуниным, Спешневым⁹⁶, Чернышевским, «Манифестом молодой России», Нечаевым, Лавровым, Тихоми-

⁹⁶ <Спешнев Николай Александрович (1821–1882) – общественный деятель, один из лидеров петрашевцев, представитель крайне левого крыла. В 1849 г. приговорен к 10 годам каторги. С 1861 г. мировой посредник в Псковской губернии, отстаивал интересы крестьян>.

ровым, Берви-Флеровским, «хождением в народ», «Землей и волей». Если для основной массы народа Пугачев и его бунт были запретной темой, а писатели погрязли в спорах по этому вопросу, то большинство политиков выделяли в пугачевщине лишь выгодные для себя моменты. Народники считали, что русская революция будет крестьянской, поскольку крестьяне составляют большинство населения страны и уже пользуются ее первыми плодами в артели и общине, и ощущали себя сродни пугачевщине, движущие силы которой – казаки, приписные, инородцы и крепостные – в основном являлись крестьянами. Но у народников не было единства в оценке Пугачева.

Герцен, разочаровавшийся после 1849 г. в Западе, писал Мадзини: «Я не верю ни в какую революцию в России, кроме крестьянской. Тот, кто сумеет объединить раскольников и крестьян, как Пугачев уральских казаков, поразит насмерть ледяной петербургский деспотизм». Именно поэтому в 1853 г. он сделал эпиграфом к своему памфлету «Крещеная собственность» дерзкий ответ Пугачева Панину: «Я не ворон, а вороненок, настоящий ворон еще летает в поднебесье».

Да здравствует насилие!

М. Бакунин представлял будущую революцию несколько иначе, но тоже как бунт. В 1849 г. пришел к выводу, что движения Разина и Пугачева свидетельствуют о способности русского крестьянина на новый мятеж. В 1862 г. в памфлете «Народное дело: Романов, Пугачев или Пестель?» он еще полагал, что бунт может возглавить сам император, но в 1866 г. в письмах к Герцену, отвергая столь любимую последним общину, призывал к насилию в духе Разина, Пугачева и раскола.

Спешнев, самый неустрашимый из петрашевцев, считал, что угнетенные должны действовать «à la Pougatchev». Его особенно привлекала решительность Пугачева. Авторы-якобинцы «Манифеста Молодой России» (1862 г.) также подчеркивали, что Разин и Пугачев не боялись кровопролития. В 1872 г. Нечаев восхищался тем, что Разин и Пугачев «вешали дворян, как во Франции отправляли их на гилотину».

В 1873 г., в связи со столетием пугачевщины, Л. А. Тихомиров и П. А. Кропоткин издали в Женеве брошюру «Емельян Иванович Пугачев, или Бунт 1773 года», в которой призывали к созданию вооруженных отрядов по 100 человек (особенно в тех местах, где еще помнили о Разине и Пугачеве), чтобы идти на Москву против

господ и властей. Это было наивным эпигономством 1774 г.

Петр Лавров, блестящий публицист, в статье «В память столетия пугачевщины», опубликованной в журнале «Вперед!» и впоследствии дважды переизданной в виде брошюры, сравнивает пугачевщину и американскую революцию. По его мнению, не либерализм, зародившийся в Соединенных Штатах Америки, а именно бунт русских крестьян открыл человечеству дорогу в будущее. В манифестах безграмотного казака, «подписывавшегося фантастическим именем идиота,... было более жизненных общественных начал, более крепких залогов, неотвратимых грозных пророчеств для будущего, чем во всех гуманных «Наказах», даже во всех либеральных и радикальных проповедях против алтаря и престола, раздававшихся на берегах Темзы, Сены и Делавава», – писал Лавров.

Молодые энтузиасты 1873–1874 гг., ходившие в народ для его просвещения и избавления от невежества, верили, что в донских и поволжских губерниях они обнаружат дух Разина и Пугачева, но их ждало глубокое разочарование.

Пугачевская легенда под вопросом

Таким образом, отождествление Разина с Доном и Пугачева с Волгой оказалось мифом. Но кое-кто, критически относясь к Пугачеву за его поражение и продолжая считать крестьянство основной движущей силой будущей русской революции, полагал, что к бунту надо готовиться тщательно.

Так, Н. Г. Чернышевский считал, что движущие силы пугачевщины не были сплочены и поэтому она потерпела неудачу. Революционеров должна объединять партия и эта роль отводилась созданному в 1877 г. обществу «Земля и воля». Согласно Л. А. Тихомирову, социал-демократическая партия должна стать организатором революции, силой, «которая смело пошла бы навстречу народу». «В самом народе, – писал в 1881 г. журнал «Народная воля», – нет такой силы, которая взяла бы на себя инициативу движения, да если бы такая сила и оказалась, то прежняя форма борьбы ни чему бы не привела, ибо ей, этой силе, пришлось бы помериться с государством Александра II и Лорис-Меликова в "век железных дорог и телеграфов". Разница весьма существенная».

Итак, народники смогли найти замену пугачевской легенде. Впрочем, теперь она уже воспринималась иначе. «Работник», «газета русских рабочих», в 1875 г. писала, что великий пугачевский бунт, несомненно, был реакцией на тогдашние порядки, но если бы Пугачеву удалось одержать победу, то его власть была бы

похоже на прежнюю. По мнению газеты, Пугачев не был поборником свободы крестьян, а воспользовался их доверчивостью для борьбы за престол. Да, он объявил войну дворянам, да, он обещал землю и свободу, но на виллах, на которые он поднял аристократов, не было ни купцов, ни кулачества.

Конец пугачевской легенды

«Работник» была газетой бакунинского толка и отрицала государство, но, признавая роль крестьянства, она начала обращать внимание на рабочий класс. Нарождавшийся марксизм не доверял крестьянам. Марксисты – с 1898 г. русские социал-демократы, а с 1903 г. большевики – характеризовали пугачевщину лишь как крестьянскую войну. Крестьянин-единоличник, по их мнению, не может привести социал-демократическую революцию к победе, потому что он не сплочен, но главное, потому что по сути своей является частным собственником. В недавно опубликованном советском коллективном исследовании приводится архивный документ, которым Пугачев «пожаловал» «города Пензы городского товарища Андрея Кознова жительствовавшим у него семейством крестьянина Тихона Федосеева и з женою Аксиньей Киреевой и з детьми Натальей, Андреем, Акулиной и Агафьей в вечное и потомственное владение»⁹⁷, а в манифесте от 31 июля 1774 г. призвал освобожденных им от крепостной зависимости крестьян быть «верноподданными рабами собственно нашей короны» [27, с. 12], хотя слово «раб» в данном контексте означает «раб Божий».

Надо заметить, что если коммунистические авторы и подчеркивают в пугачевщине организованное начало, ссылаясь при этом на наличие у повстанцев Военной коллегии и налаживание ими выпуска вооружений, то все равно не идеализируют ни сам бунт, ни его вождей и участников. Судя по указателю к Полному собранию сочинений В. И. Ленина, вождь пролетариата лишь однажды упомянул Пугачева в своей ранней работе, да и то в качестве чужой цитаты.

Разумеется, пугачевская традиция не сыграла никакой роли ни в революции 1917 г., ни в крестьянских бунтах, подготовивших и сопровождавших ее. Эта революция имела собственные достаточно мощные корни, и память о Пугачеве потеряла свою актуальность.

⁹⁷ <Сегодня подлинность этого документа оспаривается: [14, с. 390]>.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг.: на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969.
2. *Бетеа Д.* «История Пугачева»: на пересечении факта и нулевой степени художественного вымысла // История и историософия в литературном преломлении: *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia VIII*. Тарту, 2002.
3. *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1993. Т. 3.
4. *Буганов В. И.* Емельян Пугачев. М., 1990.
5. *Буганов В. И.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976.
6. *Буганов В. И.* Пугачев. М., 1984.
7. Былины / под ред., с введ. ст. и примеч. *М. Н. Сперанского*. М., 1919. Т. II.
8. *Вареник В. И.* Происхождение донского казачества. Ростов н/Д, 1996.
9. *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897.
10. *Гвоздикова И. М.* Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Уфа, 1999.
11. *Гмелин С. Г.* Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб., 1777. Ч. II.
12. *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество. Киев, 1957.
13. Далматовский монастырь в 1773 и 1774 гг., или в Пугачевский бунт, соч. протоирея Григория Плотникова // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1859. Кн. 1. Раздел V: смесь.
14. Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М., 1975.
15. Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 годов. Ростов н/Дону, 1961.
16. Допрос Е. И. Пугачева в Москве в 1774–1775 гг. // Красный архив. 1935. № 69–70.
17. Допросы Пугачеву // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете.

- М., 1858. Кн. 2. Отд. 2.
18. *Дубровин Н. Ф.* Пугачев и его сообщники: эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II, 1773–1774 гг.: по неизданным источникам. СПб., 1884. Т. I–III.
 19. *Елеонский С.* Пугачевщина в дворянской литературе XVIII в. «Точь в точь» М. Веревкина // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9–10.
 20. Емельян Пугачев на следствии. М., 1997.
 21. *Золотов В. А., Пронштейн А. П.* За землю, за волю...: из истории народных движений на Дону. Ростов-на-Дону, 1974.
 22. *Кафенгауз Б. Б.* Россия при Петре Первом. М., 1955.
 23. *Кокен Ф.-К.* Пьер Паскаль (1890–1983): его политический и духовный путь // Из глубины времен. СПб., 1997. Вып. 8.
 24. *Короленко В. Г.* Полное собрание сочинений: посмертное издание. Харьков, 1923. Т. XX.
 25. *Краева Т. В.* Христианство и большевизм в интеллектуальных исканиях Пьера Паскаля // *Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX веков.* № 4. Интеллектуальная история. Екатеринбург, 2006. Вып. 2.
 26. Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии: сб. док. Уфа, 1975.
 27. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Пугачева. Л., 1966. Т. II.
 28. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева в Марийском крае: документы и материалы. Йошкар-Ола, 1989.
 29. Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии: сб. док. и материалов. Ижевск, 1974.
 30. Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии: сб. док. Чебоксары, 1972.
 31. Крестьянская война 1773–1775 гг. в России: документы из собрания Государственного Исторического Музея. М., 1973.
 32. *Левшин А. И.* Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб., 1823.

33. *Лесин В. И.* Силуэты русского бунта. М., 2007.
34. *Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панях В. М.* Пугачев и его сподвижники. Л., 1965.
35. *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1952. Т. 1.
36. *Мавродин В. В.* Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Л., 1961. Т. I.
37. *Маковский Д. П.* Первая крестьянская война в России. Смоленск, 1967.
38. *Мауль В. Я.* К вопросу об оценке личности Салавата Юлаева // Большая ложь историков Башкортостана (к вопросу о формировании сословия «башкир-вотчинников» в северо-западном Приуралье). Казань, 2010.
39. *Мауль В. Я.* Архетипы русского бунта XVIII столетия // Русский бунт: сб. историко-литературных произведений. М., 2007.
40. *Мельников П. И. (Андрей Печерский).* В лесах // Собрание сочинений в восьми томах. М., 1976. Т. 3.
41. *Мининков Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1998.
42. *Мининков Н.А.* Были ли крестьянские войны в России? // История России в вопросах и ответах: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 1999.
43. *Муратов Х. И.* Емельян Иванович Пугачев. Ростов н/Д., 1979.
44. *Неплюев И. И.* Записки. СПб., 1893.
45. *Нива Ж.* Возвращение в Европу. М., 1999.
46. *Нива Ж.* Пьер Паскаль или «Русская религия» // Синтаксис. Париж, 1985. № 15.
47. *Нольте Г.* Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // Вопросы истории. 1994. № 11.
48. *Овчинников Р. В.* «Занятия в архивах дают возможность познать вкус и азарт исследовательского поиска...» // Отечественные архивы. 2007. № 3.
49. *Овчинников Р. В.* За пушкинской строкой. Челябинск, 1998.
50. *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. М.,

1980.

51. *Овчинников Р. В.* Над страницами исторической прозы А. С. Пушкина. М., 2002.
52. *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его соратниками. М., 1997.
53. *Орлов А. С.* Волнения на Урале в середине XVIII в. (к вопросу о формировании пролетариата в России). М., 1979.
54. *Орлов С. А.* Пирамида Салавата. Казань, 2006.
55. *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Т. I.
56. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XV.
57. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XVII.
58. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XX.
59. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXII.
60. *Порталь Р.* Башкиры и Россия / пер. с франц. *Л. Ф. Сахибгареевой* // *Порталь Р.* Исследования по истории, историографии и источниковедению регионов России. Уфа, 2005.
61. *Порталь Р. С.* Урал в XVIII веке: очерки социально-экономической истории / пер. с франц. *Л. Ф. Сахибгареевой*. Уфа, 2004.
62. *Проништейн А. П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961.
63. *Проништейн А. П., Мининков Н. А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Дону, 1983.
64. Пугачевщина. М., 1926. Т. 1.
65. Пугачевщина. М.; Л., 1929. Т. 2.
66. Пугачевщина. М.; Л., 1931. Т. 3.
67. *Пушкин А. С.* Замечания о бунте // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 16 тт. М.; Л., 1938. Т. 9, кн. 1.
68. *Пушкин А. С.* История Пугачева // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 16 тт. М.; Л., 1938. Т. 9, кн. 1.
69. *Пушкин А. С.* Записи устных рассказов, преданий, песен

- // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 16 тт. М.; Л., 1940. Т. 9, кн. 2.
70. Рассказ, записанный со слов одного из участников в Пугачевском бунте // *Курмачева М. Д.* Города Урала и Поволжья в крестьянской войне 1773–1775 гг. М., 1991.
71. *Розанов Ю. В.* Пьер Паскаль об истории и культуре России // Французская культура в русской провинции (Вологодский край). Вологда, 2003.
72. *Рознер И. Г.* Яик перед бурей: восстание 1772 г. на Яике – предвестник Крестьянской войны под руководством Е. Пугачева. М., 1966.
73. Русская старина. 1874. Т. 13.
74. Русский архив. 1879. Кн. 2.
75. *Рыблова М. А.* Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX в. Волгоград, 2006.
76. *Рычков П. И.* Осада Оренбурга (Летопись Рычкова) // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 16 тт. М.; Л., 1938. Т. 9, кн. 1.
77. *Рябов С. И.* Донская земля в XVII веке. Волгоград, 1992.
78. *Савич А. А.* Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVII–XX в. М., 1931.
79. Сборник народных песен П. В. Киреевского. Л., 1977. Т. 1.
80. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1870. Т. 6.
81. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1872. Т. 10.
82. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1888. Т. 68.
83. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1903. Т. 115.
84. *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. I.
85. *Семенов П. П.* Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1914. Т. V.
86. *Семенов П. П.* Россия Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1910. Т. XIV.
87. *Семенов П. П.* Россия Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1901. Т. VI.

88. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 4.
89. Смирнов И. И. Восстание Болотникова. Л., 1951.
90. Смирнов Ю. Н. Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск. 2007. №5/3 (55).
91. Соколов Ю. М. Русский фольклор: учебник для высших учебных заведений. М., 1938.
92. Соловьев В. М. Актуальные вопросы изучения народных движений (полемические заметки о крестьянских войнах в России) // История СССР. 1991. № 3.
93. Струве Н. Петр Карлович Паскаль: памяти учителя и друга // Струве Н. Православие и культура. М., 1992.
94. Тоёкава Коити. Оренбург и Оренбургское казачество во время восстания Пугачёва 1773–1774 гг. М., 1996.
95. Тхоржевский С. И. Народные волнения при первых Романовых. Пг., 1924.
96. Тхоржевский С. И. Стенька Разин: исторический очерк. Пг., 1923.
97. Фирсов Н. Пугачевщина. М., 1908.
98. Ходасевич В. Державин. Париж, 1931.
99. Хрестоматия по истории СССР / сост. С. С. Дмитриев и М. В. Нечкина. М., 1953. Т. 2.
100. Цветаева М. И. Пушкин и Пугачев // Русский бунт: сб. историко-литературных произведений. М., 2007.
101. Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1861. Кн. 3.
102. Шакурова Ф. А. Салават Юлаев и его время: дидакт. материалы и метод. рекомен. по проведению уроков и внекл. мероприятий. Уфа, 2006.
103. Шанский Д. Н. Французская историография феодальной России. М., 1991.
104. Шарф К. Пугачев: император между периферией и центром: к постановке проблемы // Ab Imperio. 2003. № 1.
105. Шаяхметов Ф. Ф. Между Великой Степью и оседлостью: процессы седентаризации башкир и распространения земледелия в XVII–XIX веках. Уфа, 2005.
106. Янель З. К. Феномен стихийности и повстанческая орга-

- низация массовых движений феодального крестьянства России // История СССР. 1982. № 5.
107. *Alexander J. T.* Autocratic Politics in a National Crisis: The Imperial Russian Government and Pugachev's Revolt, 1773–1775. Bloomington, 1969.
 108. *Alexander J. T.* Emperor of the Cossacks. Pugachev and the Frontier Jacquerie of 1773–1775. Lawrence, 1973.
 109. *Bodger A.* The Kazakhs and the Pugachev uprising in Russia, 1773–1775 // Papers on Inner Asia. 1988. No. 11.
 110. *Borodatova A.* Pugachóv o las peculiaridades del motín ruso // *Meyer J.* (ed.). Tres levantamientos populares: Pugachóv, Túpac Amaru, Hidalgo. México, 1992.
 111. *Confino M.* Domaines et Seigneurs en Russie vers la Fin du XVIIIe siecle. Paris, 1963.
 112. *Donnert E.* Ideologie und Gesellschaftsideal der Pugačev-Bewegung // Gesellschaft und Kultur Rußlands in der 2. Hälfte des 18. Jahrhunderts. T. 1. Halle, 1982.
 113. *Goriounov A.* Fonds Pierre Pascal: Inventaire. Nanterre: Bdic, 2006.
 114. *Kersten E.-C.* Pugatschow-Aufstand 1773–1775 – Beteiligte und Motive. München: GRIN Verlag, 2007.
 115. *Laffitte S.* Serge Essénine: une étude, choix de textes, bibliographie, portraits. Paris, 1959.
 116. *Longworth Ph.* The Cossacks. New York, 1970.
 117. *Longworth Ph.* The last great cossack-peasant rising // Journal of European Studies. 1973, Vol. 3, Issue 1.
 118. *Longworth Ph.* The Pretender Phenomenon in Eighteenth-Century Russia // Past and Present. 1975. Feb., no. 66.
 119. *Longworth Ph.* Peasant leadership and the Pugachev revolt // Journal of Peasant Studies. 1975. Vol. 2, Issue 2.
 120. *Mackenzie Wallace D.* Russia: Its History and Condition to 1877. London, 1910. Vol. II.
 121. *Maistre J. de.* Œuvres complètes. Lyon, 1893.
 122. *Mercury F.* La révolte de Pougatchev contre Catherine II // Les Grandes Enigmes Du Temps Jadis. Paris, 1968. T. 1.
 123. *Mousnier R.* Fureurs paysannes: les paysans dans les révoltes du XVIIe siècle (France, Russie, Chine). Paris, 1968.
 124. *Nolde B.* La formation de l'empire Russe. Paris, 1952. T. I.

125. *Pascal P.* Avvakum et les débuts du «raskol»: La crise religieuse au XVIIe siècle en Russie. Paris, 1938 (переиздания 1963, 1969; рус. пер.: *Паскаль П.* Протопоп Аввакум и начало Раскола. М., 2010).
126. *Peters D.* Politische und gesellschaftliche Vorstellungen in der Aufstandsbewegung unter Pugačev (1773–1775). Berlin; Wiesbaden, 1973.
127. *Plambeck P.* Publizistik im Russland des 18. Jahrhunderts: Analyse der Aufrufe zur Zeit des Pugačev-Aufstandes, 1773–1775. Hamburg, 1982.
128. *Plate A.* Der Pugacev-Aufstand: Kosakenherrslichkeit oder sozialer Protest // *Löwe H.-D.* (ed.). Volksaufstände in Rußland. Von der Zeit der Wirren bis zur «Grünen Revolution» gegen die Sowjetherrschaft. Wiesbaden, 2006.
129. *Pouchkin A.* La fille du capitane / texte russe sccentué avec trad., introd. et comment par Raoul Labry. Paris: Aubier, 1948. 2 vol.
130. *Raeff M.* Pugachev's Rebellion // Preconditions of Revolution in Early Modern Europe. Baltimore; London, 1970.
131. *Roberts S. E.* Soviet Historical Drama: Its Role in The Development of a National Mythology. The Hague, 1965.
132. *Tuchtenhagen R.* Die Ural-Aufstände 1754–1766 // *Löwe H.-D.* (ed.). Volksaufstände in Rußland. Von der Zeit der Wirren bis zur «Grünen Revolution» gegen die Sowjetherrschaft. Wiesbaden, 2006.
133. *Venturi F.* Il moto decabrista e i fratelli Poggi. Torino, 1956.
134. *Venturi F.* Il populismo russo. Torino, 1952. V. 1–2.
135. *Vogüé E.-M. de.* Une guerre servile en Russie: la revolte de Pougatchef // Revue des deux mondes. 1879. T. 34. 15 juillet.

СОДЕРЖАНИЕ

Кучумов И. В. «Бессмысленный и беспощадный» (заметки о книге Пьера Паскаля по истории пугачевского бунта).....	5
НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕВОЛЮЦИЯ?.....	10
ПРОЛОГ. Степь.....	14
Акт 1. ГЕРОЙ.....	33
Акт 2. БУНТ КАЗАКОВ.....	48
Акт 3. БУНТ БАШКИР И ГОРНОЗАВОДСКИХ КРЕСТЬЯН	
I. Отчаявшийся народ.....	72
II. Пугачев на Урале.....	85
III. Отступление.....	100
Акт 4. ВРЕМЕННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ.....	106
Акт 5. МЯТЕЖ КРЕПОСТНЫХ.....	116
ПОСЛЕ ПУГАЧЕВА	
I. Конец истории.....	149
II. Конец легенды.....	161
БИБЛИОГРАФИЯ.....	175

Научное издание

Пьер ПАСКАЛЬ
ПУГАЧЕВСКИЙ БУНТ

Перевод с французского
Сахибгареевой Лилии Фанилевны

Редактор *З. А. Мамаева*
Компьютерная верстка *И. В. Кучумова*

Сдано в набор 24.02.2010. Подписано в печать 28.10.2010.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Georgia».
Печать ризографическая. Усл. печ. л. 10,7. Уч.-изд. л. 9,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 6. Цена договорная.

Издательство ИП Галиуллин Д.А.
450105, г. Уфа, ул. Королева, 10/3–75; 741387@mail.ru

Отпечатано в типографии ИП Галиуллин Д.А.
в полном соответствии с предоставленными оригинал-макетами.
450105, г. Уфа, ул. Королева, 10/3–75; 741387@mail.ru